

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы
имени П.А. СТОЛЫПИНА

Научный журнал

№ 2 (15)

2008

Саратов

Научный журнал

**Учредитель
Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина**

Главный редактор – профессор **С.Ю. Наумов**
Зам. главного редактора – профессор **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь – **С.Г. Сергеев**

Редакционный совет:

С.Ю. Наумов (председатель), **Л.В. Гильченко** (Приволжский федеральный округ),
П.Л. Ипатов (Саратовская область), **В.В. Артяков** (Самарская область),
О.И. Бетин (Тамбовская область), **В.К. Бочкарев** (Пензенская область),
С.И. Морозов (Ульяновская область), **Ю.З. Камалтынов** (Республика Татарстан),
Г.Ф. Игнатович (Оренбургская область)

Редакционная коллегия:

В.Н. Гасилин, д-р филос. наук; **В.В. Герасимова**, д-р экон. наук;
В.П. Жуковский, д-р пед. наук; **Л.В. Константинова**, д-р социол. наук;
Э.Г. Липатов, канд. юрид. наук; **О.И. Марченко**, канд. экон. наук;
Е.В. Масленникова, канд. социол. наук; **И.В. Ракевич**, канд. экон. наук;
А.Н. Романцов, д-р экон. наук; **Ю.И. Тарский**, д-р социол. наук;
Т.П. Фокина, канд. филос. наук; **О.И. Цыбулевская**, д-р юрид. наук;
В.Л. Чепляев, канд. социол. наук; **Т.И. Черняева**, д-р социол. наук

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция апрель 2008 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора (по направлениям «Социология», «Политология») и кандидата наук (по направлениям «Философия», «Культурология», «Право», «Социология», «Политология»).

Подписной индекс в Роспечати 20432

© ФГОУ ВПО «Поволжская академия
государственной службы им. П.А. Столыпина», 2008

№ 2 (15)
2008

B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION ACADEMY
FOR CIVIL SERVICE
NAMED AFTER P.A. STOLYPIN

Science magazine

Founder:

***Volga Region Academy for Civil Service
named after P.A. Stolypin***

Editor-in-chief: Professor ***S.Yu. Naumov***
Deputy editor-in-chief: Professor ***O.N. Fomin***
Executive secretary: ***S.G. Sergeev***

Editorial council:

S.Yu. Naumov (Chairman), ***L.V. Ghilchenko*** (Volga Region Federal District),
P.L. Ipatov (Saratov Region), ***V.V. Artiakov*** (Samara Region),
O.I. Betin (Tambov Region), ***V.K. Bochkarev*** (Penza Region),
S.I. Morozov (Ulianovsk Region), ***Yu.Z. Kamaltynov*** (Republic of Tatarstan),
G.F. Ignatovich (Orenburg Region)

Editorial board:

V.N. Gasilin, *Doctor of Philosophic Sciences*; ***V.V. Gerasimova***,
Doctor of Economic Sciences; ***V.P. Zhukovsky***, *Doctor of Pedagogic Sciences*;
L.V. Konstantinova, *Doctor of Sociological Sciences*; ***E.G. Lipatov***, *Candidate*
of Sciences (Jurisprudence); ***O.I. Marchenko***, *Candidate of Sciences (Economy)*;
E.V. Maslennikova, *Candidate of Sciences (Sociology)*; ***I.V. Rackevich***,
Candidate of Sciences (Economy); ***A.N. Romantsov***, *Doctor of Economic Sciences*;
Yu.I. Tarsky, *Doctor of Sociological Sciences*; ***T.P. Fokina***,
Candidate of Sciences (Philosophy); ***O.I. Tsibylevskaya***, *Doctor*
of Law Sciences; ***V.L. Chepliaev***, *Candidate of Sciences (Sociology)*;
T.I. Cherniaeva, *Doctor of Sociological Sciences*

© Volga Region Academy
for Civil Service named after P.A. Stolypin, 2008

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

УДК 002
ББК 76

И.В. Дмитрачков,
пресс-секретарь губернатора Оренбургской области

МАСС-МЕДИА В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В условиях политической модернизации и формирования информационного общества решающее значение приобретает проблема управления общественными отношениями с помощью информации и коммуникации в целом, а также управления информационно-коммуникативными отношениями на основе имеющегося потенциала информационной политики. В данном контексте актуализируется необходимость перехода к новым моделям взаимодействия «общество – СМИ – власть». Важным представляется устранение коммуникативных разрывов, достижение идентичности между объективными и субъективными факторами государственного управления.

В общественных науках достаточно подробно разработана тематика социально-политических изменений. В частности, П. Штомпка считает, что социальные изменения происходят на следующих элементарных уровнях «социокультурного поля»: 1) идей (идеологий, теорий); 2) норм и ценностей; 3) взаимодействий и организационных связей; 4) интересов и статусов [1]. В целом же устоялось мнение, что политические изменения связаны с внутриинституциональной трансформацией, обусловленной преобразованиями социальной среды, экономическими и духовно-культурными переменами. Они касаются реформирования политических институтов, сдвигов в балансе социальных акторов, развития потенциалов и позиционной расстановки политических сил, которые обусловлены экономическими, духовными, культурными, международными и внесоциальными факторами.

Эксплицируя различные подходы к разработке модели социально-политических изменений, можно выделить следующие элементы их структуры и внешней среды, соотносимые с элементами структуры публичной власти. Во-первых, это идеальные схемы и духовные образы политики (идеи, стереотипы, установки). Во-вторых, социокультурные символы, ценности и нормы, определяющие правила политического общения. В-третьих, иерархия социальных акторов по статусам, рангам и интересам. В-четвертых, материальные и другие коллективные ресурсы, по поводу которых происходит политическое общение. В-пятых, устойчивые взаимодействия, организационные связи и институциональные формы общения между людьми. В-шестых, факторы международной и внесоциальной среды. Эта обобщающая структурная модель дает возможность интерпретировать различные изменения в современной политической жизни, ее институциональной организации и социальной среде.

Возрастание способностей политической системы к управлению общественными делами состоит, по мнению Л. Пая и С. Верба, в возможности ее адаптации к изменяющейся социальной среде и проведению соответствующих институциональных инноваций, проявлении способностей к мобилизации материальных и человеческих ресурсов, а также к выживанию системы и воспроизводству институционального общения людей путем их социализации [2]. Таким образом, в условиях социально-политических трансформаций в значительной степени актуализируется роль каналов коммуникации, способствующих выполнению указанных задач.

В современном обществе складываются новые формы массовой коммуникации, социального общения, стили мышления и образа жизни, новые парадигмы экономики, политики, управления. Ю. Хабермас в теории коммуникативного действия высказал тезис, что в постиндустриальном обществе объективно смещаются акценты с экономической на коммуникационную, культурную, информационную сферы, что стало источником социального прогресса [3]. Одной из основных функций информационного взаимодействия, информационного обмена между людьми является «достижение социальной общности при сохранении индивидуальности каждого ее элемента» [4]. Отсутствие сознательно ориентированных действий влечет за собой коммуникативный хаос и информационный кризис.

Проблема информационного общества связана, как правило, с двумя аспектами. Первый заключается в том, что информация все в большей степени становится неотъемлемым атрибутом управления. При действии второго аспекта ее потоки становятся главным объектом управления. Исходной категорией информационной политики выступает информация, которая в условиях информационного общества обладает субстратными свойствами «товара». В то же время информационная политика является одним из важнейших факторов реализации государственной политики, социального управления, обеспечения диалога власти и общества.

В эпоху постиндустриального общества информация и коммуникация, с одной стороны, превращаются в мощные факторы воздействия и формирования общественного сознания, и потому оказывают огромное влияние на все

структуры общества, с другой – в важнейшие инструменты формирования и самопрезентации государственного управления. Характер развития информационно-коммуникативных отношений ставит задачу специального осмысления тех процессов, которые возникают в связи с их влиянием на духовно-интеллектуальную среду. Остро встают вопросы координации культурной и государственной информационной политики в плане их гуманизации. Требуется выявление социокультурных механизмов, стабилизирующих общественное развитие.

По мере усложнения социальных связей политическое пространство становится все более многоплановым, многомерным, происходит усложнение и политических процессов. Одним из аспектов данного явления в политической системе выступает положение о «полицентрической политике». Суть этого изменения заключается в том, что акт коммуникации власти с массовым субъектом сам по себе начал определять формат политических отношений. Коммуникация стала системообразующим элементом политики и приобрела в ней онтологический статус. В связи с этим проявляется потребность научного осмысления информационно-коммуникативных оснований политической модернизации, связанных с возможностями конструирования эффективного коммуникативного дискурса в системе «общество – СМИ – власть».

Все больший исследовательский интерес вызывают проблемы развития цивилизации в сторону информационного общества, вопросы коммуникативного взаимодействия, внимание ученых акцентируется на динамических характеристиках политической реальности, степени влияния информации на качество политического взаимодействия, на изменение общественного сознания и поведения. В настоящее время приложение законов обращения информации к объяснению политической реальности, по сути, равнозначно интерпретации ее как некой целостности, внутренней интегративности которой затмевает специфику отдельных сегментов. Рассматривая политические критерии коммуникации в сфере публичной власти, прежде всего следует учитывать содержательные аспекты разворачивающихся там информационно-коммуникативных отношений.

Проблема качественных изменений государственного управления неразрывно связана с необходимостью разработки социокоммуникативного механизма согласования интересов субъектов и объектов управления на основе формирования модусов оперативного обмена информацией, которые должны получить отражение в законодательстве. При этом следует иметь в виду процессы формирования общественного сознания и развития информационной культуры государственных служащих.

Объективные потребности общественного развития на современном этапе органично связаны с необходимостью установления нового типа государственного управления, выработки стратегии построенного на основе дискурсных, диалоговых, партнерских информационно-коммуникативных взаимодействий государства и общества. Таким образом, возрастает потребность в разработке новых парадигм отношений в системе «общество – СМИ – власть», расширении возможностей внедрения и использования социокоммуникативных технологий в управленческой деятельности.

Все это требует научного переосмысления сложившихся подходов в системе государственного управления с позиции развития теории политической коммуникации, информационного менеджмента, понимания журналистики как политической науки. Сегодня становится очевидным, что к традиционным журналистским специальностям, таким как газетная, радио- и тележурналистика, прибавилась еще одна: он-лайн-журналистика, то есть журналистика в Интернете. Кроме того, с развитием информационных технологий появляются новые возможности создания личных и коллективных виртуальных информационно-коммуникативных сред.

Государство играет весьма активную роль в модернизации любого общества, являясь одновременно ее проводником и гарантом. Однако гипертрофированная роль властных структур в политической модернизации на современном этапе приводит к тому, что сам процесс предстает как цепь своеобразных «революций сверху», которые не только осуществляются зачастую на основе манипулятивных технологий, но и по природе своей оказываются неорганичными политической и социокультурной специфике России, не соответствуют социальным, информационно-коммуникативным законам.

С точки зрения современной модернизации политическое развитие должно быть ориентировано на формирование нового типа взаимодействия власти и общества, создание социальных и политических механизмов, позволяющих большей части населения влиять на принятие политических решений. Вместе с тем сложность и противоречивость процессов политической модернизации связаны с рядом проблем. Во-первых, с недостаточной определенностью вектора общественно-политического развития, снижением гуманистической доминанты политической коммуникации, отсутствием информационно-коммуникативного содержания в системе взаимодействия «общество – власть». Наряду с противоречием, связанным с конфронтацией новых универсальных стандартов и традиционных ценностей, в процессе модернизации проявляется проблема соответствия социально-политических интересов, сформировавшихся в обществе, и возможностей политической системы принимать эффективные решения. Во-вторых, противоречивость процесса политической модернизации связана со свертыванием диалогового взаимодействия властных структур и общества, сокращением каналов обратной связи, что приводит к снижению легитимности, росту политического абсентеизма и недоверия к властным структурам, нарастанию политической апатии.

Средства массовой информации и коммуникации превратились в одного из наиболее эффективных в настоящее время посредников в отношениях населения с властью. Вследствие определенной открытости, оперативности в формулировании оценок и позиций, благодаря своим возможностям в отображении интересов и чаяний самых разнообразных групп и слоев населения, СМИ стали едва ли не ведущим инструментом в системе социального представительства интересов граждан. В этом смысле они могут существенно влиять на правила политической игры и даже модифицировать их, формировать новые отношения.

Коммуникации приобретают большее социально-политическое содержание,

становясь значимым инструментом политического и государственного управления, так как основой установления тех или иных взаимоотношений между властью и обществом является характер их информационного взаимодействия. Обеспечение партнерских взаимоотношений между властью и обществом в ходе динамичного процесса проведения глубоких социально-экономических и политических преобразований во многом зависит от эффективности выбранной стратегии и тактики государственной информационной политики, являющихся неотъемлемыми составляющими государственного управления такими процессами.

Политический плюрализм порождает огромную общественную потребность в информации. Необходимость удовлетворения этой потребности обуславливает особую роль масс-медиа в жизни общества. СМИ есть канал информирования общества о деятельности власти и учета его реакции на действия власти. Эти особенности делают масс-медиа важнейшим социальным институтом и системообразующим фактором информационного пространства России.

Средства массовой информации в современном обществе играют настолько значимую роль, что при анализе любого социального, экономического, политического или культурного явления необходимо считаться с их влиянием. СМИ фактически выступают не только средствами информирования населения о текущих событиях, но и механизмом формирования массового сознания и поведения, фактором становления общественного и индивидуального сознания.

Вхождение России в мировое сообщество и построение в ней информационного общества возможно лишь при наличии развитого информационного пространства. С государственной точки зрения формирование информационного пространства должно рассматриваться как основа развития, что требует осуществления целенаправленной информационной политики, согласованной с экономической, культурной, социальной и другими базовыми государственными стратегиями.

Переход России к новому типу экономики, гражданскому обществу и правовому государству, нынешний политический плюрализм порождают огромную общественную потребность в информации. Информационная сфера, в особенности массовая коммуникация, в эпоху информационного общества становится мощным средством воздействия и формирования общественного сознания, и потому оказывает огромное влияние на состояние политической, экономической, оборонной и других структур общества. По этой причине масс-медиа как источник информации становятся одним из важнейших элементов системы политического (в том числе и государственного) управления.

Библиографический список

1. *Штомпка, П.* Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка. – М., 1996.
2. *Дегтярев, А. А.* Основы политической теории [Текст] / А. А. Дегтярев. – М., 1998.
3. *Хабермас, Ю.* Демократия. Разум. Нравственность: Лекции и интервью [Текст] / Ю. Хабермас. – М., 1992.
4. *Соловьев, А. И.* Политология: Политическая теория, политические технологии [Текст] / А. И. Соловьев. – М., 2001.

А.К. Калямин,

*преподаватель кафедры политических наук
Поволжской академии государственной службы
им. П.А. Столыпина*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Массовая политическая коммуникация получила многоаспектное научное осмысление в современной политологии. Вместе с усложнением происходящих в обществе политических процессов изменяется и процесс коммуникации. Из технического средства обеспечения связи между отдельными элементами политической системы политическая коммуникация постепенно развивается до самостоятельного политического процесса. В современной политической жизни политическая коммуникация становится одним из основных ресурсов по достижению и удержанию власти, активно используемому в ходе собственно политической деятельности субъектами политического пространства [1, с. 78]. Как властный ресурс, политическая коммуникация характеризуется наличием внутренних институциональных составляющих и может быть моделирована, исходя из способов организации коммуникативного процесса [2].

Политическая коммуникация как процесс коррелирует с политической деятельностью субъектов политического пространства, осуществляющих свои властные и политические функции посредством политической коммуникации, поэтому государство и формализованные политические структуры выступают ведущими акторами процесса политической коммуникации. Для субъектов политической деятельности политическая коммуникация является и ресурсом, и формой политической деятельности.

Средства массовой информации – основной и определяющий канал осуществления политической коммуникации. Вместе с усложнением политических процессов, происходящих в обществе, усложняются сами СМИ как институт политической системы. Средства массовой информации постоянно наращивают свое воздействие на аудиторию, а информационное пространство политики все более поглощается собственно информационным пространством, формируемым СМИ. Отсюда следует вывод о публичности и массовости политической коммуникации как процесса. Для современной политической коммуникации публичность и массовость воздействия стали своеобразной институциональной характеристикой, поэтому наблюдается тенденция медиацизации политической сферы общества и системной зависимости акторов политического процесса от масс-медиа.

Региональная политическая коммуникация имеет ряд институционально обусловленных особенностей, связанных с базовыми условиями осуществления регионального политического процесса. В частности, наличие институтов государственной власти в субъекте Федерации и обособленных региональных механизмов управленческой деятельности приводит к возникновению на региональном уровне политической борьбы за власть между политическими субъектами.

Политическая деятельность в масштабе региона имеет ряд системообразующих ограничений. К таковым относятся принципы организации властных отношений, общие для всех субъектов России и закрепленные в Конституции РФ. Кроме того, законодательная и нормотворческая деятельность в субъекте Федерации осуществляется в рамках федерального законодательства, приоритет которого является системным принципом. Наличие вертикально интегрированных территориальных подразделений федеральных органов власти в регионах, их реальные контрольно-регулятивные функции и возможности воздействия на принимаемые в регионе властно-управленческие решения позволяют охарактеризовать политический процесс в регионе в соответствии с парадигмой политического процесса микроуровня.

Современный этап научного постижения политического процесса связан с исследованиями А. Бентли и В. Парето, предложившими понятия «элита» и «контрэлита» как субъекта и движущей силы политического процесса. Позднее А. Бентли выдвинул концепцию политического процесса как конкуренции «групп интересов» в борьбе за государственную власть. В логике Бентли формализованная или неформальная «группа интересов» является первичным субъектом политического процесса, а органы государственной власти выполняют регулятивную функцию в борьбе элитарных групп. Следует особо отметить, что именно Бентли вводит в политическую науку понятия артикуляции и идентификации групповых интересов как исходный пункт анализа любого политического процесса.

Пространственно-временной фактор как базовую характеристику микроуровневого политического процесса предложил Д. Трумэн в своей теории циклической смены периодов стабильности и неустойчивости в борьбе социальных групп за власть и контроль над распределением ресурсов. Эта идея получила дальнейшее развитие в процессуальной теории политических систем Д. Истона, в логике которого политический процесс выступает одновременно и как воспроизводство целостной структуры, и как циклическое функционирование политической системы во взаимодействии с социальной и внесоциальной средой. Для нас принципиальным является тезис Д. Истона о внутренних содержательных компонентах политического процесса в интерпретации их как взаимодействия формальных и неформальных структур власти с «политическим сообществом». Под таковым Д. Истон понимает стратифицированные группы интересов, политических акторов и индивидов, а также социальные страты, способные к артикуляции и идентификации политических, экономических и социальных интересов [3].

Таким образом, теория политического процесса микроуровня подразумевает видение политического процесса как совокупной политической активности со-

циальных субъектов и политических акторов в борьбе за контроль над формализованными властными институтами и механизмами властного управления, которая характеризуется локализованным во времени и пространстве соотношением общественно-политических сил. Тем самым научно обосновывается постановка вопроса о региональном политическом процессе как деятельности стратифицированных групп интересов, политических акторов и индивидов в процессе борьбы за власть и возможность влияния на нее. Кроме того, существует коммуникативная подсистема и политическая коммуникация как процесс осуществления политической власти на уровне региона.

Основной вектор мотивации повседневной деятельности политических акторов в регионе можно определить как процесс завоевания или удержания власти либо создания эффективных рычагов воздействия на принятие управленческих решений. В качестве фундаментального отличия регионального политического процесса от общероссийского укажем на возможность артикуляции сообщений политическими акторами в расчете на вмешательство федеральных органов власти. Наряду с существованием в регионе неподконтрольных региональной власти экономических субъектов, подчиненное положение региональной власти относительно федеральной определяет и специфику политической деятельности в регионе.

Конкурирующие региональные политические акторы, претендующие на занятие высших постов в системе региональной исполнительной власти, также вынуждены соблюдать базовое условие лояльности курсу социально-экономической политики Президента и Правительства РФ. Можно привести ряд примеров, когда отдельные политические субъекты, занявшие посты в органах региональной исполнительной или законодательной власти на волне оппозиционных или протестных настроений, публично заявляли об изменении своих личных политических приоритетов. С 1997 г. количество глав регионов, являвшихся членами КПРФ, сократилось с тридцати трех до одного. В течение последних пяти лет семь глав регионов объявили о своем вступлении в «Единую Россию» либо о выходе из других партий, в которых состояли на момент избрания на пост губернатора региона [4]. Случаи коллективного перехода депутатов законодательных и представительных органов региональной власти, избранных по партспискам оппозиционных партий в «Единую Россию», отмечались в Волгоградской [5] и Амурской [6] областях, а также Ставропольском крае [7]. Так что политическая борьба в регионе часто может быть оценена как конкуренция согласных стратегически, но противоборствующих тактически. Данная борьба во многом проистекает в рамках процесса региональной политической коммуникации.

В качестве атрибута региональной политической деятельности можно выделить процесс информационного взаимодействия политических акторов как друг с другом, так и с обществом. Данный процесс подразумевает наличие обратной связи между политическими акторами и с обществом. В качестве предметной сферы региональной политической коммуникации можно определить весь спектр информационного воздействия политических акторов друг на друга и на различные сегменты социума.

Системообразующие ограничения, свойственные региональному политическому процессу, напрямую отражаются на функции региональной политической коммуникации. Процессы централизации государственной власти и вертикальной интеграции политической власти, характерные для современной России, стимулируют акторов регионального политического процесса к артикуляции своих ситуационных политических целей с учетом возможного вмешательства извне (федеральных органов государственной власти, высшего партийного руководства и т.п.). Системная возможность артикуляции с учетом внешнего воздействия, в свою очередь, приводит к уплотнению регионального политического пространства за счет политических акторов, чья деятельность осуществляется с учетом ограниченной возможности применения всего объема властных полномочий теми политическими субъектами, которые обладают такими полномочиями в настоящее время. Следствием данного процесса является постоянное возрастание числа разнообразных коммуникаторов и усиление значения горизонтального уровня политической коммуникации.

Возрастание роли горизонтального уровня политической коммуникации приводит к увеличению количества разнонаправленных векторов политических коммуникативных потоков. С одной стороны, в результате происходит раздробление политического сообщества на множество формализованных и неформальных групп, взаимодействующих по сетевому принципу. Сетевой принцип взаимодействия предусматривает диалоговую модель организации политической коммуникации между политическими акторами. С другой стороны, возрастающее значение горизонтального уровня политической коммуникации и ее преимущественная организация по сетевому принципу обуславливают смещение целей политической коммуникации как процесса.

В ходе дискурсивных исследований политической коммуникации выявлена и обоснована взаимосвязь дискурсов, развивающихся в политическом информационном пространстве, которые, собственно, и составляют информационное пространство коммуникативной системы. При этом отмечается публичность и наличие неявного содержательного плана как особенности политического дискурса. Эти же особенности можно считать и характеристикой осуществления политической коммуникации в сетевом сообществе. Иными словами, наблюдается процесс активной отправки сообщений разнообразными акторами коммуникационного процесса. Данные сообщения носят преимущественно артикуляционный характер, отправляются по каналам массовой коммуникации и имеют невидимую широкому кругу аудитории политическую подоплеку. Тем самым создаются базовые условия для частого возникновения коммуникативных ошибок и искажений информации на разных этапах процесса коммуникации, и существенно затрудняется раскодирование сообщений широким кругом конечных потребителей информации.

Сетевой принцип детерминирует отсутствие четкой иерархии коммуникативных связей в обществе и политической системе [8, с. 190, 199]. Следствием является нарастание коммуникативных помех в информационном сообщении государственных органов и общества. Происходит также структурное выделение «политического сообщества» (в логике Д. Истона), обособление политиче-

ски активных индивидов в процессе политической коммуникации. В результате получается некоторый массив граждан, способных к формированию собственного мнения относительно политических событий, и другой массив, «молчаливое большинство», специфику политического поведения которого выявила Э. Ноэль-Нойман [9, с. 345, 351]. При этом в самом «политическом сообществе» как продукте политической коммуникации вырабатывается относительная независимость политических действий от внешнего коммуникационного воздействия. Получаемые и отправляемые акторами сообщения имеют характер политических действий, ресурса и результата деятельности одновременно. Определенная обособленность этих сетевых групп позволила одному из наиболее цитируемых теоретиков сетевого общества М. Кастельсу охарактеризовать степень возможности властного воздействия на такие группы следующим образом: «...логика сети имеет больше власти, чем власть в сети» [10, с. 407].

Теория сетевого общества признает телекоммуникационные каналы основным механизмом распространения политической информации. При этом СМИ как институт являются лишь одним из составляющих данного механизма, и значение их не может считаться определяющим. Однако М. Кастельс, отмечая тенденцию трансформации политических институтов и общественно значимых ценностей под воздействием разнонаправленных информационных потоков, видит следствием данной трансформации изменение мотивации политического поведения индивидов.

Разнонаправленные информационные потоки, которые продуцируются сетевым обществом, являются главными элементами «власти идентичности», при которой значение общественного мнения и идентификация абстрактных политических интересов индивидов с публичной позицией политических акторов существенно возрастают. Соответственно, значение СМИ как информационно-коммуникативной системы остается принципиальным с позиции информационного обеспечения борьбы за власть.

Осуществление региональной политической коммуникации проходит в институционально уплотненном политическом пространстве, в котором информационные просчеты коммуникативных акторов имеют существенные последствия для реализации политических целей. Взаимодействие политических акторов, в том числе по сетевому принципу, существование активных форм диалоговой политической коммуникации, возрастание значения горизонтальных информационно-коммуникативных потоков являются условиями, продуцирующими коммуникативные ошибки и разрывы между сферой публичной политики и обществом.

Интенсивный процесс институционализации новых групп интересов, уплотнение регионального политического пространства за счет появления новых политических акторов приводит к трансформированию функции политической коммуникации. Она становится смыслом существования отдельных политических акторов, которые только посредством политической коммуникации могут сигнализировать о своем существовании другим политическим субъектам. Положенная в основу политической деятельности, локализованной во времени и пространстве, политическая коммуникация трансформируется в качестве глав-

ного условия функционирования, развития и воспроизводства политической сферы вообще. Тем самым политическая коммуникация становится институциональной составляющей регионального политического процесса.

Библиографический список

1. *Грачев, М. Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития [Текст] / М. Н. Грачев. – М., 2004.
2. *Дьякова, Е. Г.* Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов [Текст] / Е. Г. Дьякова, А. Д. Трахтенберг. – Екатеринбург, 1999.
3. *Почепцов, Г. Г.* Теория коммуникации [Текст] / Г. Г. Почепцов. – М., 2001.
4. Считайте его беспартийным [Текст] // Коммерсант-Власть. – 2008. – № 2 (755).
5. Фракция ЛДПР в Думе города Волжского перешла в «Единую Россию» [Текст] // Fogex Times. – 2005. – 12 дек.
6. Амурская область не так проголосовала // Экспертный канал «АмурПолит.ру» от 06.03.2008 г. = http://www.fedpress.ru/28/polit/vlast/id_89998.html.
7. Ставропольский парламент перешел под контроль партии власти [Текст] // Независимая газета. – 2008. – 25 апр.
8. *Уэбстер, Ф.* Теории информационного общества [Текст] / Ф. Уэбстер. – М., 2004.
9. *Ноэль-Нойман, Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания [Текст] / Э. Ноэль-Нойман. – М., 1996.
10. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура [Текст] / М. Кастельс. – М., 2000.

УДК 9(470.44–25)«1870/1917»
ББК 63.3(2).5

М.В. Зайцев,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского*

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫБОРОВ В САРАТОВСКУЮ ГОРОДСКУЮ ДУМУ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Выборы в органы местного самоуправления являются неотъемлемой частью современной политической и общественной жизни. Реализация избирательного права на местном уровне – один из важнейших атрибутов демократии и гражданского общества. Однако далеко не все граждане России помнят, что традиция свободных и подлинно альтернативных выборов имеет в стране гораздо более глубокие корни и зародилась не в постперестроечное время. Такой опыт, в частности, российское общество накапливало в XIX – начале XX в.,

когда на выборной основе формировались городские думы и земские собрания. В связи с этим большое значение имеет изучение специфики проведения избирательных кампаний в Саратовскую городскую Думу в период от городской реформы 1870 г. до революции 1917 г. Анализ особенностей организации избирательной системы, действовавшей тогда, позволит не только лучше исследовать политическую историю России данного времени, но и, возможно, даст нынешним государственным деятелям некоторые ценные идеи, относительно совершенствования существующей электоральной системы.

В рассматриваемую эпоху Саратов был одним из крупнейших городов Российской империи: к концу 1870 г. в нем проживало более 85 тыс. человек, в 1897 г. – 137 тыс. (по этому показателю он стоял на двенадцатом месте в стране, а из собственно российских городов – на третьем после Санкт-Петербурга и Москвы), в 1914 г. – 242 тыс. человек. Кроме того, Саратов был «столицей» крупной губернии, развитым промышленным, торговым, образовательным, научным и культурным центром.

Городовое положение, утвержденное Александром II в 1870 г., предоставило право избирать и быть избранным в городскую Думу любому горожанину мужского пола старше двадцати пяти лет, если он владеет «недвижимым имуществом, подлежащим сбору в пользу города, или содержит торговое или промышленное заведение» или уплачивает какие-либо городские налоги. Женщины не имели права непосредственного участия в выборах, но могли доверить свой голос ближайшему родственнику мужского пола. Любой желающий мог передать голос лицу даже не обладавшему избирательным цензом, если только это лицо не попадало под другие установленные законом ограничения. Один человек мог распоряжаться не более чем двумя голосами. В выборах также принимали участие через своих представителей «разные ведомства, учреждения, общества, компании, товарищества, а равно монастыри и церкви», платившие налоги и сборы в пользу города.

Избирательных прав были лишены те, кто имел недоимки по городским сборам, находился под следствием или судом, либо был осужден по некоторым видам преступлений, а также губернатор, полицейские и некоторые другие чиновники местной администрации. Представители администрации были намеренно устранены от участия в выборах, чтобы исключить давление на избирателей со стороны властей. Этот пример, возможно не таким точно методом, могли бы использовать и современные законодатели, желающие снизить влияние «административного ресурса».

Все избиратели делились на три разряда, каждый из которых в совокупности уплачивал одну треть всех городских сборов. Избиратели каждого разряда составляли отдельное избирательное собрание, которое имело право выбрать в Думу одну треть от общего числа ее членов – «гласных». Тем самым правительство стремилось обеспечить преимущество на выборах тем, кто имел в городской черте значительную недвижимую собственность или вел крупные торговые операции [1, ст. 16–24]. Таким образом, Городовое положение 1870 г. позволяло принимать участие в муниципальных выборах далеко не всем горожанам. После его введения в Саратове избирательные права получили 5967 человек, или

всего 7% жителей города [2, с. 1–132]. В 1870–1880-е годы удельный вес саратовского электората колебался в районе 6%.

Социальный состав избирателей был достаточно пестрым. Среди них имелись представители практически всех сословий и общественных групп, проживающих в городе: дворяне, чиновники, духовенство, почетные граждане, купцы, мещане, ремесленники, казаки, крестьяне. В I и II разрядах доминировали представители купечества, тогда как в III разряде абсолютное большинство составляли мещане, хотя в списках этой категории было немало и дворян, и чиновников, и купцов, и крестьян и т.д.

Среди учреждений, получивших избирательные права, были «общество купцов и мещан г. Саратова», Архиерейский дом (организация, ведавшая имуществом Русской Православной Церкви в пределах саратовской епархии), дворянское собрание, губернское земство, Тамбово-Саратовская железная дорога, отделения некоторых банков, цеховое и казачье общества, другие коммерческие и общественные организации. Возможность голосовать имели многие православные, лютеранские и католические церкви и монастыри. Интересно, что избирателями (с одним голосом) были и целые крестьянские общины, которые получали ценз в связи с арендой принадлежавших городу земельных участков на территории Саратовского уезда. Однако далеко не все организации пользовались своими правами на городских выборах. Наиболее пассивно вели себя православные церкви и монастыри, во многом по этой причине за 1871–1892 гг. в Саратовскую городскую Думу не было избрано ни одного гласного из духовного звания.

Однако очень не многие горожане считали нужным реализовывать свои избирательные права. В первых выборах по новому Городовому положению, проходивших в конце 1870 г., приняли участие всего 6,9% от общего количества зарегистрированных избирателей. Последующие избирательные кампании до 1891 г. также отличались высоким уровнем абсентеизма: явка колебалась от 7,5 до 9,6% [3, с. 5]. Причины равнодушного отношения горожан к муниципальным выборам заключались в низком уровне политической культуры, в пассивной гражданской позиции большинства людей. Не стоит забывать и о том, что работа гласного городской Думы считалась исключительно общественной и не оплачивалась, отнимая при этом довольно много времени, поэтому многие избиратели среднего и низкого достатка просто не видели причин стремиться к этой должности.

Низкая явка избирателей в 1870–1880-е годы отчасти «лежит на совести» городских властей, которые не предпринимали ничего, чтобы ее повысить. Например, избирательные собрания в Саратове происходили каждые четыре года в конце декабря – начале января, то есть в период рождественских и новогодних праздников. Дума имела право перенести сроки выборов на более удобное время, но «отцы города» по каким-то причинам не делали этого. К тому же избиратели информировались о дате проведения выборов практически только публикацией объявления в городских газетах, чего явно было недостаточно.

Сами выборы протекали следующим образом. В назначенный день и час избиратели соответствующего разряда сходились в помещение городской думы.

Председательствовавший в избирательном собрании городской голова зачитывал основные статьи закона, касающиеся процедуры избрания гласных и в дальнейшем руководил всем процессом. Для подсчета голосов ему в помощники избиралось несколько человек из присутствующих. Составлялся список лиц, прибывших на избирательное собрание, причем проверялись их права в соответствии с общим списком городских избирателей. Фиксировалось также наличие доверенностей на право голоса за отсутствующих лиц или за какие-либо организации. После составления списка прибывших начиналось голосование. Кандидатуры выдвигались как из числа присутствовавших лично на избирательном собрании, так и из отсутствовавших, но состоявших в списках избирателей. Баллотироваться могли также те, кто обладал правом голоса только по доверенности, не имея собственного ценза. Закон допускал возможность избрания в гласные любого лица, состоящего в общем списке избирателей, независимо от того принадлежал ли этот человек к данной курии.

Баллотировка осуществлялась по каждой кандидатуре отдельно, путем опускания шаров в условно обозначенные «белое» («за») и «черное» («против») отделения специальных ящиков. Лица, набравшие более половины голосов избирателей, присутствовавших в собрании, считались избранными в гласные. Если таких оказывалось менее необходимого числа, то производилась дополнительная баллотировка: достаточно было набрать простое большинство голосов. После окончания выборов списки избранных гласных и кандидатов в гласные поступали в городскую управу, которая составляла общий список гласных и опубликовывала его в местных газетах. Жалобы на нарушения во время выборов могли подаваться в течение недели в городскую управу или губернатору [1, ст. 30–45].

Помимо формальной стороны не менее важна была атмосфера, в которой проходила элекционная кампания. Журналист И.П. Горизонтов, сам избравшийся гласным, так описал в 1885 г. выборы: «Представьте себе залу городской думы, наполненную разнокалиберным народом, судя по наружности, костюмам и речам которого легко можно впасть в заблуждение и принять эту толпу за сходку какого-нибудь крестьянского мира. Двери и нередко окна залы раскрыты настежь несмотря на декабрьские морозы, но невзирая на столь щедрую вентиляцию воздух избирательной обширной комнаты насквозь пропитан тем острым запахом, который несетя от значительной толпы простого народа. Курево от махорки плавают облаками, на которых, по пословице, может легко повиснуть топор. Толпа избирателей возбуждена: она то и дело бежит в близлежащий кабачок и вдохновляется для предстоящего ей дела избрания. Шум, гам, хохот и ругань. Среди этих кислых полушубков и пропотевших поддевок то и дело шмыгают личности кандидатов в гласные. Они о чем-то шушукуют с избирателями, показывая право и лево, т.е. обучая приемам баллотировки. Вся эта многолюдная толпа ничего не понимает в общественных делах, и ей решительно все равно, куда ни бросить маленький, юркий шарик, решающий выбор того или другого лица. Толпа эта не разбирает своих кандидатов, она знать не хочет их нравственных качеств, <...> – ее научили, куда бросить шарик, и она считает дело сделанным, обязанность свою исполненной. А кого она почтила

доверием, кому вручила благосостояние своего родного города, – до этого толпе нет дела: ей речей не говорят, ее не просветляют, а ведут куда нужно под давлением ее руководителей» [4, с. 96–97].

Данное описание очевидно рисует обстановку на выборах по II и III разрядам избирателей. В I курии количество участников голосования было невелико, и выборы проходили более «степенно». Не случайно Горизонтов упоминает о привычке избирателей «вдохновляться» в близлежащем кабаке. Это явление было распространено настолько, что иногда приводило к курьезам. Например, на выборах 1886 г. во II избирательном собрании избиратель А. В. Пастухов, «будучи в нетрезвом состоянии, производил шум и крик, требуя вновь двух шаров для производства баллотировки третьей серии баллотировавшихся, в избрании которых, по заявлению членов собрания, он уже участвовал, а потом и вследствие отказа в подчинении председательствующему прекратить шум г. Пастухов был удален из собрания» [5, с. 46].

Неудивительно, что проходившие в подобной атмосфере выборы иногда сопровождались значительными нарушениями. В 1886 и 1891 гг. их результаты по III избирательному собранию аннулировались властями, и назначалось повторное голосование. Причиной были многочисленные нарушения, допущенные в избирательной процедуре.

Городовое положение, утвержденное 11 июня 1892 г., сохранило основы городского самоуправления в России, оставив в неприкосновенности его структуру и функции. Важнейшие изменения, привнесенные новым законом, заключались в усилении контроля коронной власти над городскими органами, увеличении численности гласных думы с 72 до 80, а также в реорганизации системы городских выборов. Отныне избирательные права получали лишь владельцы недвижимого имущества, оцененного в сумму не менее 1500 руб. К выборам допускались также лица и учреждения, содержащиеся в городе торгово-промышленные предприятия. Изменилась и организационная сторона выборов. Все избиратели теперь должны были голосовать в одном избирательном собрании, а не в трех куриях, как ранее. При многочисленности электората закон разрешал делить город на избирательные участки, оставляя этот вопрос на усмотрение городских дум.

Введение новых принципов привело к уменьшению количества лиц, пользующихся избирательными правами на выборах в городскую Думу. Если накануне издания Городового положения 1892 г. общая численность избирателей в Саратове равнялась 7156 (5,9% горожан), то после принятия этого закона их количество сократилось до 1145 (0,97%) [6, с. 3–6]. Со временем абсолютное число избирателей увеличивалось, и к моменту последних дореволюционных выборов (1913 г.) оно составило 2834 человека. (1,17%) [7, с. 4]. Несмотря на сокращение численности электората высокая степень абсентеизма сохранялась и в 1890–1910-е годы. На выборах 1893 г. в голосовании в первый день принял участие 321 избиратель (менее 30% всего электората), а в 1913 г. – 625 человек (22%).

В 1893–1901 гг. все саратовские избиратели голосовали в одном собрании. Это обстоятельство создавало большие неудобства, так как в связи со значитель-

ным абсолютным числом электората техническая организация выборов была сопряжена с определенными проблемами. На выборы в этот период являлось по 300–400 человек, поэтому голосование такой массы людей проходило медленно и в достаточно дискомфортных условиях. Тем не менее только в 1905 г. городская Дума решилась разделить город на два избирательных участка. Тогда же была впервые утверждена специальная инструкция, в которой были зафиксированы выработанные на практике принципы организации выборов и внесена ясность в некоторые технические моменты. По этой инструкции, в частности, предварительные списки избирателей должны были публиковаться в местной периодической печати не позднее чем за три месяца до выборов. Это давало возможность любому лицу, обладавшему цензом, проверить реализацию своего избирательного права «не выходя из дома» и в случае нарушений обратиться в городскую управу.

Исправленные и утвержденные списки избирателей опубликовывались как минимум за месяц до выборов. Кроме того, избирателям каждого участка предоставлялось право сходиться перед выборами на предварительные собрания для обсуждения кандидатур в гласные. За три недели до голосования в городской управе избирателям начинали выдаваться именные входные билеты на выборы, а также особые печатные бланки, в которых можно было указывать лиц, предлагаемых к баллотировке. На основе этих предложений управа и Дума составляли списки кандидатов не позднее чем за восемь дней до созыва избирательного собрания первого участка. Эти списки, в которых кандидаты располагались по числу поданных за них голосов, отпечатывались типографским способом, а затем вывешивались на стенах в здании думы и выдавались желающим. На выборах сначала баллотировались претенденты из списка, но если этого было недостаточно для избрания всего положенного числа гласных и кандидатов в гласные, то могли предлагаться и другие кандидатуры из числа избирателей, присутствовавших в собрании. Как минимум за три дня до голосования городские власти должны были сделать еще одно специальное объявление о нем в печати, а также разослать избирателям специальные приглашения, где указывалось место, день и час явки. Собрание для баллотировки считалось действительным, если количество явившихся избирателей превышало число подлежащих избранию гласных [8, с. 25–35].

Таким образом, к началу 1900-х годов в организации городских выборов произошел значительный прогресс, в первую очередь в плане информирования избирателей. Практически все те же способы оповещения граждан (объявления в средствах массовой информации, рассылка приглашений на дом, предвыборные листовки) используются и сейчас, с поправкой, конечно, на современные технические возможности. С другой стороны, избиратели той эпохи занимали несколько более активную позицию на стадии выдвижения кандидатур в члены муниципалитета. В современной России эту функцию почти целиком взяли на себя политические партии, предлагающие электорату «готового» кандидата. Тогда же на предвыборных собраниях обсуждались все возможные претенденты, а путем подачи списков формировался широкий круг кандидатов в гласные. Очевидно, что такая система позволяла уже на стадии подготовки

выборов отсеять заведомо слабейших участников предвыборной гонки и, напротив, значительно повысить шансы на избрание оставшихся.

Проведение городских выборов в Саратове было достаточно длительной по времени процедурой. В 1870–1880-е годы голосование в I и II избирательных куриях проходило за день, а в III курии, где количество избирателей было велико, оно продолжалось 2–3 дня. После реформы 1892 г. голосование в едином избирательном собрании всегда занимало 2–3 дня, но и этого, как правило, было недостаточно для избрания положенного числа гласных и кандидатов, поэтому с интервалом в несколько дней назначались дополнительные выборы, которые также могли растягиваться на два дня. Даже деление города на избирательные участки с 1905 г. не решило эту проблему. Принимая во внимание, что избирательное собрание начиналось в десять часов утра и продолжалось до вечера, участие в выборах было сопряжено с большой физической нагрузкой. Этот фактор, очевидно, усиливал нежелание большей части электората активно использовать свои избирательные права.

На результаты выборов в рассматриваемую эпоху могли оказывать влияние заинтересованные лица. Помимо организации «угощения» избирателей, возможно, практиковался и прямой подкуп или какие-либо формы материального поощрения. Из некоторых источников достоверно известно, что за определенную сумму можно было провести своего кандидата в городские гласные или же забаллотировать нежелательное лицо. Так, на выборах 1897 г. в гласные не без труда прошел известный саратовский врач и общественный деятель М.Ф. Волков, который позже вспоминал, что на первом заседании городской думы нового состава к нему подошел другой гласный – купец Н.И. Селиванов и сказал: «Я очень жалею, что вы избраны. Я пожалел 3000 рублей израсходовать, чтобы вас не было здесь» [9, с. 164–165].

Городская избирательная система в Саратове на рубеже XIX–XX вв. претерпела существенную эволюцию. На основе общероссийского законодательства и с учетом местной специфики Саратовская городская Дума постепенно вырабатывала четкие принципы организации выборов. Их применение на практике иногда встречало некоторые затруднения, но главная цель – формирование распорядительного органа городского общественного управления, способного выполнять возложенные на него функции, неуклонно достигалась.

К концу периода муниципалитет стал занимать более активную позицию в вопросе повышения явки избирателей. Для этого было усилено «информационное обеспечение» выборов, город разделен на избирательные участки, а избирателям гарантировано право собираться на предварительные собрания, где происходило обсуждение кандидатов и их программ. После легализации политических партий в 1905 г. они также стали принимать участие в работе с электоратом.

Библиографический список

1. Городовое положение 16 июня 1870 г. [Текст] // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2-е. – СПб., 1874. – Т. 45. – Отд. 1.
2. Список лицам, имеющим право быть городскими избирателями на основании 17 ст.

Высочайше утвержденного 16 июня 1870 г. городского положения (1871–1874 гг.) [Текст]. – Саратов, 1870.

3. Государственный архив Саратовской области. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 940.

4. *Горизонтов, И. П.* Из «Писем к приятелю» [Текст] / И. П. Горизонтов // Волга. – 1990. – № 5.

5. Государственный архив Саратовской области. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 648.

6. Саратовские губернские ведомости. – 1892. – 10 дек.

7. Саратовский вестник. – 1913. – 2 апр.

8. Инструкция для производства выборов в гласные Саратовской городской думы и в кандидаты к ним на четырехлетие 1905–1908 гг. [Текст] // Постановления Саратовской городской Думы за 1905 г. – Саратов, 1909.

9. *Волков, М. Ф.* История учреждения Саратовского университета и Саратовская городская Дума 1906–1909 гг. [Текст] / М. Ф. Волков // Саратовский областной музей краеведения. – Коллекция П. А. Козлова-Свободина. – № 33855.

УДК 316.334.52

ББК 60.561.1

Е.В. Гридасов,

аспирант кафедры социологии, социальной политики

и регионоведения

Поволжской академии государственной службы

им. П.А. Столыпина

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Социологическая концептуализация социального контроля и муниципальной власти приобретает особую актуальность в общем контексте демократических начал российской государственности. Социологическое знание, выраженное в концептуальном виде, позволяет понять ситуацию в пространстве власти современного российского общества, его отдельных элементов, их иерархической соподчиненности; глубже разобраться в теоретических моделях властных отношений и внутренних механизмах их функционирования; спрогнозировать возможные пути дальнейшего развития социума.

Первые школы социальной мысли, имеющие целью не только понять, что происходит в обществе и государстве, но и использовать полученные знания в целях эффективного управления социально-политическими процессами, возникли в Древнем Китае. В учениях Конфуция, Мо Цзы, Фа Цзя впервые встречаются дефиниции социальных категорий, служащих для целей анализа контрольных функций власти на самых разных уровнях. Мыслители обосновывали тот факт, что все социально-политические процессы должны быть организованы на принципах саморегуляции, а ключевой метод социального управления –

это самоуправление, которое необходимо построить на жестких формальных правилах и стандартах социального контроля [1, с. 10].

Выдающийся вклад в социальное осмысление политики, власти, государственного устройства, способов легитимного управления и контроля внесли Платон и Аристотель [2]. В трудах Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо была выдвинута и широко внедрена в общественное сознание мысль о том, что главным предназначением контроля в обществе и государстве является достижение более рациональной основы для социальной жизни [3].

Власть как господство, управление и социальный контроль является ведущей темой со времен основоположников социологической мысли. О. Конт полагал в основе социального прогресса порядок и контроль, которые образуют базис всей социальной организации, пронизывают все стороны общественной жизни, являются средством социально-политического преобразования существующего общества на принципах справедливого социального устройства. Социальный контроль необходим за теми масштабными и массовыми процессами, которые возникли и получили распространение в различных сферах человеческой жизни в результате интенсивной индустриализации [4]. Г. Спенсер рассматривал эволюцию как закономерный, осуществляемый посредством институционализированных воздействий и социального контроля, процесс развития общества от традиционного к современному. По мере развития общества его разные части начинают выполнять все более дифференцированные, специализированные функции, которые необходимо координировать и контролировать. Чем более дифференцированы функции, тем более актуальной становится необходимостью существования регулирующего, управляющего механизма, способного контролировать частные структуры [5]. Э. Дюркгейм рассматривал контроль в контексте двух типов социальной солидарности: механической и органической [6]. Теория власти М. Вебера тесно связана с категориями социального действия и контроля [7].

Понятие «социальный контроль» впервые употребил Г. Тард. По его мнению, ключевая роль в политической социализации личности принадлежит социальному контролю, который выполняет специализированные функции в обществе по развитию общесоциальных норм, создающих базу власти [8, с. 139]. Значение работ Г. Тарда в социологии общепризнанно. Наибольшее развитие положения его теории получили в чикагской социологической школе. Такие исследователи, как Э. Берджесс, Г. Блумер, Дж. Винсент, Л. Вирт, Ф. Гиддингс, Ч. Кули, У. Огборн, Р. Парк, Э. Росс, У. Самнер, А. Смолл, У. Томас, Л. Уорд, Ч. Хендерсон, И. Эллвуд, М. Яновиц, разрабатывая широкий спектр областей социологического знания, неизменно подчеркивали фундаментальное значение концепции социального контроля Г. Тарда.

Дж. Винсент, А. Смолл, У. Томас, Ч. Хендерсон понимали либерализм как идеологическую ориентацию, основанную на вере в возможность социального прогресса и улучшения качества жизни с помощью изменений, инноваций и контроля в социальной организации общества [9, с. 51]. А. Смолл, формируя теорию социального конфликта, полагал, что конфликты могут быть урегулированы, а анархии можно избежать, если они протекают под авторитетным кон-

тролем государства, выносящего третейские решения относительно групповых антагонизмов [9, с. 21]. Р. Парк понимает социальный контроль как средство, обеспечивающее определенное соотношение между социальными силами и человеческой природой [9, с. 71]. Э. Берджесс рассматривал социальный контроль в контексте социальных патологий в городской среде, социализации личности, семьи и общины [10, с. 140]. У. Огборн выводит социальный контроль на местный и общенациональный уровень в теории социальных изменений [8, с. 312].

В урбанистической концепции Л. Вирт доказывает, что городской образ жизни характерен ослаблением неформального контроля, становящегося фрагментарным и поверхностным, в нем уменьшается социальная роль семьи и соседской общины, преобладают вторичные формально-ролевые отношения, нарастает его социокультурное разнообразие, уменьшается роль традиций, ослабляется социальная солидарность и усиливается анонимность общества [8, с. 355]. Согласно Э. Россу, социальный контроль – целенаправленное влияние общества на поведение индивида в целях обеспечения эффективного социального порядка [11]. Развернутую теорию социального контроля создал Р.А. Лапьер, рассматривающий данный феномен как средство, обеспечивающее процесс усвоения индивидом культуры и передачу ее от поколения к поколению [11].

В ранней российской социологии М.М. Ковалевский, П.А. Сорокин, Л.И. Петражицкий также признают иницирующее влияние работ Г. Тарда на многие ключевые положения их концепций и выводов. Так, Л.И. Петражицкий рассматривал социальный контроль как действующую систему общественных норм и предписаний [12, с. 117]. В соответствии с концепцией М.М. Ковалевского сущность исторического прогресса заключается в смене различных механизмов социального контроля, увеличении поля действия последнего, доминирующего положения [13, с. 239]. Анализ механизмов социального контроля занимал центральное место в социологической концепции П. Сорокина в российский период его научной деятельности. По его мнению, механизм социального контроля реализуется обществом в виде стандартизованных форм. При этом социальное поведение – это поведение «должное», «рекомендуемое», «запрещенное». Реакция общества осуществляется в виде санкций: негативных – «кара» или позитивных – «награда», составляющих особую регулятивную субструктуру, под влиянием которой возникает и изменяется организация групп [14, с. 321].

Заслуживают внимания работы представителей раннего марксизма: С.Н. Булгакова, П.Б. Струве, К.М. Тахтарева, – считавших главным способом совершенствования общественных отношений реформы местного самоуправления [15–17]. Крупные исследования, посвященные управленческой роли социального контроля в развитии местного самоуправления, были проведены А.А. Чупровым и Ю.Э. Янсоном [18, 19]. Особо следует выделить работы В.П. Безобразова, А.И. Васильчикова, Л.А. Велихова, А.Д. Градовского, концептуализирующие исторические и социально-политические аспекты развития местного самоуправления [20–23].

В современной отечественной социологии проблемы социального контроля

и муниципальной власти остаются достаточно актуальными. В работах Л.С. Аникина, С.И. Барзилова, А.Г. Воронина, А.З. Гильмановой, А.Н. Ершова, В.А. Лагина, Я.П. Силина, Ж.Т. Тощенко, Г.А. Цветковой осуществлен комплексный анализ теории и практики развития местного самоуправления. Р.Г. Абдулатипов, Ф.З. Дзапшба, А.А. Жученко, В.Д. Нечаев, Р.Ф. Рязанов, Ю.В. Петров, П.И. Савицкий, М.В. Столяров, Ю.Ф. Яров анализируют эффективность реформ федеративных отношений и местного самоуправления. Социальный контроль как фактор организации и развития местного самоуправления рассматривается в трудах В.Г. Виноградского, В.А. Зародина, А.Е. Когута, В.Б. Самсонова, В.В. Скребнева, Н.С. Слепцова, И.Н. Тимофеева, Т.И. Филиной [24].

Таким образом, проводившиеся в течение продолжительного времени исследования раскрывают многогранность и сложность проблемы, определяют позиции ученых по ключевым методологическим вопросам, оперируют солидным банком эмпирических данных.

Концептуализация, понимаемая как определенная совокупность взглядов на те или иные явления, позволяет трактовать социальный контроль в качестве системы механизмов и способов, посредством которых общество, его социальные институты и организации влияют на жизнь населения, стремятся способствовать социальному равновесию, порядку и стабильности, поступательному развитию гражданского общества. Выбор концептуальных основ и способов осуществления социального контроля зависит от конкретной модели муниципальной власти, типа общественно-политического устройства государства, принципов разграничения полномочий, созданных для становления демократии и гражданского общества условий.

На современном этапе развития российского общества формируются новые подходы к концептуализации социального контроля и муниципальной власти. В научный дискурс вводится теория сервисного государства, изменяются цели и задачи социальной политики, изучаются возможности социального менеджмента, актуализируется переход к приоритету человеческих ресурсов, акцентируется потребность в современных инновационных технологиях, идеологии сервиса социальных услуг, потребителями которых выступают граждане, институты гражданского общества.

Достаточно острыми сегодня остаются вопросы, связанные с активизацией механизмов демократического контроля и расширением пространства для гражданской инициативы. Критический дискурс обозначил основные проблемы, которые касаются концептуальных основ социального контроля и муниципальной власти:

1. Идеология реформы муниципальной власти: управляемость или демократия? Могут ли местные сообщества регулировать свою жизнь самостоятельно, без принуждения со стороны государственных институтов?

2. Компетенция муниципальной власти: должно ли местное самоуправление обеспечивать «социальное равенство», то есть предоставлять примерно одинаковый набор муниципальных услуг всем гражданам на территории всей страны? «Открытым» или «закрытым» должен быть список вопросов местного значения? Нужны ли местному самоуправлению государственные полномочия?

3. Финансовая база местного самоуправления: выравнивание или фискальная автономия? Как обеспечить «прирост ресурсов» на местном уровне?

4. Территориальная организация и структура органов местного самоуправления: районы или поселения, сити-менеджеры или выборные власти? Контроль со стороны населения или контроль со стороны государства? Можно ли обеспечить свободу выбора различных моделей управления на местном уровне?

Итак, проблемы социального контроля и муниципальной власти являются достаточно дискуссионными и многоаспектными. Анализ работ показывает отсутствие в социологической науке концептуального единства по данным вопросам, что затрудняет согласование базовых теоретических конструктов и осложняет приращение эмпирических данных. В свою очередь это является причиной необоснованности практических рекомендаций в сферах государственного управления и региональной политики, приводит к несопоставимости научных результатов анализа социального развития российского общества в целом. Следовательно, социальный контроль в системе муниципальной власти должен стать объектом пристального изучения как теоретической, так и прикладной социологии.

Библиографический список

1. *Култыгин, В. П.* Общая социология [Текст] / В. П. Култыгин, А. Г. Кузнецов. – М., 2004.
2. Словарь античности [Текст]. – М., 2003.
3. Философский энциклопедический словарь [Текст]. – М., 1993.
4. *Конт, О.* Дух позитивной философии [Текст] / О. Конт. – СПб., 1910.
5. *Спенсер, Г.* Синтетическая философия [Текст] / Г. Спенсер. – Киев, 1997.
6. *Дюркгейм, Э.* Социология [Текст] / Э. Дюркгейм. – М., 1996.
7. *Вебер, М.* Избранные произведения [Текст] / М. Вебер. – М., 1990.
8. Современная западная социология [Текст] : словарь. – М., 1990.
9. *Култыгин, В. П.* Становление и развитие социологии США [Текст] / В. П. Култыгин. – М., 1994.
10. Американская социология: Перспективы, проблемы, методы [Текст] / под ред. Г. В. Осипова. – М., 1972.
11. *Култыгин, В. П.* Классическая социология [Текст] / В. П. Култыгин. – М., 2000.
12. *Петражицкий, Л. И.* Очерки философии права [Текст] / Л. И. Петражицкий. – СПб., 1990.
13. *Ковалевский, М. М.* Социология [Текст] / М. М. Ковалевский. – СПб., 1910.
14. *Сорокин, П. А.* Социальная и культурная динамика [Текст] / П. А. Сорокин. – СПб., 2000.
15. *Булгаков, С. Н.* Два града: Исследования о природе общественных идеалов [Текст] / С. Н. Булгаков. – Киев, 1911.
16. *Струве, П. Б.* Марксовская теория социального развития [Текст] / П. Б. Струве. – Киев, 1905.
17. *Тахтарев, К. М.* Общество и его механизмы [Текст] / К. М. Тахтарев. – СПб., 1921.
18. *Чупров, А. А.* Очерки по теории статистики [Текст] / А. А. Чупров. – СПб., 1909.
19. *Янсон, Ю. Э.* Направления в научной обработке нравственной статистики [Текст] / Ю. Э. Янсон. – СПб., 1871.
20. *Безобразов, В. П.* Земские учреждения и самоуправление [Текст] / В. П. Безобразов. – М., 1874.
21. *Васильчиков, А. И.* О самоуправлении: Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений [Текст] / А. И. Васильчиков. – СПб., 1869.

22. Велихов, Л. А. Основы городского хозяйства [Текст] / Л. А. Велихов. – М., 1928.
23. Градовский, А. Д. История местного самоуправления в России [Текст] / А. Д. Градовский. – СПб., 1904.
24. Социологическая литература [Текст]. – М., 2003.

УДК 316.347(470+571)
ББК 60.56+75

Е.В. Пронюшкина,

*соискатель кафедры правовой социологии и философии
Саратовского юридического института МВД России*

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ РЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В РОССИИ

Национальный вопрос как один из наиболее актуальных и динамичных возникает в глубине веков в процессе формирования Российского государства. Отношения между российскими этносами и их социально-политическое взаимодействие с окружающими народами складывались непросто.

На протяжении веков в истории российской государственности сталкиваются разные этнические хозяйственные уклады, религии (главным образом православная христианская и мусульманская), национальные психологии, правовые системы, культурные ценности и бытовые особенности, и все это «переваривается» в историческом котле на огромном евразийском пространстве.

Происходившее на протяжении столетий формирование российского социума характеризуется разными процессами: тут и насильственные (Астраханское, Казанское, Сибирское ханства, Имамат Шамиля), и добровольные формы (мордва, чуваша, осетины) присоединения народностей к населению Российского государства. Но все же государственно-обеспеченное сосуществование этносов преимущественно носило мирный, дружественный характер. Мирные, цивилизованные способы обеспечения сотрудничества славянского этноса с так называемыми инородцами – кавказскими, балтийскими, среднеазиатскими и другими этносами – предопределяли относительно либеральные политические режимы, демократическое устройство государства. Насильственные же, деспотические формы решения национального вопроса вели к укреплению фактически имперских, тоталитарных и принудительно-унитарных начал в организации государственной власти и в способах ее осуществления.

Унитарное административно-территориальное устройство Российской империи знало деление на губернии, уезды, и лишь для некоторых регионов (например, Финляндии, Польши, Бухарского эмирата) были сделаны исключения: сохранились особенности в управлении этими регионами. Такое унитар-

ное территориальное строение обеспечивало централизованное государственное управление, защиту властей, соответствовало цели сохранения целостности государства на огромных просторах.

Иной формой территориального устройства Российского государства стал федеративный СССР и входившая наряду с другими республиками в его состав РСФСР. Принцип устройства государства на основе территориального деления, что было характерно для Российской империи, был заменен на принцип этнической федерации. В основу решения национального вопроса было положено право наций на самоопределение, вплоть до образования самостоятельного государства.

Право наций на самоопределение было идеологически и политически использовано большевиками для привлечения возникших в России после крушения империи и в годы Гражданской войны национально-демократических движений на свою сторону в борьбе за захват и удержание власти. В дальнейшем это право имело временную и весьма демагогическую окраску, так как национальные особенности унифицировались в единую новую создаваемую этническую форму «советский народ». Действительно, в соответствии с марксистско-ленинской концепцией общественного развития предполагалось, что с постепенным построением бесклассового общества будут отмирать и национальные различия.

Национальная доктрина большевиков предполагала, что в коммунистическом будущем человечества национальные различия будут стираться, произойдет ассимиляция многих этносов, формирование одного-двух мировых языков для общения, все нации сольются в одну, мировая революция приведет к появлению единой мировой социалистической республики (Европы и Азии, по крайней мере), интернационализм утвердится как окончательный итог развития национальной культуры, быта, отношений между народами. Такие упрощенные идеологические представления рисовались в концепции, которая была положена в основу этнической организации федеративного государственного устройства России в 20-х годах XX в. Предполагалось, что национально-федеративное устройство России, а затем и СССР будет преобразовываться одновременно с эволюцией социалистической государственности, и поэтому этническая основа федеративного устройства имеет временный, политико-конъюнктурный характер [1].

Однако это была одна из крупнейших ошибок. По сути, в основание обновленного государства была заложена правовая «мина замедленного действия». Введенный в ходе Всероссийской переписи 1920 г. признак «национальность», который использовался для «национального размежевания» – весьма произвольного определения государственности и границ (особенно в Средней Азии) вновь образованных республик, входящих в состав СССР, не только не стал отмирать, но, напротив, к 1950-м годам стал тормозом общественного развития, приобрел весьма грозное политическое, идеологическое и даже государственное значение. Он учитывался при приеме и назначении на работу, при поступлении в высшие учебные заведения, при формировании руководства республик, создавал национальное напряжение в бытовых отношениях.

В 1970–1980-х годах была сделана попытка при обосновании так называемого зрелого социализма ввести понятие «новой исторической общности – советского народа», которое должно было демонстрировать осуществление на деле ленинской национальной доктрины, постепенного перехода от этнической к иной социальной общности, которая лежит в основе государственности. Но ничего позитивного это понятие в решение национального вопроса не внесло. По существу, оно легло в идеологическую основу фактического унитаризма, к которому двигалось все государственное устройство СССР в начале 80-х годов XX в.

Разумеется, концепция единого советского народа как нельзя лучше соотносилась с огромными территориальными просторами СССР, она имела интернационалистическое содержание. Но при этом работала на постепенное удушение национальной психологии, образа жизни, способов воспроизводства и существования, языков других этносов, в том числе, как ни парадоксально, и самого русского этноса. Вместе с тем она, конечно же, была мощным средством против сепаратизма и националистических идей разобщения народов, противопоставления их по признаку принадлежности к тому или иному этносу, национальности.

Федерализм предполагает наличие единого союзного центра и союзных органов, но при высоком уровне самостоятельности (суверенности) республик и автономий, входящих в федерацию. Одной из самых серьезных причин распада СССР явилось то, что формальный федерализм на практике был заменен реальным унитаризмом (от франц. и лат. «единый»). Унитаризм характеризуется всеобщим политическим руководством из центра, отсутствием самостоятельных государственных образований.

Постсоветская Россия является страной с необычно большим числом субъектов Федерации, созданных и по национально-этническому, и по территориальному принципу – изначально насчитывалось 89 субъектов (21 республика, шесть краев, 49 областей, два города федерального ведения (Москва и Санкт-Петербург), одна автономная область, 10 автономных округов).

Мировая правовая и историческая мысль давно уже определила суть федерализма: это постоянный компромисс между централизацией и децентрализацией. Чтобы федерация сохранялась, не превращалась в конфедерацию или унитарное государство, нужны уравновешенность, баланс интересов, которые достигаются разграничением предметов ведения и полномочий. Федерализм отнюдь не означает направленности к абсолютному суверенитету, тем более к отделению от федерации, а напротив, предполагает политическую и правовую многовариантность связей субъектов федерации, разнообразие их хозяйственных и других взаимоотношений. Тем не менее многие лидеры регионов из-за политических амбиций вместе с лозунгами разъединительного самоопределения устанавливали внутренние «таможенные» границы, пошлины, сборы и другие препятствия для свободного перемещения товаров и финансовых средств.

В постсоветской России в экономической и политической сферах наличествуют серьезные противоречия и разногласия между федеральным центром и регионами, республиками, с одной стороны, и краями, областями – с другой,

регионами-донорами и регионами-реципиентами, автономными округами и краями, областями, в состав которых они входят.

Во второй половине 1990-х годов действия федерального центра не всегда были направлены на компромисс с регионами, на сознательное предупреждение или смягчение экономической и социально-политической напряженности. Нередко утверждалось, что регионы стали основой консервативного сопротивления идущим из центра реформам, что существует потенциальный региональный сепаратизм. «Наступательные» инициативы центра в указанный период стали компенсацией инертности начала 1990-х годов, когда Президент Б.Н. Ельцин утверждал, что «...у регионов будет столько прав, сколько они возьмут», и считалось, что федеральные органы в условиях якобы «саморегулирующегося» рынка не должны вмешиваться в экономику и социальную жизнь регионов. В результате многие тысячи региональных законов и норм, в том числе конституции и уставы, противоречили Основному Закону России.

Лишь в 2000 г. Президент России В.В. Путин выступил инициатором политической программы, которая усиливала бы российскую государственность и укрепляла федерализм. В частности, был введен так называемый «субфедеральный» уровень управления регионами – все субъекты Федерации сгруппированы в семь федеральных округов, образованных по территориальному принципу. Одновременно кардинально изменились число и статус полномочных представителей Президента РФ в регионах: вместо восьми с лишним десятков их стало семь – по числу федеральных округов. Каждый из полпредов жестко контролирует подотчетные ему территории, включающие от 6 до 18 субъектов Федерации, в их же подчинение фактически перешли представители федеральных министерств и ведомств на местах, в том числе силовых.

На всей территории страны должны одинаково точно пониматься и строго исполняться общероссийские законы. В связи с этим важным аспектом совершенствования федерализма стала возможность и практика отстранения от должности руководителей регионов и роспуска законодательных собраний, которые принимают нормативные акты, идущие вразрез с Конституцией и правовыми нормами Российской Федерации. В данном случае решает вопрос глава государства. В свою очередь, представители нижестоящего (муниципального) уровня власти могут быть ее лишены решениями высших должностных лиц (губернаторов) соответствующих субъектов РФ.

Наряду с политическими проблемами современного российского федерализма решаются его экономические и национально-этнические аспекты в направлении повышения равноправия республик и регионов. Подверглись сомнению ранее принятые договоры федерального центра с 46 субъектами Федерации, получившими особые статусы и полномочия. Договоры поставили в неравное, двусмысленное положение остальные субъекты Федерации. Аннулированы некоторые прежние формально-правовые и социально-экономические преимущества национальных республик в сравнении с областями, краями, автономиями. Республики вошли в новые федеральные округа на общих основаниях.

Новую жизнь получила широко известная в 1920-х годах, особенно среди русской зарубежной эмиграции, концепция так называемого «евразийского

политического пространства». В ней основное – признание необходимости органического единства, сотрудничества славянских, угро-финских, тюркоязычных народов, проживающих на территории России. В этом теория «евразийства» противостоит так называемой «русской идее», в соответствии с которой собственник всех территорий России – русский в этническом отношении народ.

Конституция РФ устанавливает недопустимость под страхом уголовного наказания разжигания расовой, национальной ненависти и вражды, пропаганды расового, национального превосходства и тем самым предоставления преимуществ по принципу национальной принадлежности [1, с. 207]. Сторонники «евразийства» утверждают, что только совокупность народов, населяющих Российское государство и выступающих как особая многонациональная нация, может быть собственником всей территории. Мононациональный подход, по их мнению, привел бы к тому, что границы России приблизительно совпали бы с границами сплошного великорусского населения в пределах до Урала. Но тогда только в географически суженных пределах и могла бы осуществиться эта радикально-националистическая мечта, «русская идея» [2, с. 165–166].

Этнические проблемы федерализма проявляются не только на федеральном и региональном уровнях, но и на уровне местного самоуправления. Однако федеральные и региональные законодательные акты как бы «надэтничны», то есть они адресованы либо всем гражданам, либо всем жителям конкретного региона. В социальных статусах «гражданин», «житель региона» этничность не предусмотрена, «не проявлена» и, следовательно, не учтена. Неудовлетворенность этносов глобалистским содержанием федеральных и региональных решений вполне может быть компенсирована деятельностью этнических организаций в рамках местного самоуправления. Это муниципальные представительные и исполнительные органы, традиционные социальные институты: этнические советы старейшин, национально-культурные общества и автономии, религиозные общины, институты сохранившейся в ряде регионов общинной самоорганизации (например, на Северном Кавказе – тейпы, тукхумы – поселенческие общины). Структуры местного самоуправления могут наиболее оптимально решать проблемы возрождения этничности. Разумеется, их деятельность опирается на решения федеральных и региональных органов. Однако местные организации могут выступать и с инициативой, в том числе законодательной, по актуальным проблемам с учетом этнического фактора.

Итак, для решения нынешних проблем самоопределения и федерализма необходим постоянный компромисс между федеральными, региональными и местными организациями. Баланс их интересов является одним из непеременимых условий неконфликтного саморазвития общества. Поскольку в российской государственности процессы ассимиляции не стали и не могли стать определяющими, а, наоборот, с расцветом цивилизации, культуры росло и растет национальное самосознание народов, населяющих территориальное пространство России, государственная деятельность должна направляться на предотвращение и устранение межнациональных конфликтов, на развитие национально-культурной автономии, утверждение равноправия республик и других субъектов

Федерации, на стабильное и мирное существование всех народов в рамках федеративного евразийского современного Российского государства.

Библиографический список

1. Венгеров, А. Б. Теория государства и права [Текст] / А. Б. Венгеров. – М., 2006.
2. Тадтаев, Х. Б. Этнос. Нация. Раса [Текст] / Х. Б. Тадтаев. – Саратов, 2001.

УДК 316.52
ББК 60.54

Р.В. Бусаргин,

*преподаватель кафедры политических наук
Поволжской академии государственной службы
им. П.А. Столыпина*

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ДИСКУРСА О МИГРАНТАХ

Динамично изменяющиеся этносоциальные, этнокультурные и этнодемографические реалии России влекут за собой радикальные перемены в дискурсивных практиках повседневного общения. Административно контролируемый в советское время процесс заселения городов и деревень в значительной степени уступил место постсоветскому стихийному миграционному заселению. Во многих субъектах РФ складывалась сложная и потенциально напряженная этноконтрастная ситуация, так как из целостного социокультурного организма с доминирующим и стабильным этнокультурным большинством регионы стремительно превращались в конгломерат этнокультурных сообществ коренного и пришлого населения, мультикультурные общества с растущими различиями между «своими» и «чужими». Перешел ли этот процесс в стадию затухания?

С точки зрения численного перемещения потоки мигрантов заметно сократились, но проблематика этнокультурных различий по-прежнему остается злободневной и насущной. Ситуацию осложняют происходящее в результате естественного сокращения численности коренного населения изменение этнодемографического баланса, значительная социальная дифференциация и маргинализация не только вновь прибывших мигрантов, но и больших групп коренного большинства.

Даже при отсутствии открытых межэтнических и межконфессиональных конфликтов отношения между коренным большинством и иноэтничными меньшинствами нестабильны в этносоциальном и социально-психологическом плане. Мигранты – представители в большинстве случаев нерусских и неславянских этнических групп – часто рассматриваются автохтонным населением как

конкуренты в социальной сфере, особенно на рынке жилья и труда, обвиняются в ухудшении материального положения. Фактором социальной напряженности является рост так называемых «торговых меньшинств» – групп мигрантов, которые приспосабливаются к принимающему обществу путем специализации в области торговли и использования полукриминальных способов ведения розничного торгового бизнеса. Один из ярчайших примеров конфликта на почве столкновения коренного населения и указанных групп – драматические события 30 августа 2006 г. в г. Кондопога Республики Карелия.

Еще менее благоприятен социально-психологический фон межэтнических отношений на повседневном уровне. Его характеризует тенденция к росту этнических фобий, особенно кавказофобии, которая все более выходит за рамки околорыночных трений и по эмоциональному накалу, и по уровню обобщений, связанных с чертами национального характера. Очевидно, что в результате миграции, маркированной этническими особенностями акторов этого процесса, образуются этнические и культурные группы «меньшинств». Но противоречия между «чужими» и «своими» по своему глубинному содержанию не являются только этническими или культурными. Мы убеждены, что эти противоречия широкого социального свойства, и культурная составляющая, обусловленная происхождением иммигрантов, не играет здесь определяющей роли. Решающее значение в повседневном существовании реальных иммигрантов и мигрантов имеют такие факторы, как наличие или отсутствие родственных связей на новом месте, материальное состояние переселенцев, профессиональная квалификация, уровень образования, правовой статус.

Именно в сфере массовых настроений состояние межэтнических отношений особенно далеко от стабильного. Тревожное (фобическое) мировосприятие присуще не только взрослым, но и значительной части молодежи. В феврале 2008 г. в Москве на станции метро «Арбатская» прошли массовые задержания молодых людей славянской внешности. Задержанные писали стандартные «объяснительные», что не состоят в неформальных группировках, к выходцам с Северного Кавказа относятся «нейтрально» и никогда их не били. В рамках этих мероприятий под кодовым названием «Подросток» проводились также «разъяснительные беседы» в школах, «спортивные мероприятия под эгидой борьбы с ксенофобией» и «выявление скинхедов» [1].

У многих подростков и молодых людей обнаруживаются стойкий пессимизм, иррационализм, недоверие к окружающим, в первую очередь – к «гостям», особенно если поведение, язык, внешность последних значительно отличаются от поведения, языка, внешности коренных жителей. Вполне доброжелательное отношение к отдельным конкретным представителям неславянских этнических групп в массовом настроении может меняться на негативное, если чужаки воспринимаются как сплоченное, потенциально опасное целое.

Очевидно, что не во всех субъектах РФ повседневный социальный опыт «создает» негативные убеждения. В «спокойных» регионах конфликтогенным потенциалом обладают СМИ, транслируя и интерпретируя событийную информацию. В конце прошлого столетия, когда советское и постсоветское пространство потрясли разрушительные межэтнические конфликты, роль масс-

медиа как эффективного средства этнической мобилизации стала вполне очевидной.

Механизмы манипулирования сознанием аудитории описаны в целом ряде методологически значимых трудов [2, 3]. Большой интерес в контексте рассматриваемой темы представляют «Методические рекомендации по использованию специальных познаний по делам и материалам о нарушении средствами массовой информации национального, расового и религиозного равноправия», разработанные НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры РФ. К числу главных признаков пропаганды национальной, расовой или религиозной исключительности, нетерпимости, вражды авторы рекомендаций относят: формирование и подкрепление негативного этнического стереотипа, образа нации; перенос различного рода негативных характеристик и пороков с отдельных представителей на всю этническую группу; приписывание всем представителям этнической группы следования древним обычаям, верованиям, традициям, негативно оцениваемым современной культурой; утверждение о природном превосходстве одной нации и неполноценности или порочности другой; приписывание враждебных действий и опасных намерений одной нации в отношении другой; возложение вины и ответственности за деяния отдельных представителей на всю этническую группу; утверждение об изначальной враждебности определенной нации; заявление о полярной противоположности и несовместимости интересов данной этнической группы с интересами другой; утверждение о наличии заговора, тайных планов одной национальной группы против другой; объяснение бедствий и неблагополучия в прошлом, настоящем и будущем существованием целенаправленной деятельности определенных этнических групп; побуждение к действиям против какой-либо нации; поощрение, оправдание геноцида, депортации, репрессий в отношении представителей какой-либо нации; требование вытеснения из различных сфер деятельности лиц определенной национальности; требование ограничить права и свободы граждан или создавать привилегии по национальному признаку; угрозы и подстрекательства к насильственным действиям в отношении лиц определенной национальности [4, с. 170–172].

Эта типологизация непротиворечива. Кроме того, очевидно, что термин «нация» здесь употребляется как синоним термина «этнос» или «этническая группа», хотя известно, что он может маркировать в обыденном сознании и этническую, и политическую (т.е. употребляться в значении «согражданство», «граждане государства») общность.

Любая негативная информация об этнической группе формирует у контрагентов негативные стереотипы восприятия. Например, «утверждение о наличии заговора, тайных планов одной национальной группы против другой» не может не формировать отрицательного образа одной этнической группы у представителей другой.

В свете стоящих перед средствами массовой информации задач гармонизации межэтнических отношений наиболее продуктивной выглядит типологизация представленных в печатных СМИ публикаций по этнической проблематике в зависимости от наличия в них информации, продуцирующей ксенофобию

и интолерантное отношение к представителям тех или иных этнокультурных групп. Несомненным достоинством подобного критерия является учет нарастания или убывания интересующего признака, что дает возможность измерения уровня ксенофобии в ранговой шкале.

Как фактор формирования культурно-политической идентичности, средства массовой информации в современных условиях способны влиять не только на общественное мнение, но и на само содержание межэтнических отношений, формируя социальные установки, поведенческие модели и язык общения, стратегии взаимодействия (кооперация, конкуренция, отчуждение). Это значит, что средства массовой информации могут быть прямыми участниками этнических конфликтов, зачастую действующими на основе прямого политического или финансового заказа. К примеру, в августе 2007 г. Фрунзенская районная прокуратура г. Саратова инициировала обвинение издательства «Белые Альвы» в экстремизме в связи с изданием книги немецкого ученого Ганса Гюнтера «Избранные труды по расологии». Об этом факте сообщили ведущие городские СМИ, ссылаясь на информацию, распространенную пресс-службой областной прокуратуры. При этом факт, что книга неоднократно переиздавалась за рубежом (последнее издание было осуществлено в 2003 г. немецким издательством «Verlag Hohe Warte»), не был изначально освещен прессой.

Очевидно, что современные средства массовой информации оказывают многоплановое и растущее влияние на проявления и общий уровень ксенофобии / толерантности в обществе. Проблемы межэтнических взаимодействий, особенно связанные с острыми конфликтными ситуациями, криминальными инцидентами, всплесками массовых эмоций, привлекательны как для журналистов, заинтересованных в резонансе своих публикаций, так и для владельцев и редакторов средств массовой информации, заинтересованных в первую очередь в увеличении тиражей своих изданий. Поэтому описание этнически окрашенных процессов, событий и происшествий в средствах массовой информации, ориентированных на массового читателя, очень часто становится эпатажным и тенденциозным.

Чтобы придать большую достоверность и доступность соответствующей информации, журналисты склонны ориентироваться на мнение читателя, представляющего этнокультурное большинство населения данного региона, и в результате вольно или невольно следуют стереотипам массового сознания. К примеру, 21 июля 2007 г. в газете «Столица плюс» (Грозный, Чеченская Республика) была опубликована статья, в которой традициями русских названы «пьянство, кулачные бои до первой крови, дебоши, шокирующие владельцев европейских курортов и ресторанов».

Очевидно, что средства массовой информации могут обострять межэтнические трения и доводить их до уровня противостояния путем некомпетентного, незитичного изображения этнических отличий в образе жизни и стиле поведения людей, создания негативных групповых и индивидуальных этнических образов. К сугубо деструктивным формам деятельности средств массовой информации в сфере межэтнических отношений относятся пропаганда ложных этнических мифов, одностороннее и тенденциозное изображение конфликтов

на этнической, расовой или религиозной почве, употребление слов и выражений с обвинительной, устрашающей, насмешливой и унижительной окраской.

Такое распространенное социальное настроение, как нежелание представителей доминирующей культуры понимать и принимать «другого», в средствах массовой информации часто объявляется причиной ксенофобии. Иначе говоря, этническая «инакость» обязательно влечет за собой признание за этнофором принадлежности к отличной от автохтонной этносоциальной организации повседневной жизни. Если с этих позиций оценивать мировой опыт миграций, то иммигранты в странах Запада, к примеру, во многих случаях действительно глубоко отличны от местного населения (являются гражданами других государств, не владеют языком принимающей страны, имеют навыки поведения, противоречащие правилам и нормам принимающей страны). Иммигранты и мигранты в сегодняшней России в массе своей, по крайней мере взрослая их часть, – бывшие «советские люди». Они прошли социализацию и сформировали свои ментальные и поведенческие привычки в тех же общественных институтах (школа, армия, профсоюзы, комсомол), что и остальные россияне. Они в большинстве своем владеют русским языком. Огромная их доля (выходцы с Северного Кавказа, более половины азербайджанцев, значительная часть армян и грузин, некоторая часть таджиков) являются гражданами России, как и жители тех мест, куда они прибывают.

Таким образом, те, кого средства массовой информации предлагают считать «другими», в строгом смысле таковыми не являются (хотя имеется известная культурная дистанция между иммигрантами и основным населением). Почему же в обществе сохраняется убежденность, что социальная и культурная дистанция между представителями «стороны принимающей» и новопришлым населением увеличивается? Почему распространяется идея о принципиальной «инакости» различных групп российского населения?

Полагаем, что вопрос о социальной интеграции в средствах массовой информации часто подменяется вопросом о культурной совместимости. Будет ли при освещении в СМИ социальных противоречий сохранена граница, отделяющая толерантные или нейтральные высказывания от высказываний, провоцирующих межэтническую напряженность, зависит от профессиональной подготовки и ответственности журналиста, зрелости корпоративной культуры работников средств массовой информации.

Библиографический список

1. Аналитический доклад РИЦ (март 2008 г.) // www.velesova-sloboda.ru
2. Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. Ван Дейк. – М., 1989.
3. Леонтьев, А. А. Психолингвистические приемы введения в заблуждение реципиентов СМИ и политической пропаганды [Текст] / А. А. Леонтьев // Психологическая экспертиза ксенофобии в средствах массовой информации : методические рекомендации для работников правоохранительных органов. – М., 2003.
4. Макеева, Л. Правовой анализ нормативной базы по разжиганию национальной, социальной, религиозной нетерпимости или розни // [Текст] / Л. Макеева // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. – М., 2002.

В.В. Колесников,

*заместитель командира войсковой части
по воспитательной работе, подполковник,
соискатель кафедры социологии, социальной политики
и регионоведения Поволжской академии государственной службы
им. П.А. Столыпина*

СОЦИАЛЬНАЯ ПРЕСТИЖНОСТЬ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Вооруженные Силы РФ, несомненно, являются важным фактором и средством решения оборонительных задач в системе военной безопасности государства. Армия и флот создаются, содержатся (обеспечиваются) и используются государством по их предназначению. Они организуют условия для безопасности материальных и духовных ценностей общества, спокойствия и мирной жизнедеятельности граждан.

Для службы в Вооруженных Силах общество направляет своих представителей – от семьи, этнической общности, предприятия или социальной группы, – которые являются не просто военнослужащими, а в первую очередь – гражданами страны. Такой индивид обладает военно-профессиональными и общесоциальными качествами, наделен правами и свободами, несет ответственность и ответственность. Общество должно быть заинтересовано в воспроизводстве личности как социокультурной единицы – своей основы, ценности, поэтому оно не может нейтрально относиться к армии.

Однако за последние двадцать лет российское общество во многом утратило имевшееся ранее единство с Вооруженными Силами. По многим объективным и субъективным причинам, а также в результате ошибок, допущенных некоторыми государственными деятелями, средствами массовой информации, в какой-то мере произошло отчуждение Российской армии от российского общества. В связи с этим необходимо вспомнить исторический опыт зарождения и становления Вооруженных Сил нашего государства и место их представителей в обществе.

Военно-служилый класс Московского государства имел особый социальный статус, подчеркивавший его элитарность. Его представители за ратную службу получали поместья и денежные оклады, которые были прямо пропорциональны чинам [1, с. 238].

В результате возникновения постоянного военного формирования с устойчивой внутренней организацией в качестве социально-профессионального слоя появилось офицерство. Офицеры находились на службе у государства, за что получали потомственное дворянство. Таким образом, офицерство в социальном плане стало наиболее престижной группой [2, с. 5]. Офицер получал постоянный денежный оклад в зависимости от чина, который Петр I закре-

пил указом Правительствующему Сенату 16 января 1721 г. и Табели о рангах 1722 г. [3, с. 105–112].

На протяжении более чем двухсот лет офицерский корпус был исключительно кастовым, сословным. Роль офицерства в обществе со временем менялась, тем не менее престиж офицера в русском обществе оставался достаточно высоким. И хотя в начале XX в. юридически и фактически офицерство не было, как раньше, самой привилегированной группой общества, но традиционно связанные с этой профессией представления о чести, достоинстве и благородстве навсегда остались принадлежностью ее представителей. В отношении личного достоинства офицер по-прежнему стоял на недостижимой высоте, и такое положение в моральном плане никогда не оспаривалось. Даже в суровые девяностые годы XX столетия, после августовских событий 1991 г., когда страна в целом была на грани социального падения, офицерский корпус России преданно стоял на страже интересов государства и гордился своей принадлежностью к Вооруженным Силам России.

В то же время следует отметить, что социальная обеспеченность военнослужащих в 1990-е годы существенно ухудшалась. Например, появилась систематическая задержка выдачи денежного довольствия до восьми месяцев, которое у младших офицеров и без того было ниже прожиточного минимума, значительно ухудшились продовольственное, вещевое, медицинское, коммунально-бытовое, культурное обеспечение офицерского состава. Необходимо заметить, что к концу 1990-х годов были внесены изменения в Федеральный закон «О статусе военнослужащих», которыми отменялись льготы по уплате налогов, на получение ссуд, кредитов на жилищное строительство, преимущественное получение земельных участков, по бесплатному проезду военнослужащих на всех видах общественного транспорта городского, пригородного и местного сообщений, при расчете платежей по оплате площади жилых помещений и коммунальных услуг и ряд других [4, с. 32].

В связи с этим произошла не только эволюция армейской системы, но и общая деградация военного социума, катастрофически упала социальная престижность офицерского корпуса России, значительно снизилась мотивация на поступление в военные учебные заведения у молодого поколения россиян. Все это, естественно, сказалось на снижении военной и национальной безопасности России, что не могло не беспокоить общество.

Сегодня одной из актуальных социальных проблем жизнедеятельности современных Вооруженных Сил является престижность офицерской службы. Ведь именно офицер является стержнем, организующей силой армии. Офицерам принадлежит ведущая роль в жизни и боевой деятельности войск, от их военно-специальной подготовки и интеллектуального уровня, общей культуры и организаторских способностей, дисциплинированности и настойчивости в выполнении поставленной задачи зависит боевая готовность войск. Такие качества всегда были присущи лучшим офицерам русской, а потом и Советской Армии [5, с. 52].

Для успешного выполнения задач, стоящих перед Вооруженными Силами России, необходимо в первую очередь решить проблемы социального характера. Офицеры должны чувствовать постоянную заботу со стороны государства и общества, не должны думать на службе о социально-бытовых проблемах. Эта

защищенность заключается в обеспечении их жильем, в достаточном размере денежного довольствия, эффективной системе социального обеспечения. Данные факторы напрямую влияют на то положение в обществе, которое должен иметь человек в погонах [6, с. 1].

В двух последних ежегодных Посланиях Президента РФ Федеральному Собранию РФ была дана высокая оценка роли человеческого фактора в инновационной армии, поставлена задача серьезного повышения престижа военной службы и дальнейшего совершенствования системы социальных гарантий для военнослужащих и членов их семей [7, с. 3]. Лишь после этого Правительство РФ и Министерство обороны РФ предприняли комплекс мероприятий, направленных на повышение социальной обеспеченности и престижности офицерского корпуса. В частности, в течение 2007 г. дважды было повышено денежное довольствие военнослужащих; в 2008 г. планируется дальнейшее его повышение не менее чем на 10%, с 1 августа 2009 г. на 6,8% и с 1 января 2010 г. на 6,4% с учетом прогнозируемого уровня инфляции [8, с. 122].

Уже сегодня реализован ряд мер по решению жилищной проблемы. В этих целях для повышения престижности офицерского корпуса принят ряд законодательных и иных нормативных правовых актов, в соответствии с которыми с 2007 г. предоставлены дополнительные права на приобретение жилья посредством участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения; на получение денежной компенсации на каждого военнослужащего и члена семьи вместо ежегодного обеспечения санаторно-курортным лечением и организованным отдыхом; на предоставление оплаты проезда к месту использования основного отпуска и обратно в размерах фактических расходов военнослужащего и его семьи.

В дополнение к этому приняты меры, направленные на поддержку семей военнослужащих, имеющих детей. Были внесены изменения в Федеральный закон «О статусе военнослужащих», предусматривающие выплату военнослужащим на содержание детей (лиц, находящихся на иждивении), посещающих не только государственные, но и муниципальные и негосударственные детские дошкольные учреждения. Кроме того, в интересах укрепления базовых семейных ценностей и авторитета многодетной семьи в четвертом квартале 2007 г. семьям, имеющим трех и более детей, выплачена единовременная денежная помощь в размере 10 000 рублей на каждого ребенка. В целях повышения социальной обеспеченности и престижности офицерского корпуса Российской Федерации разработана Стратегия социального развития Вооруженных Сил РФ на период до 2020 г., которая позволит качественно решить указанные проблемы [8].

Однако несмотря на предпринимаемые со стороны Президента и Правительства РФ меры оценка социальной престижности военной службы среди различных категорий российских граждан, а также среди офицеров повышается очень медленно. Одной из основных причин является то, что в законодательной деятельности сложилась контрпродуктивная практика, согласно которой на каждый законопроект, разрабатываемый Министерством обороны РФ, другими «силовыми» министерствами и ведомствами, требуется получить со-

гласие Министерства финансов РФ и Министерства экономического развития РФ. Общеизвестно, что их позиции, как правило, полярны позициям «силовых» министерств. В результате согласованный вариант того или иного законопроекта сильно отличается не в лучшую сторону от первоначального замысла [9, с. 125].

В новых российских условиях, когда активно осуществляется процесс социально-экономических и политических преобразований, происходит реформа армии, формирование нового типа российского офицера вполне возможно. Однако эта возможность будет реализована лишь в той мере, в какой будет происходить, с одной стороны, отказ от чуждых исторической России и национально-государственным интересам страны идеологических стереотипов, с другой – процесс создания юридических рамок, очерчивающих положение офицерства в обществе как особой корпорации.

Этому могут способствовать и такие условия комплектования офицерского корпуса, которые бы позволяли говорить о нем как о действительной элите. Чтобы оправдать подобное положение в обществе, офицерский корпус должен состоять из лиц с достаточно высоким уровнем общей и профессиональной культуры, обладающих высоким уровнем самосознания и соответствующим мировоззрением.

Современное понимание термина «элита» обусловлено существованием в обществе особого, высшего слоя, пользующегося набором привилегий в силу социального положения, административного статуса, имущественного состояния. Философы, социологи и политологи, внесшие значительный вклад в разработку теории элит, сформулировали наиболее общие закономерности их генезиса и эволюции в условиях индустриальной цивилизации XX столетия. Так, по представлению Х. Ортега-и-Гассета (ценностная теория элиты), к элите принадлежат те, кто требует от себя очень многого, стремится подчинить свою жизнь высоким требованиям и законам, обладает интеллектуальным и моральным превосходством над массой [10, с. 89–90]. Господствующее положение элиты, по мнению других представителей этой концепции, отвечает интересам всего общества, поскольку элита – наиболее инициативная и продуктивная часть населения. Ее формирование происходит не в результате борьбы за власть, а в ходе отбора обществом наиболее ценных представителей. Вследствие этого элитарность не противоречит представительной демократии.

Если говорить о военной элите, то она способна оказывать влияние на общественные процессы и на развитие общества в целом. Это обусловлено тем, что именно она стоит на защите национальных интересов и является гарантом военной безопасности Российской Федерации и ее союзников. В свете проводимой военной реформы государство обязано особое внимание обратить на офицерский корпус, рост его престижности посредством повышения уровня его социальной защищенности, отличной, например, от социальной защиты населения в целом.

Решение и само исследование данной проблемы находятся пока на начальной стадии. Между тем вопрос социальной защищенности военнослужащих и членов их семей – сегодня один из ключевых. Особый предмет для разговора –

денежное содержание российского офицерского корпуса. Это проблема государственной важности.

К сожалению, приходится констатировать, что в современных условиях развития России отсутствие возможности обеспечить членам семьи военнослужащего хотя бы минимально необходимый уровень жизни, их необустроенность в бытовом отношении и ряд других причин приводят к оттоку из Вооруженных Сил наиболее квалифицированных, инициативных и перспективных офицерских кадров. Исследования показывают, что сегодня существует значительный некомплект на должностях младшего офицерского состава, а ряд выпускников военных училищ и академий часто пишут рапорты с просьбой об увольнении из рядов Вооруженных Сил сразу по окончании военно-учебного заведения, что является очень опасным процессом. Его последствия могут сказаться в самом ближайшем будущем на нарушении преемственности поколений, которая всегда была основой сохранения и приумножения опыта и традиций офицерской службы. Однако внушает оптимизм то, что несмотря на тяжелейшее финансовое положение офицерский корпус продолжает жить и выполнять свой долг.

Без создания надлежащего уровня социальной защиты офицерского корпуса России, реализации установленных законом прав, гарантий и компенсаций офицерам и членам их семей трудно рассчитывать на качественное выполнение задач строительства современных Вооруженных Сил РФ. В этом плане научное сообщество России, и в первую очередь социологи, не должно занимать отстраненную позицию. Своевременно отслеживая ситуацию в сфере обеспечения национальной и военной безопасности России, ученые могут исследовать, прогнозировать и проектировать, предлагать наиболее приемлемые модели социального государства, способного обеспечить достойную жизнь защитникам Отечества.

Библиографический список

1. *Татищев, В.Н.* Судебник государя ... Иоанна Васильевича [Текст] / В. Н. Татищев. – М., 1768.
2. *Филаретов, Л. А.* Русский офицерский корпус [Текст] / Л. А. Филаретов. – СПб., 2001.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 678. – Оп. 1. – Д. 428.
4. *Севастьянов, М. В.* По истертому золоту наших погон [Текст] / М. В. Севастьянов // Ориентир. – 2005. – № 5.
5. *Каньшин, А. В.* Подготовка офицерских кадров в годы ВОВ: исторический опыт, уроки [Текст] / А. В. Каньшин // Ориентир. – 1995. – № 3.
6. *Сердюков, А. Э.* Эффективность и рациональность – это не пожелание, а требование дня [Текст] / А. Э. Сердюков // Красная звезда. – 2007. – № 52.
7. Послание Президента России В. Путина Федеральному Собранию РФ [Текст] // Российская газета. – 2007. – № 90.
8. Стратегия социального развития Вооруженных Сил РФ на период до 2020 г. [Текст] // Красная звезда. – 2008. – 18 апр.
9. *Рытенков, С. Ф.* Станет ли военная служба более привлекательной [Текст] / С. Ф. Рытенков // Право в Вооруженных Силах. – 2008. – № 2.
10. *Ортега-и-Гассет, Х.* Восстание масс [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет // Дегуманизация искусства и другие работы. – М., 1991.

Н.А. Шашина,

*соискатель кафедры социологии и философии
Волгоградского государственного медицинского университета*

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАТУСА ВОЕННЫХ ВРАЧЕЙ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ

Военные врачи, будучи одной из категорий военнослужащих, пользуются всеми льготами и социальными гарантиями, предоставляемыми государством военнослужащим. В связи с этим их социально-профессионального статуса напрямую касаются изменения отношения общества и российских государственных структур к армии.

В 70–80-х годах двадцатого века был принят ряд законов, определяющих права, свободы, обязанности и ответственность военнослужащих, основы государственной политики в области правовой и социальной защиты военнослужащих, а также граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей. Для каждой из категорий был разработан отдельный закон («Положение о прохождении военной службы офицерским составом ВС СССР», «Положение о прохождении военной службы медицинскими работниками в ВС СССР»), кроме того, существовало Положение о льготах для военнослужащих, военнообязанных, лиц, уволенных с военной службы в отставку, и их семей, утвержденное постановлением СМ СССР от 17 февраля 1981 г. № 193, и ряд других актов, касающихся различных прав, свобод и обязанностей военнослужащих [1, с. 8]. Помимо этого обязанности военнослужащих и их действия в определенных ситуациях прописывались в «Уставах Вооруженных Сил СССР».

Военнослужащие армии СССР пользовались довольно большим перечнем льгот, и он периодически пополнялся. В названных законах достаточно полно регламентировались порядок приема на военную службу и увольнения, права и обязанности военных врачей как категории военнослужащих, правовые гарантии социальной защиты.

На тот период времени правовая база по этому вопросу была достаточно полной и охватывала практически все аспекты жизни военнослужащих. Так, вопрос снабжения вещевым имуществом был прописан в Положении о вещевом снабжении Советской Армии и Военно-Морского Флота на мирное время (приказ министра обороны СССР № 60 от 12 марта 1971 г.). Военнослужащие имели льготы при обеспечении жилплощадью, проезде на городском и междугородном транспорте, выходе на пенсию и пенсионном обеспечении.

В соответствии с этими нормативными документами военнослужащие под-

разделялись на ряд категорий, среди которых выделялись по профессиональному признаку военные врачи.

Социально-профессиональный статус военного врача включает в себя два аспекта. Во-первых – это правовая защищенность в повседневной военно-служебной деятельности при неукоснительном соблюдении каждым военнослужащим соответствующих законов Российской Федерации (внешний аспект). Во-вторых – это обеспечение военных врачей всеми видами довольствия, предоставляемыми военнослужащим и их семьям со стороны государства, социальных гарантий и льгот, денежных или других видов компенсаций за условия службы, проживание в определенных местностях и так далее, которые определены законодательно [2]. Субъективные показатели социально-профессионального статуса военных врачей – социальное настроение, самочувствие, которые выступают важнейшими параметрами социального здоровья любой социальной группы либо отдельно взятого индивида.

Социальное настроение объективно является определяющим, интегрирующим показателем уровня благополучия, социальной устроенности или неурстроенности, степени устойчивости социального статуса. Данные социологических исследований свидетельствуют о высокой степени влияния социальных настроений [3]. Сущность социального настроения проявляется в ряде общих закономерностей: оно всегда имеет социальное содержание; определенные условия и среда характеризуют различные стадии его проявления; социальное настроение всегда имеет своих конкретных носителей. Социальное настроение обусловлено тем, что психофизическое, эмоциональное состояние людей, их поведение зависят от степени решаемости социальных проблем, противоречий, удовлетворения социальных интересов, преломляющихся через психику, сознание и определяющих действия индивидов.

Социальное самочувствие военных врачей обусловлено многими факторами: возрастом, наличием жилья, занимаемой должностью, личным и семейным благополучием, характером трудоустройства, социальными ожиданиями и притязаниями, политическими взглядами. Обобщенным показателем в данной сфере является удовлетворенность качеством жизни, жизнью в целом.

Анализ социально-профессионального статуса, социального здоровья военных врачей вполне действенен при изучении социального самочувствия их семей, социокультурного и физического состояния. С другой стороны, современные исследования семьи дают методологический и прикладной инструментарий по этим проблемам [4, с. 41–45].

В ходе проведенного специалистами ИАГП РАН и ГОУ ВПО РГТЭУ (при участии автора) социологического исследования в 2007–2008 гг. было опрошено 110 гражданских врачей из саратовских ЛПУ и 60 военных врачей из военных госпиталей ряда регионов Российской Федерации.

Сегодня степень удовлетворенности военных врачей своей жизнью относительно низка. Так, лишь 27% опрошенных полностью или частично удовлетворены своей жизнью. Этот показатель существенно колеблется в разных регионах страны, но помимо региональной принадлежности на уровень жизненной удовлетворенности значительное влияние оказывают и возрастные различия.

Главные причины своей неудовлетворенности жизнью военные врачи объясняют целым комплексом причин: взаимоотношения в семье (2%), условия для отдыха и досуга (6%), условия для обучения и развития детей (11%), экологические проблемы региона (12%), состояние личного здоровья (13%), качество и стоимость коммунальных услуг (20%), свое общественное положение (23%), задержки выплат денежного содержания (28%), падение уровня общественной нравственности (40%), характер реализации социальных льгот (48%), состояние законности и правопорядка в стране (53%), экономическая ситуация в стране (53%). В наибольшей степени военные врачи не удовлетворены своим материальным положением, зарплатой, что свидетельствует об их личном и семейном материальном неблагополучии, относительно низком уровне и качестве жизни.

В ходе проведенного социологического исследования было выявлено, что около 88% респондентов в той или иной степени не удовлетворены своей службой, половина из них считает ошибочным выбор жизненного пути, 20% пока не определились, будут ли продолжать службу в армии. Причина такого положения очевидна: 40% респондентов не удовлетворены денежным содержанием, которое для подавляющего большинства (93%) является основным источником дохода. Денежные сбережения отсутствуют у половины респондентов. Сопоставление уровня жизни военных врачей за последние 15 лет с уровнем жизни других групп населения убеждает, что оно соизмеримо лишь с некоторыми категориями научной интеллигенции и служащих.

Под влиянием материальных затруднений изменилась потребительская корзина семей военных врачей. Около 90% из них вынуждены тратить всю заработную плату на приобретение продуктов питания, большинство ограничивается поисками лишь самых необходимых товаров повседневного спроса, отодвигая приобретение товаров долговременного пользования. Принимаемые меры по обеспечению военнослужащих продовольственными пайками несколько смягчают ситуацию в сфере питания, но полностью не решают всех проблем. Неудовлетворенность их качеством и ассортиментом высказали около 55% опрошенных.

Большинство респондентов (63%) не ощущают на себе заботу органов государственной власти и считают, что увольнение из Вооруженных сил отрицательно отразится на их социальном самочувствии и материальном положении. В связи с этим 32% опрошенных обеспокоены, а 16% испытывают переживания.

Приведенные показатели, отражающие отдельные аспекты социально-правовой защищенности военных врачей как одной из категорий военнослужащих, еще раз подчеркивают, что государственная поддержка находится пока еще не на должном уровне. Такая ситуация непосредственным образом сказывается на устойчивости их профессионального положения, профессиональном мастерстве и самосознании, профессиональной мобильности.

При исследовании устойчивости профессионального положения военных врачей можно выделить два блока вопросов. Ответы на вопросы первого блока дают возможность определить уровень устойчивости профессионального положения, второго – причины и мотивы выбора профессии. Практически пятая часть респондентов неудовлетворена своей профессией, каждый второй уверен,

что не ошибся в выборе профессии, остальная часть опрошенных затруднилась с ответом.

Анализ мотивационных формулировок позволил выделить семь следующих обобщенных групп мотивов поступления врачей на службу в Вооруженные силы:

содержательным интересом к профессии (стремление к активной, разнообразной работе, общению, желание овладеть профессией, профессиональный интерес) руководствовались 5% опрошенных;

нравственным мотивом (обеспокоенность за национальные интересы России, стремление к справедливости, правде, моральному удовлетворению) – 9% респондентов;

личностный мотив (склонность к военизированной службе, желание носить форму, оружие, стремление к риску, опасности, желание сделать профессиональную карьеру, изменить характер, стать увереннее, приобрести чувство безопасности) послужил причиной поступления на службу в Вооруженные силы для 16% опрошенных;

экономический мотив (поиск выхода из трудных экономических и бытовых условий, льготы, стабильный заработок, оказался безработным) повлиял на выбор профессии 32% опрошенных;

мотив предварительного участия в подобной службе (армейская служба) явился определяющим для 3% респондентов;

профессиональная традиция при выборе профессии (семейная традиция, пример друзей и знакомых) повлияла на 31% опрошенных;

случайное стечение обстоятельств привело в Вооруженные силы 3%.

О падении престижности профессии военного врача может свидетельствовать и тот факт, что 32% выпускников Саратовского военно-медицинского института 2007 г. и 27% вновь поступивших курсантов сожалеют о сделанном профессиональном выборе. Разочарование части курсантов в выбранной профессии, скорее всего, связано не с самой профессиональной деятельностью военного врача, а с невысокими социальными и материальными гарантиями воинской службы, с уровнем социальной защищенности военных людей в настоящее время, с кризисными явлениями в армии. Об этом ярко свидетельствуют ответы курсантов на вопрос «Какие из указанных причин, по-вашему, могут заставить офицера уволиться из армии?». Первое, определяющее место среди названных причин занимает невозможность решения жилищной проблемы, второе – низкое денежное довольствие, третье – тяжелые условия армейского труда и плохое здоровье, четвертое – конфликт с начальством, пятое – низкие возможности профессионального роста и карьеры, шестое – плохие отношения с сослуживцами, седьмое – плохие отношения с подчиненными. И все же большинство курсантов считают, что профессия военного врача может позволить им занять в обществе достойное положение (52% выпускников 2007 г. и 62% вновь поступивших курсантов); стать высококлассными специалистами (соответственно 55% и 50%), но лишь четвертая часть из них связывает свое материальное благополучие с этой профессией [4].

В рамках осуществления стратегии социальной политики государства важно рассматривать целостную совокупность: социальное самочувствие, мотивы, цен-

ностные ориентации [5]. Мотивационная составляющая выступает важнейшим условием объективного социального благополучия, устойчивого социально-профессионального статуса военного врача. Анализ обобщенных мотивов профессионального выбора показывает, что в их структуре преимущественно доминируют такие равнозначные стимул-факторы, как экономический интерес и профессиональная традиция, а также личностный мотив. На третье место отнесены нравственно-мировоззренческие мотивы и профессиональный интерес. Такого рода субъективизация профессии выдвигает на передний план рефлексивное содержание профессиональной деятельности: удовлетворенность работой, профессиональное самочувствие, профессиональный выбор, профессиональные ценности.

По данным исследования, вполне удовлетворены занимаемой должностью 19% респондентов, удовлетворены – 40%, не вполне удовлетворены – 29%, не удовлетворены – 10%. Полученные данные во многом связаны с тем, что для любого человека занимаемый социально-профессиональный статус является важнейшим условием самоутверждения [6].

Возможны три варианта реакции на занимаемую позицию. Первый определяется конформистским поведением, когда адекватное выполнение своих обязанностей должно соответствовать ожиданиям окружающих, поэтому соблюдение норм предполагает конформизм и интеграцию человека в коллектив. Второй тип отношения к занимаемой позиции – самоуважение и репутация, ее восприятие другими людьми, сравнительная оценка собственной деятельности с поведением окружающих, занимающих аналогичные должности. Человеку свойственно беспокоиться за собственную репутацию, стремиться выглядеть «не хуже других». Данное обстоятельство побуждает к четкому выполнению своих обязанностей, ибо низкая оценка окружающих автоматически понижает авторитет в группе. Третий вариант отношения к занимаемой позиции – стремление к максимальной реализации своих способностей и талантов, ориентация на эффективное выполнение ролевых функций и получение высоких наград и привилегий. Такой тип поведения ориентирован на карьеру, повышение статуса, на «достижимый статус».

Результаты исследования показывают, что 12% опрошенных вполне удовлетворены эффективностью своей работы, удовлетворены – 48%, не вполне удовлетворены – 31%, не удовлетворены – 5%, затруднились ответить на данный вопрос – 4%. вполне удовлетворены результатами своей работы 17% опрошенных, удовлетворены – 50%, не вполне удовлетворены – 27%, не удовлетворены – 4%, отказались отвечать на данный вопрос – 2%. Содержанием своей работы вполне удовлетворены 12% опрошенных, удовлетворены – 36%, не вполне удовлетворены – 35%, не удовлетворены – 12%, затруднились ответить на данный вопрос – 5%.

При этом только каждый двадцатый респондент вполне удовлетворен, а каждый пятый удовлетворен организацией своего труда. Не вполне удовлетворены – 42%, не удовлетворены – 29%, затруднились ответить на данный вопрос – 3%. Как следствие, каждый второй респондент считает свою профессию непрестижной, осознает ее неперспективность.

Полученная в ходе анализа первичная социологическая информация о трансформации социально-профессионального статуса военных врачей нуждается в

дальнейшем уточнении и обобщении по атрибутивным (качественным) и вариационным (количественным) признакам, что, в свою очередь, требует выделения и анализа факторов, влияющих на этот процесс в современных условиях.

Таким образом, специальное исследование субъективных статусных характеристик, социального настроения показывает тенденции трансформации социально-профессионального статуса военных врачей. Их социальная защита выступает в качестве маркера деятельности органов государственного управления, социальных служб и общественных организаций, предприятий и учреждений по реализации прав, свобод и льгот военнослужащих как особой социальной группы российского общества. Перечисленные субъекты создают необходимые условия для позитивного развития всех элементов социального статуса и социального настроения военнослужащих через конкретные механизмы государственной социальной политики, поддерживают престижность военной службы.

Библиографический список

1. *Коровников, А. З.* Социальная защита военнослужащих: становление, развитие и праворегулирование [Текст] / А. З. Коровников. – М., 1995.
2. *Семенец, Н. Я.* Институт социальной защиты военнослужащих в условиях социального реформирования [Текст] : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Н. Я. Семенец. – Саратов, 2000.
3. *Анурин, В. Ф.* Проблема эмпирического измерения социальной стратификации и социальной мобильности [Текст] / В. Ф. Анурин // Социологические исследования. – 1993. – № 3.
4. *Лобанов, С. В.* Военно-профессиональная ориентация в условиях трансформации российского общества [Текст] : автореф. дис. ... канд. социол. наук / С. В. Лобанов. – Пермь, 2001.
5. *Чупров, В. И.* Социально-профессиональный статус военнослужащих России [Текст] / В. И. Чупров, Е. Д. Игитханян. – М., 1992.
6. *Ануфриев, Е. А.* Социальный статус и активность личности [Текст] / Е. А. Ануфриев. – М., 1984.

УДК 316.42:65
ББК 87.6

К.Р. Бабаян,

*преподаватель кафедры немецкого языка
Института филологии и журналистики
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского*

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ЛИДЕРСТВА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Современная широкая открытость общества облегчает усвоение новейших достижений внешнего мира, прежде всего – высокоразвитых стран. Однако оборотной стороной такой открытости становится чрезмерное имита-

торство, перенос излишних элементов чужеродных культур, что приводит к подрыву собственного культурного достояния. Слепое, без должной адаптации, копирование образцов иноземной культуры оборачивается не только духовным, но и социальным разладом, порождающим реакцию отторжения. В итоге растет расхождение между социальными группами, центром и провинцией, поколениями.

Период социальных и экономических трансформаций в России обострил комплекс социально-экономических проблем, влияющих как на развитие всего общества в целом, так и на профессиональное и личностное становление человека в отдельности. Радикальному изменению подверглись механизмы социализации: резко сокращается сфера межличностных отношений, в ценностном плане это сопровождается расширением предпринимательских, достижительных, прагматических ориентаций. Такого рода перемены неизбежно влекут за собой подрыв сложившихся моральных норм и ценностей, что выражается в «падении нравов», в росте корыстных, коррумпированных, криминальных отношений. Вместе с тем у значительной части населения возникает состояние аномии и чувство отчуждения от общества, что снижает социальную инициативность и подрывает человеческий потенциал общества.

Специфичны условия, в которых проходит социализация молодых граждан. Это растущее неравенство и расслоение молодежи, процесс дезинтеграции молодежи как страты по социально-профессиональным, региональным и этническим детерминантам. Среди негативных факторов или источников угроз процессу позитивной социализации молодых граждан можно назвать кризис идентичности молодежи, снижение престижности труда у молодого поколения, отсутствие четкой внутренней системы ориентации и предпочтений, внутренняя неопределенность в шкале жизненных ценностей. Следствием необратимых процессов социального расслоения, социальной дихотомии позиций, интересов молодежи становится принципиальное противопоставление социально-активной и социально-пассивной молодежи, причем последняя доминирует. Таковы сегодня социокультурные условия в России.

Что принесли молодежи перемены в общественном устройстве, что изменилось в лучшую для нее сторону? Позитивных перемен, на наш взгляд, совсем немного, но они есть: главное завоевание – это свобода духовная, экономическая, политическая. Молодежь получила право выбора.

По самооценке, полученной в ходе социологических исследований, около 54% молодых людей считают себя движущей силой коренных преобразований в обществе [1, с. 126–145, 226–245]. В целом молодые люди высказались за продолжение перемен в сторону рынка и гораздо лучше, чем старшее поколение, адаптируются к новым экономическим условиям. Около 35% от общего числа молодежи (32 млн человек в возрасте 15–29 лет) уже открыли собственное дело, более 30% из числа опрошенных хотели бы заняться предпринимательством. Молодежь высоко ценит экономическую свободу и такие качества личности, как предприимчивость, прагматизм, способность к риску [2, с. 11–29]. Несмотря на все проблемы и трудности нынешней жизни, значительная часть молодежи смотрит в будущее спокойно, но без особых надежд (33%), с на-

деждой и оптимизмом (40%). Иначе говоря, общество имеет в целом психологически уравновешенное поколение, ориентированное на стабильное, устойчивое развитие и созидательный труд.

Социальные изменения настолько быстры и изменчивы, что никто уже не сомневается: сегодняшней молодежи предстоит жить в мире, отличном от того, в котором живут их родители. Проблема для старшего поколения состоит не в том, насколько полно удастся ему передать молодым людям знания и убеждения, а в том – сумеет ли оно подготовить их самостоятельно действовать и принимать решения в условиях, с которыми само старшее поколение не знакомо. Молодые люди зачастую выступают в роли первопроходцев и, особенно с учетом их незрелого возраста, подвергаются таким рискам, которых не знали их родители, воспитатели и остальные наставники. Другими словами, сегодня молодые люди России оказались как бы на линии огня: переходный период не только открывает перед ними возможности, но и несет с собой определенные опасности и трудности [3, с. 146]. Молодой человек должен психологически готовиться к неопределенности, к возможным многократным изменениям специальности, то есть быть универсальным работником [4, с. 305], способным хорошо проявлять себя в непредвиденных, нетривиальных обстоятельствах. Сегодня сама социально-экономическая, социально-культурная и политическая ситуация «отбирает» таких людей из общей массы, стихийно «до-страивает» их согласно логике жизни.

Актуальность исследования процессов формирования лидерства в молодежной среде обусловлена тем, что молодежь – это специалисты, которые завтра займут ведущие положения в обществе и станут лидерами в той или иной сфере деятельности и именно от их действий будет зависеть управление различными социальными структурами.

В настоящее время проблема подготовки эффективных лидеров становится приоритетной задачей в сфере социального управления. Характерное для сегодняшнего момента усложнение целей, средств и условий деятельности повышает требования к образованию специалистов, делает востребованной личность, обладающую лидерскими качествами, способную видеть, прогнозировать и решать возникающие вопросы и проблемы, мобильную в социально-профессиональном отношении. Включение молодежи в процессы управления составляет одно из важнейших направлений интеграции нового поколения в общественные отношения, является важным, если не главным, фактором преобразования реальности, влияющим на общее состояние уровня и качества жизни в России.

В реализации названных задач исключительная роль принадлежит молодежи, что обусловлено рядом факторов, первый из которых состоит в том, что молодежь представляет собой самый подвижный, самый динамичный слой общества. Во-вторых, она занимает достаточно высокий удельный вес в совокупном населении страны (на 1 января 2002 г. в России проживали 36 млн молодых граждан, или каждый четвертый ее житель; из них в Саратовской области – 632 тыс. молодых людей, или 24% от общей численности населения области [5, с. 9]).

Практическая и теоретическая актуальность проблемы лидерства в молодежной среде подчеркивается также недостаточной разработанностью стратегии и тактики формирования социального лидерства в молодежной среде, необходимостью трансформации молодежной политики, изучения особенностей региональных форм работы по поддержке различных форм социального лидерства. В настоящее время в социально-экономической сфере деятельности молодого человека на первый план выходит его продвижение по ступеням статусной, профессиональной, должностной иерархии, повышение конкурентоспособности на современном рынке труда.

На основе социологического анализа лидерства в молодежной среде г. Саратова и Саратовской области (интервью, анкетирование, сравнительный вторичный анализ) нами сформулированы основные обобщения и выводы. В частности, определено, что назрела необходимость корректировки позиции государства и общества в осуществлении новой молодежной политики в центре и в регионах. В обществе уже произошло осознание необходимости формирования лидерства в молодежной среде. На примере Саратовской области можно увидеть, что в регионе складывается определенная система в решении этой проблемы.

Формирование молодежного социального лидерства в региональном измерении идет в следующих формах и направлениях:

1. *В рамках школьного и студенческого самоуправления* (школьные и студенческие советы) школьники (с 14 лет) и студенты включаются в решение организаторских задач. Практически во всех школах, гимназиях, лицеях и вузах Саратова созданы органы самоуправления, обеспечивающие успешную деятельность, получение дополнительных навыков управления и саморазвития, формирования лидерских качеств.

2. *Посредством развития молодежного парламентаризма.* Это движение активно развивается в нашей стране, принимая во многих российских регионах различные формы (думы, советы, палаты, ассамблеи, правительства). Подобного рода структуры действуют уже более чем в 60 субъектах РФ, в том числе и в Саратовской области. Например, создано Молодежное общественное собрание г. Саратова, одной из главных целей которого является создание механизма подготовки кадрового резерва, лидеров из молодежи для всех звеньев органов местного самоуправления города.

3. *Через молодежные общественные организации и объединения.* В настоящее время в России зарегистрировано более 2000 молодежных и детских общественных объединений разного уровня. В Саратовской области действует 131 зарегистрированное органами юстиции такого рода общественное объединение. Подтверждением их эффективности в формировании лидерства среди молодежи могут служить данные проведенного нами эмпирического исследования. На вопрос: «Могут ли общественные организации формировать лидерство?» – 100% респондентов ответили утвердительно, подчеркнув, что нет необходимости создавать новые структуры, но требуется финансовая поддержка государства действующим организациям и объединениям.

На примере некоторых саратовских региональных организаций, занимаю-

щихся формированием лидерства у молодежи, можно проанализировать общие и частные черты формирования лидерства в молодежной среде. В частности, СРМО (Саратовская региональная молодежная организация) «Лидеры Поволжья» (г. Красноармейск) является членом Межрегиональной общественной организации «Ассоциация юных лидеров». Участники организации исходят из того, что каждый может изменить мир вокруг себя; каждый молодой человек может быть лидером, и должен им стать; молодые учат молодых; индивидуальная свобода является ценностью; необходима мотивация на личностный рост. СРОО (Саратовская региональная общественная организация) молодых управленческих кадров «Ассоциация выпускников Президентской программы» выдвигает следующие задачи: сформировать и поддержать содружество людей, имеющих потребность в профессиональном развитии, в формировании собственных лидерских качеств; создать банк элитных кадров, перспективных проектов и идей, формировать «кадровый резерв» области; увеличить процентное соотношение участников Президентской программы Саратовской области, стажирующихся на ведущих отечественных и зарубежных предприятиях. СМОО (Саратовская молодежная общественная организация) «Ассоциация студентов, изучающих экономику и управление «AIESEC» – международная, политическая, некоммерческая, независимая образовательная ассоциация, полностью управляемая студентами. AIESEC – крупнейшая в мире молодежная организация, развивающая социально ответственных, предприимчивых, восприимчивых к другой культуре, активных людей; в нее входит молодежь из 64 стран.

Молодежные организации Саратовской области имеют достаточный опыт работы в летних лагерях, где формирование лидерских навыков у молодежи можно успешно осуществлять в рамках смоделированной системы.

4. *Система дополнительного образования* – еще одно возможное направление, способствующее формированию лидерства в молодежной среде. В данном случае также есть положительные примеры активной деятельности и полученных в ее результате итогов. Например, Региональный центр комплексного социального обслуживания детей и молодежи «Молодежь плюс», организующий работу с молодежью, ежегодно привлекает в свои программы социальной направленности более 50 тыс. молодых людей, проживающих в Саратовской области. Центр разработал и внедрил программу «Прививка на лидерство», которая формирует у молодежи лидерские качества. «Молодежь плюс» готовит лидеров и руководителей молодежных объединений, способных повести за собой, пробудить интерес к делу, изменить мировоззрение людей, находящихся рядом.

Формированию политического лидерства молодежи на сегодняшний день содействуют молодежные отделения политических партий, таких, как «Единая Россия», «ЛДПР», «Народная воля», «СПС», «Яблоко», «КПРФ», но специфика их деятельности состоит в том, что лидеров из числа молодежи каждая партия готовит целенаправленно для себя.

Совершенно очевидно, что современная молодежь должна иметь каналы вхождения во все сферы жизнедеятельности общества, государства. Требуется целенаправленная государственная поддержка для раскрытия личностных свойств молодого человека, для подготовки молодых лидеров. Решение соци-

ально-управленческих проблем молодежи, формирование лидерства в молодежной среде представляется, на наш взгляд, системообразующим ядром молодежной политики, которая является стратегическим компонентом развития государства и гражданского общества и не может быть делом какого-либо одного ведомства.

Библиографический список

1. Молодежь России: тенденции, перспективы [Текст] : сб. / под ред. И. Ильинского. – М., 1993.
2. Молодежь в посткоммунистической России и Восточной Европе [Текст] : сб. / под ред. Д. Риордана, К. Вильямса, И. Ильинского. – М., 1995.
3. Молодежь России: тенденции и перспективы [Текст] : сб. науч. ст. – М., 1993.
4. *Ильинский, И. М.* Молодежь и молодежная политика: Философия. История. Теория [Текст] / И. М. Ильинский. – М., 2001.
5. 2002 – год молодежи в Саратовской области [Текст] : материал доклада Правительства Саратовской области. – Саратов, 2002.

УДК 008:371

ББК 65.272+63.3(2)

Н.В. Мушко,

*научный сотрудник Музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского,
аспирант кафедры гуманитарных наук
Энгельсского технологического института*

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ СЕМЬИ И СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Среди множества вариантов понимания феномена семьи можно выделить обыденный, религиозный, философский, социальный и художественный. Анализ форм семьи и семейных отношений в контексте культурно-философской антропологии позволяет характеризовать их бытие и развитие.

Семья может рассматриваться как культурно-антропологическое и социальное явление, удовлетворяющее личные по форме, но общественные по сути потребности, выступать как микро- и макросистема жизни человека и государства. В культурно-антропологическом смысле современная семья – это личностное взаимодействие индивидов, состоящих в одном из трех видов отношений: кровного родства, своячества и соседства. Каждое из этих отношений является определяющим в исторической эволюции моногамии, которая не была прочной и лишь косвенно зависела от развития цивилизации.

Интересно описание религиозных, художественных и социальных форм понимания семьи, имевшихся до XX в., так как именно они наиболее полно

характеризуют патриархальную российскую семью – носительницу традиций и моральных устоев.

Во многих литературных и иных произведениях показана традиционная модель отношений в российской семье, отражающая господствовавший менталитет. В этих источниках представлены исторические условия, истоки нравственности и смирения, во многом имевшие религиозные корни. Например, памятник средневековой русской литературы «Домострой» посвящен моральным устоям, модели построения духовно здоровой семьи. В нем прямо устанавливается: «Да самому тебе, господину, и жене, и работникам, и детям и домочадцам – не красть, не завидовать, не блудить, не клеветать, не лгать. Если же не повинен, за это от бога награду получишь». Очевидно, что в этом видится источник прочности и красоты семейных отношений. Среди глав «Домостроя» можно выделить такие: «Как учить мужу свою жену богу угодить»; «Женам наказ о пьянстве и хмельном питье» [1, с. 5–36].

Религиозные формы понимания определяют семью как храм чистых нравственных отношений, установленных между членами семьи. Система православных семейных ценностей предполагала осознанное вступление в брак, который имеет две взаимосвязанные ступени: земную и небесную. В рамках традиции, в том числе религиозной, брак рассматривается, с одной стороны, как область проявления веры и любви, а с другой – как источник материальных ценностей.

В статье «Лев Толстой и христианский брак» отмечается: «Церковь благословила брак. Но она благословила его духовную сторону, земной неразрывный союз двух любящих душ, благословила рождение нового человека» [2, с. 14–24]. Высокая христианская добродетель, целомудрие не только не противоречат существу христианского брака, но и обуславливаются им. Истинный христианин всегда будет помнить о смысле таинства брака. В то же время брак предполагает ответственность и строгое соблюдение семейных обязанностей. Так, жена обязана советоваться с мужем, который является главой семьи и принимает на себя всю полноту ответственности.

Особое внимание Л.Н. Толстой обращал на воспитание детей: лучше наставлять детей не словом, а примером своей доброй жизни. Крайним безумием он считал собиранье богатства и оставление его детям вместо того, чтобы учить их добродетели. С его мнением трудно не согласиться, так как легкое приобретенное богатство часто разрушает семью, ведет к выхолащиванию отношений [3, с. 51–54].

В творчестве писателей XIX в. часто описываются семейные традиции, при этом наглядно демонстрируется все несовершенство отношений в патриархальной семье.

У каждого народа есть свои особенности формирования семейных отношений, однако имеются и достаточно заметные схожие черты. Например, интересным представляется сравнение заключения брака у русского и индийского народов в XIX в.

Индийский брак Пайдчаша строился на обмане женихом родителей невесты и был худшим из всех способов. В России у гусар также был распространен

самовольный увоз богатых невест. Подобный пример как самый неповторимый союз жениха и невесты описан в повести А.С. Пушкина «Метель».

Индийский брак Раксаша допускал, что перед заключением брака девушку уводили силой (бывали случаи, когда девушку уводили с ее согласия, но против воли ее родителей). Такая форма брачно-семейных отношений также встречалась в России, особенно в отдаленных военных крепостях. Все особенности таких отношений описаны в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Индийский брак Гандхарва предусматривал добровольный союз невесты и жениха. Все вопросы о браке решали не родители, а девушка и ее будущий супруг. Этот брак заключался без церковных церемоний и считался лучшим. Такая форма брака очень похожа на современные брачно-семейные отношения, хотя встречаются и исторические примеры.

Индийский брак Асура предполагал расчет. Главным основанием его были деньги, невеста рассматривалась как дар жениху со стороны ее отца. Многие из героинь пьес Н.А. Островского противились именно такой форме брака, который был распространен в купеческой среде.

Индийский брак Праджапатья по своей форме наиболее приближен к свадебному обряду в российской патриархальной семье. В этом случае жених приходил свататься, и отец невесты отдавал ему дочь. Далее жених с невестой сами исполняли семейные гражданские и религиозные обязанности, а смысл брака виделся в рождении детей.

Индийский брак Брахма напоминал свадебный обряд мещанских, купеческих и дворянских российских семей. Отец невесты давал большое приданое и приглашал избранного жениха в свой дом. Жених дарил одежду и украшение невесте и обещал заботиться о ней [4, с. 142–188].

Свидетельства писателей разных направлений не только вскрывают особенности человеческого бытия, но и наглядно демонстрируют несовершенство отдельных личностей, показывая их антропологическую сущность. Так, А.С. Пушкин считал, что семейные отношения должны окружать тайна [5, с. 292–294]; Л.Н. Толстой высказывал мнение, что семейные отношения являются «этической точкой отсчета» для формирования личности [3, с. 120]; Н.Г. Чернышевский утверждал, что «всякая деятельность человека направлена на познание природы и слияние с ней» [6, с. 425].

Писатель и историк Н.М. Карамзин считал человека не только существом общественным, но и склонным к разного вида общению, к материальному и нравственному совершенствованию: история свидетельствует, что род человеческий и семья возвышаются к духовному совершенству. Большую роль в совершенствовании человеческой природы Н.М. Карамзин отводил искусству, которое указывает человеку достойные пути и средства достижения счастья, а также формы разумного наслаждения жизнью – через возвышение души. Культурные особенности семьи, считал историк, являются одним из наиболее статических компонентов семейной структуры и могут играть решающую роль в становлении семейной целостности, являться способом применения интеракции и функциональных приоритетов. Культурный стиль се-

мы зависит от этнических, религиозных, социально-экономических факторов [7, с. 85–105].

На разнопорядковость семейного бытия различных социальных слоев обращал внимание Н.И. Тургенев. Он перечислил семь таких слоев: дворянство, духовенство, буржуазия (сословие между дворянством и крестьянством, к которому относились купцы, ремесленники, буржуа), крестьяне-земледельцы, казаки, вольные хлебопашцы, крепостные. При этом ученый полагал, что в каждом случае имеется множество особенностей российской семьи, и отмечал, что наибольшие трудности испытывали крепостные крестьяне [8].

Изучая семейный вопрос в России, Н.Г. Чернышевский отмечал, что важнейшей характеристикой сущности личности выступают ее потребности, которые удовлетворяются в определенных исторических обстоятельствах. Развитие личности понимается как гармоничное сочетание умственной и нравственной жизни на развитой материальной основе.

Философ считал, что именно в семье закладываются основы развития общества и сосредоточивал свое внимание на изучении семей простолюдинов. В основе философской и социальной позиции писателя по вопросу семьи и семейных отношений лежат принципы «антропологического монизма» и «разумного эгоизма». Семья понималась Н.Г. Чернышевским в качестве первоначальной формы «полового сожительства» и основы нравственности, а семейный уклад – как особый стиль внутрисемейных отношений.

О своей семье Н.Г. Чернышевский пишет: «В нашем государстве, имевшем... пять человек полноправных граждан... были следующие сословия: 1) помещики – сословие, соответствующее потомственному дворянству русского законодательства, – мой дядюшка и по нем моя тетушка; 2) духовенство – моя бабушка, мой батюшка и матушка; 3) домовладельцы – мои бабушка и матушка; 4) лица, не имеющие недвижимой собственности в своей резиденции, – батюшка, тетушка и дядюшка; 5) сословие, получающее доход, – мои бабушка, матушка и тетушка; 6) сословие, отдающее все свои деньги лицам сословия, получающего доход, и не имеющее никакой движимой собственности, кроме платья, – мои батюшка и дядюшка...» [9, с. 12].

Отношения в семьях Голубевых, Чернышевских, Пыпиных можно назвать целостными и супружескими, так как они отличались терпимостью, гармоничностью, была достигнута психологическая, половая и материальная совместимость, имелись свои традиции и особый стиль воспитания.

Установлено, что в семьях, где родители понимают друг друга, значительно выше успеваемость учеников, у детей развиты такие качества, как доброта, трудолюбие, дисциплинированность, умение постоять за себя, самостоятельность, бескорыстие, скромность. Семья Чернышевских – Пыпиных отличалась особым отношением к детям, сочетая в себе особенности патриархальной и детоцентрической семьи. Все дети выросли достойными людьми, получили профессии, создали свои семьи.

По мере развития социокультурного бытия и совершенствования уровня духовной свободы индивид расширяет границы повседневного пространства. Если первоначально понятие пользы исчерпывалось удовлетворением элемен-

тарных потребностей человека, то с развитием товарно-денежных отношений польза как наличная форма бытия становится универсальной, вполне достижимой, осознанной мерой оправдания житейской позиции и обыденного мироздания. В большинстве рассмотренных случаев социально-экономическая точка зрения на семью и семейные отношения учитывает историческое развитие общества, сословные признаки и социальные аспекты существования индивидов. Тем не менее присутствует и экономическая составляющая семейных отношений.

В своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс впервые определил историю и общественные порядки, при которых живут люди, как ступень развития труда и семьи [10]. Он отметил, что для дикости характерен групповой брак, для варварства – парный, для – цивилизации – моногамный.

Ф. Энгельс рассуждал о сущности семьи и ее исторических формах. В указанном смысле можно говорить о кровнородственной семье, в которой брачные отношения имеют лишь одно ограничение – принадлежность к разным поколениям; о групповой семье, которая возникла в результате запрещения половых связей не только между родителями и детьми, но и между братьями и сестрами и имела эндогамную и экзогамную разновидности; наконец, о парной семье, которая предполагала брачные отношения лишь одного мужчины с одной женщиной, но эти отношения были еще непрочными и легко расторгимыми (можно предположить даже существование дислокальной парной семьи, когда каждый из супругов жил в своей родовой группе). Таким образом, постепенно групповой брак становится невозможным. Моногамия, как считал ученый, – первый тип семьи, в основе которого лежали не естественные, а экономические отношения.

Моногамия отличается большей прочностью. По мнению Ф. Энгельса, именно вопрос собственности укрепляет семью и ее объединяет. Однако именно этот вопрос сегодня «разъедает» основу российских семейных отношений. Например, проблема наследства приводит к раздорам в семье и обособлению ее членов друг от друга.

Можно не согласиться и с утверждением Ф. Энгельса, что для цивилизации характерен моногамный брак. Например, в XIX в. существовала полигамия, носившая производственный характер, о чем свидетельствует в своем романе «Что делать?» Н.Г. Чернышевский. На судьбу многих семей XX в. наложила отпечаток Великая Отечественная война, во время которой полигамия носила «военно-полевой» характер. В XXI в. именно отрицательное отношение к вопросу полигамии приводит к кризису внутрисемейных отношений.

Анализируя с культурно-антропологической точки зрения особенности семейных отношений в XIX в., можно отметить, что именно патриархальная и детоцентрическая модели семейных отношений отражали менталитет российской семьи и были носителями ее традиций. Современные семейные отношения переживают личностно-ценностный конфликт, в основе которого лежат противоречия культурных универсалий. Основу целостности супружеских отношений раскрывают нравственные культурно-антропологические факторы, та-

кие как связь поколений в семье, цели деятельности и стратегия жизни каждого из супругов, социокультурная ситуация в стране. Таким образом, неизбежен вывод о необходимости развития адекватной настоящему времени философии супружества.

Библиографический список

1. Домострой по Кашинскому списку [Текст] / под ред. А. Орлова. – М., 1908. – Кн. 1.
2. Толстой и христианский брак [Текст] // Сущность брака. Обмен мыслями между Мироновым и Розоновым / Л. Н. Толстой. – М., 1907.
3. *Толстой, Л. Н.* Собр. соч. [Текст] : в 8 т. / Л. Н. Толстой. – М., 1989. – Т. 7 : Письма.
4. *Пандей, Р. Б.* Древнеиндийские домашние обряды [Текст] / Р. Б. Пандей. – М., 1982.
5. *Пушкин, А. С.* Стихотворения и поэмы [Текст] / А. С. Пушкин. – М., 1989. – Т. 2.
6. *Чернышевский, Н. Г.* Полн. собр. соч. [Текст] / Н. Г. Чернышевский. – М., 1989. – Т. 4.
7. *Карамзин, Н. М.* История государства Российского [Текст] / Н. М. Карамзин. – М., 1993. – Т. 1.
8. *Тургенев, Н. И.* Россия и русские [Текст] / Н. И. Тургенев. – М., 2001.
9. *Ланщиков, А. Н.Г.* Чернышевский [Текст] / А. Ланщиков. – М., 1982.
10. *Маркс, К.* Сочинения [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1961.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

УДК [349.6:347.249](470-571)
ББК 67.407

С.А. Кощеев,

*главный специалист Управления правового обеспечения бизнеса
«ТНК-ВР Поволжье» в г. Саратове*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В СФЕРЕ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Современное предоставление участков недр природопользователям, а также общее регулирование недропользования осуществляется на основании Закона РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 (в ред. от 26 июня 2007 г.) «О недрах» [1]. Несмотря на достаточно свежую редакцию Закона его содержание уже давно не соответствует требованиям современной российской действительности.

О необходимости внесения изменений в Закон «О недрах» говорилось уже давно. Правительство РФ, являясь инициатором внесения в Государственную Думу РФ проекта нового Закона, объективно полагает, что ориентация старого Закона преимущественно на административное право и отсутствие в нем норм, позволяющих внедрять договорные отношения в систему недропользования, сдерживает не только рост доходной базы бюджета, но и всей отрасли в целом.

В конце 2006 г., когда проект нового закона находился на рассмотрении в Государственной Думе РФ, против него достаточно активно выступили в некоторых регионах. Из многих были присланы отрицательные заключения на законопроект, а на парламентских слушаниях с предложением отправить его на доработку выступили официальные представители Татарстана, Башкирии, Якутии, Костромской области и другие. Официально отказали в поддержке законопроекта законодательные и исполнительные власти Иркутской области, где представлены практически все полезные ископаемые. Против законопроекта выступил и профильный комитет Совета Федерации [2].

Указанная позиция ряда регионов заставила обратить особое внимание об-

щественности на предлагаемый к принятию Правительством РФ законопроект, на его неоднозначное содержание и множество недоработок.

Новый законопроект, по сути, выстраивает вертикаль в области управления природными ресурсами. На первый взгляд, сильное федеральное руководство в сфере более рационального распределения природных ресурсов среди основной массы природопользователей несет в себе большее количество позитивных, нежели негативных моментов. Однако, учитывая сложившуюся практику последних лет, говорить о рациональности указанного распределения не приходится, в связи с тем что в постсоветский период федеральная власть делегировала кругу строго определенных природопользователей все права на беспрепятственную и бесплощадную эксплуатацию недр. До настоящего момента не существует эффективного механизма рационального использования недр с учетом рентной составляющей налогообложения их добычи и последующей реализации.

В соответствии с вносимым законопроектом государственная собственность на недра и природные ресурсы заменяется федеральной, фактически устраняются имеющиеся полномочия субъектов РФ в сфере управления недрами. Указанное обстоятельство противоречит ст. 72 Конституции РФ, согласно которой вопросы владения, пользования и распоряжения недрами, природопользование и законодательство о недрах находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов [3].

С принятием нового Федерального закона «О недрах» субъекты РФ будут лишены возможности участвовать в разработке и реализации государственных программ геологического изучения недр, развития и освоения минерально-сырьевой базы Российской Федерации; участвовать в государственной экспертизе информации о разведанных запасах полезных ископаемых; защищать интересы малочисленных народов, проживающих на территориях субъектов РФ при разработке месторождений полезных ископаемых; отстаивать интересы жителей региона, способствовать участию недропользователей в социально-экономическом развитии региона; участвовать в соглашениях о разделе продукции при пользовании участками недр, а также в определениях условий пользования месторождениями полезных ископаемых.

Наиболее активную позицию при рассмотрении проекта нового Закона занимает ряд зависимых от добычи минерального сырья регионов. Так, Президент Республики Татарстан М. Шаймиев, комментируя содержание иницилируемого к принятию законопроекта, поясняет, что рассматриваемый законопроект не только не решает поставленных перед ним задач, но еще более ухудшает отношения в сфере недропользования, определенные действующим Законом «О недрах». Президент Татарстана отмечает, что законопроект не только не стимулирует воспроизводство минерально-сырьевой базы, но делает невыгодным для недропользователя геологоразведочные работы. Законопроект, по его мнению, «не обеспечивает освоение маргинальных нефтяных месторождений с трудноизвлекаемыми запасами, доля которых в России составляет уже более 55% к общим разведанным запасам, продление на десятки и даже сотни лет жизни истощенных месторождений при широком внедрении методов увеличения нефтеотдачи, повышение нефтеизвлечения на поздней стадии разработки, могущее обеспечить

не менее четверти ежегодного прироста запасов. Причина – отсутствие дифференцированной ставки НДС в зависимости от горно-геологических условий и истощенности месторождений» [4]. В области платежей за пользование недрами и налогообложения, считает М. Шаймиев, следовало бы сформулировать основные принципы установления ставок разовых и регулярных платежей, дифференциации налога на добычу полезных ископаемых, формирования специальных налоговых режимов при недропользовании, для воспроизводства минерально-сырьевой базы и поддержания на необходимом уровне геологической службы страны [4].

Второй спорный узел проекта закона – отказ от проведения конкурсов на право пользования недрами и переход к аукционам. Это, как считает Правительство РФ, также увеличит объемы поступления разовых платежей за счет превышения размера конечного платежа над стартовым. Закон предполагает отменить конкурсы на право разработки месторождений и полностью заменить их аукционами. Существует мнение, что такая практика приведет к монополизации освоения недр крупными финансово-промышленными группами, что создает преграды малому предпринимательству.

Подкомитет по налоговому законодательству Комитета Государственной Думы РФ по бюджету и налогам предлагает ввести двухступенчатую схему предоставления права пользования недрами, объединив аукционную и конкурсную формы. На региональном уровне предполагается проводить конкурс, на федеральном – аукцион. Для прошедших успешно конкурс появляется возможность принять участие в аукционе. Уточнению также подлежат вопросы, связанные с платежами в сфере недропользования.

Одно из основных отличий новой редакции – ужесточение требований к недропользователям. Значительно сужается круг компаний, которые могут быть допущены к разработке недр. Это сделано через введение нормы о «стратегически важных для России месторождениях». По сообщению министра природных ресурсов Юрия Трутнева, МПР России разработало критерии отнесения месторождений полезных ископаемых к разряду стратегически важных. Это месторождения урановых руд, алмазов, особо чистого кварца и редкоземельных металлов иттриевой группы, а также нефти с запасами более 150 млн т газа – более 1 трлн куб. м и меди – свыше 10 млн тонн. Право на разработку таких месторождений будет даваться по особым условиям [5].

Практически отстраняются от добычи полезных ископаемых иностранные компании. Им будет запрещено участвовать в разработке стратегических участков недр, им не дадут доступа к месторождениям, рядом с оборонными объектами, а в нефтегазовой сфере разрешат работать только тем компаниям, в которых иностранному капиталу принадлежит не более 49% акций.

Законопроект, внесенный Правительством РФ, предусматривает переход на гражданско-правовые отношения в недропользовании вместо нынешнего администрирования. Это обстоятельство можно расценить положительно, поскольку государство сможет активнее отстаивать свои интересы. Сейчас при предоставлении компании участка недр для разработки очень трудно законодательно закрепить обязательность выполнения условий лицензионного соглаше-

ния. В договоре же все условия будут прописаны заранее: сроки разработки месторождения, размеры выплат, процент выработки месторождения (полнота выемки запасов). В случае невыполнения обязательств добывающую компанию ждет суд и расторжение договора.

По мнению разработчиков законопроекта, польза для государства обернется пользой для бизнеса. В действующем сейчас Законе нет четкости. Например, причиной отзыва лицензии могут являться существенные нарушения условий лицензионного соглашения. Однако критерии отнесения действий либо бездействий природопользователя к существенным нарушениям лицензионного соглашения в действующем Законе не регламентированы, решение по данному вопросу принимается должностным лицом компетентного органа. В предлагаемом законопроекте устранены выявленные в процессе применения действующего Закона недостатки в отношении ограничения полномочий компетентных органов, что сделает бизнес более защищенным.

В действующем Законе нет такого понятия, как лицензионный договор, и в выдаваемой недропользователю лицензии никак не оговариваются действия сторон в случае возникновения конфликтов и споров. Ни Законом, ни лицензионным соглашением не предусмотрено даже способов воздействия на разработчика недр. Теперь же в случае принятия законопроекта право на разработку недр будет передаваться по договору, в котором оговариваются условия государства, исполняя которые недропользователь сможет вести свою деятельность. Такой договор станет более чем реальным средством отстаивания государством своих интересов. При этом компаниям, которые уже располагают лицензиями на право разработки конкретных участков недр, заключать договор не придется. Все права пользования участками недр, возникшие до вступления его в силу и осуществляющиеся в соответствии с лицензиями на пользование недрами, сохраняются в полном объеме. Лицензии действительны на весь срок, недропользователям не надо бояться перерегистрации и их отбора.

Новая редакция закона получилась схожей с законодательством, действующим в США: там недропользование также ведется на основе заключения договорных соглашений. Единственное, чем наш закон будет отличаться от законов всех стран в этой сфере, – гипертрофированно большая роль федерального центра в распределении ресурсов. Курс государства на отстранение регионов от решения глобальных задач продолжается. В итоге, как следует из анализа законопроекта, при подготовке проекта закона была допущена стратегическая ошибка – не была создана его концепция, которая должна определять смысл и суть Закона.

Концепция предлагаемого проекта закона должна включать следующее: во-первых, Закон должен определять исследование недр как предмет государственной политики с полноценным и всесторонним финансированием. Во-вторых, при подготовке проекта Закона необходимо исходить из обеспечения соображений экономической безопасности страны. В-третьих, он должен вобрать в себя лучший отечественный и зарубежный опыт эксплуатации недр с учетом новейших технологий и экологической защиты. Законопроект должен сформировать и обозначить экономически значимые условия, которые бы обеспечили государственную целесообразность изъятия минерального сырья и заин-

тересованность при этом организаций различных форм собственности. В-четвертых, в законопроекте необходимо было отразить отношение к вопросам, которые беспокоят бизнес: законодательно гарантировать недропользователю право на разработку месторождений, открытых на условиях риска; ввести конкурсную форму выдачи лицензий на геологическое изучение недр; ввести дифференцированную плату за добычу полезных ископаемых в зависимости от горно-геологических условий и обеспечить правила передачи прав на недропользование, создав условия для развития вторичного рынка лицензий. Более того, целесообразно изложить принимаемый законопроект таким образом, чтобы наметить пути к дальнейшей разработке Горного кодекса, который бы вообрал в себя всю специфику горного производства от исследования недр до выдачи конечной продукции.

Очевидно, что многочисленные неудачные попытки разработать новый Федеральный закон «О недрах», частая смена разработчиков новой редакции в лице федеральных органов исполнительной власти, десяток альтернативных версий законопроекта, неоднократные слушания в Государственной Думе РФ связаны с отсутствием согласованной концепции. Сегодня в стране нет разумного баланса интересов и потребностей государства и недропользователей, взвешенных возможностей минерально-сырьевой базы в добыче и экспортных поставках. Все перечисленные проблемы воспроизводства сырьевой базы проект закона либо игнорирует, либо описывает весьма декларативно, что делает его практически не работающим.

Низкая эффективность практики применения действующего Закона «О недрах» во многом обусловлена нормами отсылочного характера, предусматривающими выработку соответствующих механизмов на уровне подзаконных актов. В рассматриваемом законопроекте указанная ошибка не только не исправляется, но и углубляется. Более правильным было бы изначально, в нормативном акте на федеральном уровне, максимально конкретно и последовательно изложить не только сформированную концепцию, но и последовательные шаги, необходимые для ее реализации.

В настоящее время многочисленные законодательные инициативы в отношении принятия нового Закона «О недрах» не увенчались успехом. Вопрос разработки и принятия закона, адекватного современной российской потребности, затрагивающий публичные интересы в сфере обеспечения общества природными ресурсами, является вновь особенно актуальным.

Библиографический список

1. Закон РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 (в ред. от 1 декабря 2007 г.) «О недрах» [Текст] // СЗ РФ. – 1995. – № 10. – Ст. 823.
2. Александров, А. Ключ без права передачи [Текст] / А. Александров // Российские вести. – 2006. – 16–26 окт.
3. Конституция РФ [Текст]. – М., 1994.
4. Козловский, Е. Новый законопроект «О недрах» сквозь призму общенациональных интересов [Текст] / Е. Козловский, В. Литвиненко // Промышленные ведомости. – 2005. – № 8.
5. Чернобылец, А. Кладовые на замке [Текст] / А. Чернобылец, О. Шадрин // Эксперт Сибирь. – 2006. – № 4 (101).

УДК 339.7(100)
ББК 65.268

Е.В. Выскубова,

*соискатель кафедры теории государства и права
Саратовского юридического института МВД России*

ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ВАЛЮТНОЙ СИСТЕМЫ

В экономических отношениях между странами национальные денежные единицы выполняют роль мировых денег. Деньги, используемые в международных расчетах, принято называть валютой. Следовательно, валюта – это не какой-то новый тип денег, а особый способ их функционирования, связанный с осуществлением сделок международного характера. Международные сделки предполагают сопоставление, сравнение различных национальных валют по их покупательной способности. Такое сопоставление осуществляется с помощью валютного курса, то есть цены одной валюты, выраженной в валютах других стран.

Фиксирование курса национальной денежной единицы по отношению к иностранным денежным единицам принято называть валютной котировкой. Существуют два метода установления котировки валют: прямая котировка и обратная (косвенная). Наиболее распространенной является прямая котировка, при которой курс единицы иностранной валюты выражается в национальной валюте. При обратной, или косвенной, котировке за основу принимается единица национальной валюты, курс которой выражается в определенном количестве иностранной валюты [1, с. 50]. В том случае, когда валюты двух стран либо не обмениваются друг на друга, либо этот обмен совершается в незначительных масштабах, применяется так называемый кросс-курс. Кросс-курс выводится расчетным путем с помощью валюты третьей страны, которая широко используется в валютных операциях (обычно доллар США) и представляет собой соотношение между двумя валютами, вытекающее из их курса по отношению к третьей валюте.

Для более полного представления об изменении реальной стоимости национальной валюты используют определение среднего курса национальной валюты по отношению к целому набору валют (корзине валют). Курс корзины, как правило, гораздо более стабилен, чем курс любой отдельной валюты, входящей в нее.

Две альтернативные позиции государства в отношении режима установления валютного курса сводятся к следующему:

1) государство жестко фиксирует обменный курс национальной валюты на определенном уровне, беря на себя обязательства по поддержанию ее стабильности;

2) государство позволяет валютному курсу свободно колебаться под влиянием спроса и предложения. В этом случае налицо гибкий валютный курс или, как его еще называют, плавающий курс (floating rates) [2, с. 287].

На практике две указанные крайности редко встречаются в чистом виде.

Современная мировая денежная система базируется на плавающих курсах. Международный валютный фонд в зависимости от сделанного выбора классифицирует страны на три категории:

1) страны, валюты которых привязаны к одной или ряду валют;

2) страны, валюты которых ограничено гибки в отношении одной или ряда валют;

3) страны, валюты которых характеризуются повышенной гибкостью.

Режим регулирования валютных сделок, установленный в той или иной стране, определяет конвертируемость валюты. Валюта считается свободно конвертируемой в условиях отсутствия законодательных ограничений на совершение валютных сделок по любым видам операций. Частично конвертируемыми считаются валюты тех стран, где существуют количественные ограничения либо специальные разрешительные процедуры по отдельным видам операций или для некоторых участников валютных сделок. Наконец, существуют неконвертируемые, или замкнутые, национальные денежные единицы. Неконвертируемость денежной единицы связана с законодательным запретом на осуществление большинства видов валютных операций [3, с. 24].

Конвертируемость валюты имеет две стороны: внешнюю и внутреннюю. Внешняя, или, как ее еще называют, нерезидентская, конвертируемость, которой обладают валюты большинства стран современного мира, означает, что все лица и фирмы, не являющиеся резидентами данной страны, в любое время могут беспрепятственно обменять свои вклады в национальной валюте на валюту любой страны. Внутренняя конвертируемость предполагает свободный обмен национальной валюты на иностранную на внутреннем валютном рынке по сложившемуся там обменному курсу. Сочетание двух названных сторон позволяет говорить о полной конвертируемости (full convertibility) той или иной национальной валюты.

При полной конвертируемости правительство разрешает свободный обмен национальной валюты на любую иностранную как резидентам, так и нерезидентам. Требования, предъявляемые к полностью конвертируемым валютам, зафиксированы в статье VIII Устава Международного валютного фонда [3, с. 26]. Полностью конвертируемые валюты иногда называют твердыми валютами (hard currencies), так как они отличаются большей устойчивостью и стабильностью по сравнению с другими валютами. Именно эти черты превращают твердые валюты в привлекательное средство накопления и сохранения активов.

В числе самих твердых валют особое место до недавнего времени занимал доллар США. Поскольку большинство сделок на международном валютном рынке осуществлялось либо в долларах, либо при посредстве доллара, эта валюта имела статус базовой валюты (base currency) для международных сделок. Однако на современном этапе развития мировой валютной системы место доллара все чаще занимает европейская валюта – евро [4, с. 52].

Формируя национальную валютную систему на рыночных условиях, Россия встала на путь обеспечения внутренней конвертируемости рубля. Это означало, во-первых, свободный обмен рублем на иностранную валюту; во-вторых, право собственности, владения и распоряжения валютой для резидентов; в-третьих, возможность осуществления резидентами обмена валют по рыночным курсам на национальном валютном рынке. При этом механизм регулирования валютных операций резидентов на территории России характеризуется установлением ряда жестких валютных ограничений, призванных сократить спрос на иностранную валюту. Фактически российский рубль является частично конвертируемой валютой при наличии ряда валютных ограничений. Уже только по этой причине Россия не может быть полноправным участником мирового валютного рынка.

Обменный курс каждой национальной валюты было бы ошибочно рассматривать как единственно возможное количественное соотношение к ряду иностранных валют, в каждый данный момент он имеет множество разновидностей. Наличие таких разновидностей обменного курса связано с сегментацией валютного рынка и особенностями операций, совершаемых на нем.

Совокупность отношений, возникающих между домохозяйствами, фирмами, коммерческими банками и другими финансовыми учреждениями по поводу международных сделок с валютами, образует мировой валютный рынок. Институционально мировой валютный рынок представлен банками, валютными биржами, многонациональными корпорациями, пенсионными фондами, брокерскими конторами и другими финансовыми учреждениями, расположенными во всех частях света. Торговля валютой осуществляется в мировых финансовых центрах, среди которых самыми крупными являются рынки Лондона, Нью-Йорка, Токио, Франкфурта-на-Майне и Сингапура [3].

Современные средства связи и телекоммуникаций связывают мировые финансовые центры в единое целое. Любая новость, способная повлиять на валютный курс, мгновенно распространяется по всему миру, давая толчок бурной деятельности рыночных агентов. Важнейшими экономическими агентами этого рынка являются коммерческие банки, государственные финансовые учреждения, многонациональные корпорации и небанковские финансовые учреждения.

По объему валютный рынок является самым крупным среди всех других существующих рынков. Торговля валютой в десятки раз превышает объемы всей мировой торговли товарами и услугами. Следовательно, большая часть валютных операций не связана с обслуживанием международной торговли, а представляет собой финансовые трансферты и спекулятивные сделки.

Развитие мирового валютного рынка характеризуется усилением интернационализации связей, расширением спектра предоставляемых услуг, непрерывностью осуществления операций в течение суток, возрастающими масштабами спекулятивных сделок и арбитражных операций. Валютный рынок подразделяется на ряд сегментов. Прежде всего это рынок обмена наличной валюты, где происходит торговля банкнотами, эмитируемыми Центральными банками различных стран. Операции с наличной валютой составляют очень малую долю оборотов валютного рынка в целом, однако именно этот сегмент валютного

рынка, с которым имеют дело обычные люди в своей повседневной жизни. При прямой котировке валют цена продажи валюты здесь превышает цену покупки. Разница между этими ценами образует так называемый спрэд (spread).

Наиболее крупным сегментом валютного рынка (до 65% всего оборота валюты) является рынок спот (spot foreign exchange market), или рынок немедленной поставки валюты, где операции по обмену валюты совершаются в форме отрывных чеков по банковским счетам в различных валютах. Срок поставки валюты по банковскому чеку с пометкой «немедленно» составляет обычно 1–2 дня [2, с. 291]. На рынке спот банки и брокеры всех стран мира коллективно формируют обменные курсы валют, которые являются базовыми для валютного рынка в целом.

Параллельно с рынком спот функционирует срочный валютный рынок. Необходимость такого рынка вызвана тем, что 1–2-дневный срок поставки валюты на рынке спот оказывается слишком коротким для многих международных сделок. На этом рынке осуществляются различные сделки, которые объединяют более продолжительные сроки поставки валюты – от трех дней до нескольких лет. Курс срочного рынка валюты, как правило, не совпадает с курсом спот, что объясняется международными различиями в уровнях процентных ставок. Срочный валютный рынок, будучи в несколько раз меньшим по объему совершенных операций, чем рынок спот, делится в свою очередь на несколько секторов в зависимости от специфики заключаемых сделок.

Важным инструментом теории валютных курсов является платежный баланс, поскольку его статья содержит перечень всех факторов, лежащих в основе спроса и предложения национальной валюты. Именно с этих позиций платежный баланс и будет предметом нашего рассмотрения.

В платежном балансе находит отражение вся совокупность международных экономических отношений данной страны с мировым сообществом. Платежный баланс представляет собой статистическую запись итога операций между резидентами данной страны и остального мира за определенный период (обычно квартал или год). Он дает количественную и качественную характеристику внешнеэкономической деятельности страны, ее участия в мировом хозяйстве. В ходе составления платежного баланса многочисленное количество международных сделок, совершаемых самыми разными экономическими агентами, определенным образом классифицируется и сводится воедино в отдельные статьи. Следовательно, платежный баланс отражает не индивидуальные, а агрегированные международные сделки.

В платежном балансе принято выделять счет текущих операций, на котором отражаются международные сделки по перемещению реальных материальных ценностей. Здесь учитываются внешнеэкономические операции с товарами. Соотношение экспорта и импорта товаров определяет состояние товарного торгового баланса страны. Параллельно с движением товаров происходит международная торговля услугами. Баланс услуг отражает соотношение платежей и выплат по транспортным перевозкам людей и грузов, телекоммуникационным услугам, страхованию, туризму, передаче технологий, рекламе, ярмаркам. В балансе текущих операций учитываются также оплата труда, субсидии иностран-

ным государствам по линии экономической помощи, взносы в международные организации.

Платежный баланс учитывает куплю-продажу активов, в какой бы конкретной форме они ни существовали. Речь идет о соотношении импорта и экспорта государственного и частного капитала: прямых и портфельных инвестициях, долгосрочном и краткосрочном международном кредите. Общий итог сделок такого рода отражает баланс по счету капитала. Особое место в числе сделок, проходящих по счету капитала, занимают покупка и продажа официальных резервов Центрального банка, состоящих из запасов золота, долларов США и иных иностранных финансовых активов. Официальные резервные активы предназначены для поддержания макроэкономической стабильности. Покупая или продавая резервы, Центральный банк оказывает непосредственное воздействие на объем денежной массы.

Методика составления платежного баланса непрерывно совершенствуется. Однако это не исключает наличия ошибок и пропусков (errors and omissions). С 1976 г. этот термин был официально заменен другим – статистическая погрешность (statistical discrepancy), и с тех пор он образует самостоятельную статью платежного баланса [2]. Статистическая погрешность возникает в силу ряда обстоятельств. Среди них прежде всего можно назвать разрыв во времени между совершением сделки и поступлением платежа. Так, при международной торговле сделка регистрируется на дату пересечения товаром таможенной границы государства, однако оплата за поставленный товар часто осуществляется позднее и не попадает в отчет за данный период. Другая причина возникновения статистических погрешностей состоит в том, что отдельные позиции можно оценить весьма приблизительно. Например, расходы туристов за рубежом определяются на основе социологических опросов ограниченного числа лиц, затем полученная сумма средних расходов перемножается на общее число туристов. Ошибки и пропуски часто возникают при движении краткосрочных капиталов, обнаружении контрабанды и нелегального оттока капитала.

Совокупность сделок, учитываемых в платежном балансе, оказывает влияние на соотношение спроса и предложения валюты на валютном рынке. Статьи баланса по счету текущих операций, отражающие национальный экспорт и импорт, определяют конфигурацию, местоположение и наклон кривых спроса и предложения валюты. Имея в виду эту особенность, отметим, что кривая предложения валюты выводится из спроса на импорт в стране. Данное утверждение справедливо при оплате импортных поставок как в иностранной, так и в отечественной валюте.

Однако реальное движение цен и валютных курсов не всегда совершается в соответствии с паритетом покупательной способности. На протяжении всего XX века многие экономисты неоднократно предпринимали попытки тестирования паритета покупательной способности. Общий итог тестирования можно сформулировать следующим образом: паритет покупательной способности в целом плохо объясняет факты, существуют серьезные расхождения в динамике цен и валютных курсов от их значений, вытекающих из паритета покупательной способности. Этот вывод сохраняет свою силу даже с учетом того, как

показали проверки, паритет покупательной способности лучше подтверждается фактами на длинных временных интервалах, чем на коротких. Он более точен при гибких валютных курсах, чем при фиксированных. Его значения в большей степени соответствуют действительности в отношении таких товаров, по которым многонациональные компании, обладающие монопольной властью, не проводят политику ценовой дискриминации. Хотя эмпирические данные плохо подтверждают паритет покупательной способности, он продолжает оставаться ключевым элементом познания динамики валютных курсов, построения реалистичных моделей его определения.

Библиографический список

1. Деньги, кредит, банки [Текст] / под ред. О. И. Лаврушина. – М., 1998.
2. Овчинников, Г. П. Экономика [Текст] / Г. П. Овчинников. – СПб., 2002.
3. Банковское дело [Текст] / отв. ред. А. А. Травкин. – М., 2006.
4. Пищик, В. Роль евро в трансформации международной валютной системы [Текст] / В. Пищик // Рынок ценных бумаг. – 2000. – № 19.

УДК 347.73
ББК 67.402я73

О.А. Таренкова,

*преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Самарского филиала
Московского городского педагогического университета*

СУБЪЕКТЫ ВАЛЮТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ И СУБЪЕКТЫ ВАЛЮТНОГО ПРАВА: ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В динамично развивающемся современном обществе постоянно возникают вновь созданные отношения, впоследствии регулируемые правом. Экономическое развитие Российской Федерации не может обойтись без движения валюты, как национальной, так и иностранной, в связи с чем появляется новый вид правоотношений – валютный. Несомненно, вопрос о субъектах данных отношений является ключевым, так как только при четком определении таковых можно говорить о законности либо противозаконности действий определенных лиц.

Понятие «субъект права» достаточно детально разработано в теории государства и права. Многие российские правоведы-теоретики в своих трудах раскрывали его смысл. Так, С.Ф. Кечекьян указывал, что под «субъектом права следует понимать: а) лицо, участвующее или б) могущее участвовать в правоотношении» [1, с. 84], причем правоотношение рассматривается как особый вид

осознанных, волевых отношений, ибо, прежде чем ему сложиться в качестве правового, оно должно пройти не просто через волю отдельных лиц, хотя в большинстве случаев и это имеет место, но непременно через государственную волю общества и быть предусмотренным в норме права [2, с. 76]. Фактически та же мысль, что и у С.Ф. Кечекьяна, высказывается в работах Р.О. Халфиной и других авторов [3, с. 16; 4, с. 31, 114–115; 5, с. 20]. Легко заметить, что названные авторы не проводят принципиального различия между понятиями «субъект права» и «субъект правоотношения», под которыми понимаются конкретные организации, органы, физические лица, выступающие в качестве носителей субъективных прав и обязанностей. Представляется, что с данной позицией нельзя согласиться, поскольку понятие «субъект права» выражает правовую абстракцию. Как верно подчеркивает В.С. Нерсесянц, «не следует смешивать абстрактного субъекта объективного права (абстрактного участника правоотношения) и конкретного, индивидуально определенного субъекта права (участника конкретного правоотношения)» [6, с. 504–505; 7, с. 23–24].

Таким образом, под субъектом права целесообразно понимать абстрактное лицо, предусмотренное правовыми нормами и наделенное определенным объемом абстрактных юридических прав и обязанностей. В свою очередь, под субъектом правоотношений, думается, следует понимать конкретного участника правоотношения, имеющего определенные полномочия в конкретной деятельности, вступающего в прямые взаимоотношения с органами государственной власти и местного самоуправления. При этом не исключается и то обстоятельство, что правоотношения могут складываться не только с органами государственной власти и местного самоуправления, но и с иными субъектами права (физическими и юридическими лицами), однако это не будет являться категорией финансово-правовых отношений, а будет относиться к гражданско-правовым отношениям.

В частности, В.С. Нерсесянц определяет субъекты права как «лица или организации, за которыми признано законом особое юридическое свойство (качество) правосубъектности, дающее возможность участвовать в различных правоотношениях с другими лицами и организациями» [8, с. 126]. В общей теории права правосубъектность понимается как возможность (способность) выступать в качестве субъекта прав и обязанностей [9, с. 373; 10, с. 549]. Впрочем, указанное определение, полагаем, сути правосубъектности не раскрывает. Более точной представляется мысль о том, что правосубъектность свидетельствует о наличии правовой способности [11, с. 115]. Следовательно, ключевым аспектом в обозначении субъектного состава конкретной отрасли права является понятие правосубъектности, которое, в свою очередь, включает в себя понятия правоспособности и дееспособности. Причем, как верно отметила М.В. Карасева, субъект финансового права в самом общем виде должен обладать качеством именно финансовой правосубъектности, которое дает ему возможность быть субъектом финансового правоотношения [12, с. 85] и которое в то же время включает в себя понятие правоспособности и дееспособности.

Правоспособность – это возможность физических лиц и организаций иметь права и обязанности, предусмотренные законом. Иными словами, правоспособность – это «потенциал» субъекта, необходимое условие для того, чтобы он

реально мог вступать в конкретные правоотношения. Таким образом, в понятии правоспособности сущность заключается не в «праве», а в «способности» [13, с. 23].

Другой элемент правосубъектности – дееспособность – часто определяется как возможность своими действиями приобретать права и нести юридические обязанности. Такая способность впервые в нашем законодательстве предусмотрена п. 1 ст. 21 Гражданского кодекса РФ [14]. В данном случае законодатель принял во внимание предложение, которое было обосновано в трудах ученых-цивилистов, доказавших, что если за гражданином признается способность приобретать права и создавать для себя обязанности, то за ним нельзя не признать способность своими действиями осуществлять права и исполнять обязанности [15, с. 11].

Однако, переходя от рассмотрения понятия субъектов права вообще к характеристике субъектов валютного права, следует отметить, что специфика валютного законодательства состоит в следующем: общеправовые категории субъектов права не совсем подходят законодательным актам, регулирующим валютные правоотношения. Валютное законодательство, в частности ранее действовавший Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3615-1 (с изм. от 10 декабря 2003 г.) «О валютном регулировании и валютном контроле» [16] и действующий в настоящее время Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ (с изм. от 30 октября 2007 г.) «О валютном регулировании и валютном контроле» [17] (далее – Валютный закон), используют категории субъектов, неизвестные гражданскому праву в целом, а именно: «резиденты» и «нерезиденты».

По российскому валютному законодательству резидентам можно подразделить на физические и юридические лица, публично-правовые образования и официальные представительства Российской Федерации за рубежом (п. 6 ч. 1 ст. 1 Валютного закона). К физическим лицам относятся: граждане Российской Федерации, за исключением лиц, признаваемых постоянно проживающими в иностранном государстве в соответствии с законодательством этого государства, а также постоянно проживающие в Российской Федерации на основании вида на жительство, предусмотренного законодательством Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства. К юридическим лицам относятся созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации юридические лица, а также находящиеся за пределами территории Российской Федерации филиалы, представительства и иные подразделения юридических лиц – резидентов. Публично-правовыми образованиями являются: Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования. Официальными представительствами России за рубежом являются: дипломатические представительства, консульские учреждения Российской Федерации и иные официальные представительства Российской Федерации, находящиеся за рубежом, а также постоянные представительства Российской Федерации при межгосударственных или межправительственных организациях.

К нерезидентам относятся все иные лица, не отнесенные Валютным законом к категории резидентов. Следовательно, филиалы и представительства юридических лиц, в том числе иностранных банков, признаются нерезидентами.

Между тем, полагаем, данный подход можно назвать достаточно узким, поскольку филиалы и представительства юридических лиц в России создаются не только по воле самих юридических лиц. Они регистрируются и лицензируются, а их деятельность контролируется уполномоченными государственными органами в соответствии с законодательством двух государств: государства, в котором учреждено юридическое лицо, и государства, на территории которого учрежден и действует его филиал или представительство. В России такими законодательными актами являются Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» [18], Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [19], Федеральный закон «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» [20], Налоговый кодекс РФ [21]. Следовательно, необходимо учитывать все особенности, присущие филиалам и представительствам юридических лиц на территории иностранного государства.

Так, сохранение за филиалами иностранных банков в России статуса нерезидента содержит ряд системных противоречий: во-первых, федеральное законодательство не устанавливает, что в России может существовать несколько различных «видов» резидентов и нерезидентов, в зависимости от того, каким законом регулируются правовые отношения; во-вторых, это означало бы, что, приобретая право на осуществление в России банковских операций, нерезиденты одновременно приобретают статус уполномоченного банка и статус агента валютного контроля [22]. Им предоставляются контрольные функции в отношении любых российских резидентов, являющихся их клиентами. Следовательно, при изложенных обстоятельствах используемый в действующем законодательстве подход к определению статуса филиалов иностранных банков как нерезидентов представляется не вполне корректным, не соответствующим их реальному правовому положению и реальным общественным отношениям, участниками которых такие филиалы фактически и юридически являются.

Валютным законом (п. 6 ч. 1 ст. 1) к резидентам отнесены шесть категорий лиц. В отличие от ранее действовавшего Закона РФ «О валютном регулировании и валютном контроле», в ныне действующем Валютном законе, во-первых, не указана такая категория лиц, признаваемых резидентами, как предприятия и организации, не являющиеся юридическими лицами, созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации, с местонахождением в Российской Федерации, и, во-вторых, добавлена такая категория лиц, признаваемых резидентами, как Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования, что более соответствует финансовому законодательству Российской Федерации. Очевидно, что указанные публично-правовые образования являются участниками валютных операций, и включение их в состав резидентов устраняет серьезный пробел, имевшийся в ранее действовавшем Законе РФ «О валютном регулировании и валютном контроле».

Кроме того, в действующем Валютном законе более точно сформулировано определение круга физических лиц, признаваемых резидентами: согласно ранее действовавшему Закону резидентами считались физические лица, имеющие постоянное место жительства в Российской Федерации, в том числе временно находящиеся за пределами Российской Федерации. При этом в Законе РФ «О

валютном регулировании и валютном контроле» понятие «постоянное место жительства» не раскрывалось, а это, в свою очередь, приводило к тому, что многие авторы в своих работах пытались самостоятельно сформулировать критерии, по которым место жительства на территории Российской Федерации считалось бы постоянным или нет.

Таким образом, в ранее действовавшем Законе РФ «О валютном регулировании и валютном контроле» отнесение физического лица к резиденту или нерезиденту было поставлено в зависимость от постоянного места жительства лица, однако само понятие «постоянное место жительства» в Законе не раскрывалось. В новом Валютном законе более четко устанавливаются критерии, по которым физические лица считаются резидентами или нерезидентами Российской Федерации именно с позиций валютного права. Так, к резидентам – физическим лицам относятся, во-первых, все граждане Российской Федерации, а во-вторых, иностранные граждане и лица без гражданства, имеющие постоянное место жительства в Российской Федерации на основании вида на жительство или иного документа, предусмотренного законодательством Российской Федерации; к нерезидентам – все остальные физические лица.

Из изложенного можно сделать вывод, что указанные субъекты валютного права (резиденты и нерезиденты), вступая в конкретные валютные правоотношения, преобразуются в субъектов валютных правоотношений. Следовательно, субъект валютного правоотношения есть реальный участник (резидент или нерезидент) валютного правоотношения, а субъект валютного права – обладатель специальной правосубъектности.

Библиографический список

1. Кечекьян, С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе [Текст] / С. Ф. Кечекьян. – М., 1958.
2. Байтин, М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) [Текст] / М. И. Байтин. – Саратов, 2002.
3. Чечот, Д. М. Субъективное право и формы его защиты [Текст] / Д. М. Чечот. – Л., 1968.
4. Халфина, Р. О. Общее учение о правоотношении [Текст] / Р. О. Халфина. – М., 1974.
5. Маркелов, Ф. В. Теоретические проблемы ответственности за нарушения бюджетного законодательства (финансово-правовой аспект) [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ф. В. Маркелов. – Саратов, 2006.
6. Общая теория права и государства [Текст] : учебник / под ред. В. С. Нерсесянца. – М., 1999.
7. Бехер, В. В. Процессуальные правоотношения в сфере казначейского исполнения бюджета [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Бехер. – Саратов, 2007.
8. Проблемы общей теории права и государства [Текст] : учебник для вузов / под ред. В. С. Нерсесянца. – М., 2002.
9. Халфина, Р. О. Общее учение о правоотношении [Текст] / Р. О. Халфина. – М., 1974.
10. Поляков, А. В. Общая теория права [Текст] : курс лекций / А. В. Поляков. – СПб., 1997.
11. Витрук, Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе [Текст] / Н. В. Витрук. – М., 1979.
12. Карасева, М. В. Финансовое право: Общая часть [Текст] : учебник / М. В. Карасева. – М., 2000.
13. Красавчиков, О. А. Социальное содержание правоспособности граждан [Текст] / О. А. Красавчиков // Правоведение. – 1960. – № 1.

14. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 6 декабря 2007 г.) [Текст] // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

15. *Грибанов, В. П.* Основные проблемы осуществления и защиты гражданских прав [Текст] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. П. Грибанов. – М., 1970.

16. Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3615-1 (в ред. от 10 декабря 2003 г.) «О валютном регулировании и валютном контроле» [Текст] // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 45. – Ст. 2542.

17. Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ (в ред. от 30 октября 2007 г.) «О валютном регулировании и валютном контроле» [Текст] // СЗ РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4859.

18. Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 (в ред. от 3 марта 2008 г.) «О банках и банковской деятельности» [Текст] // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1990. – № 27. – Ст. 357.

19. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (в ред. от 26 апреля 2007 г.) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [Текст] // СЗ РФ. – 2002. – № 28. – Ст. 2790.

20. Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ (в ред. от 26 июня 2007 г.) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. – 1999. – № 29. – Ст. 3697.

21. Налоговый кодекс РФ (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 17 мая 2007 г.) [Текст] // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

22. *Гейвандов, Я. А.* Социальные и правовые основы банковской системы Российской Федерации [Текст] / Я. А. Гейвандов. – М., 2003.

УДК 340.12
ББК 67.1 (2)5

В.О. Басов,

*ст. преподаватель кафедры гражданского права
Астраханского государственного университета*

ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ В КОНЦЕПЦИЯХ АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМА М.А. БАКУНИНА И АНАРХО-КОММУНИЗМА П.А. КРОПОТКИНА

В отечественной литературе по общей теории права высказываются различные точки зрения на характер взаимосвязи нормы права и правоотношения, свободы воли и правового ограничения. Некоторые ученые считают, что норма права и правоотношение – это самостоятельные формы существования права; согласно другой точке зрения правоотношения выступают средством регулирования общественных отношений. По мнению большинства ученых, правоотношение есть результат воздействия юридической нормы, где правовая норма и правоотношение соотносятся как причина и следствие [1, с. 179].

Теоретики классического российского анархизма при моделировании правоотношений в анархическом обществе придерживались мнения, сходного с позицией большинства юристов-теоретиков.

М.А. Бакунин строил свою систему общественных отношений на принципах анархо-синдикализма, где свобода, равенство и братство тесно сочетались с культурами природы, человеческого разума и совести [2, с. 302]. Объективный анализ его работ показывает, что на формирование представлений о нравственных основах правоотношений в анархическом обществе существенное влияние оказало христианство, заслугой которого, по мнению М.А. Бакунина, была попытка перевести отношения между людьми из области материальной в область духовную, оторвав их от вопроса о частной собственности [3, с. 1105].

В рамках развития христианской доктрины произошло признание прав женщины, а также признание равенства всех людей перед Богом [3, с. 1139, 1140]. Идеологом же российского анархизма была выдвинута собственная идея равенства людей, характерной чертой которой было равенство прав субъектов правоотношений. В основу этой идеи был положен принцип равенства возможностей, гарантировавшийся ликвидацией наследственного права, ибо в «исходной точке» от рождения, то есть с момента возникновения правоспособности, каждый человек должен был иметь равные материальные возможности [4, с. 291].

М.А. Бакуниным в основу правоотношений анархо-синдикалистского общества были положены и другие нравственные категории, заимствованные из Нового Завета: любовь, терпимость, уважение, свобода и прочие [4, с. 687]. В то же время он пришел к категорическому отрицанию официальной религии как элемента государственной идеологии [5, с. 98–99] и допускал деятельность христианской церкви как субъекта правоотношений только в качестве равноправного члена религиозных сообществ [4, с. 278].

Отрицая сверхъестественный характер происхождения категорий добра и зла, М.А. Бакунин считал выражением нравственных начал будущего общества нормативный акт – революционный катехизис анархиста, где свобода представлялась единственной моралью, уважение к ней вменялось в обязанность, а любовь к человеку и служба ему определялись добродетелями [6, с. 93, 94], что стало составляющей субъективного права. Следовательно, бакунинская модель анархо-синдикалистского общества, демонстрировала определенную политическую систему, субъекты которой вступают между собой в правоотношения, имеющие самостоятельные признаки и структуру.

Следуя современным положениям правовой теории, можно сформулировать определенные замечания:

1. Участниками правоотношений в концепции М.А. Бакунина выступают различного рода ассоциации: организации, трудовые коллективы, коммуны, формальные и неформальные объединения, группы населения, объединяющиеся по социальному, религиозному, национальному, профессиональному либо иному свойству, что в определенной степени соответствует отдельным признакам современных юридических лиц [7, с. 226]. Данные ассоциации на какой-то отдельной территории могли объединяться в национальные федерации и конфедерации с сохранением за ними права свободного выхода из объединения. Эти объединения, в силу автономии и публично-правового характера деятельности, по своим характеристикам отдаленно напоминают различные формы

территориального устройства, которые, согласно проведенным исследованиям, обладают признаками государства [8, с. 66].

Вероятно, М.А. Бакунин, отрицая государство как таковое, сохранил в своей концепции некоторые элементы государственного управления, которые рано или поздно должны были привести к реставрации государства. Его последователи не смогли преодолеть данное противоречие и вынуждены были говорить о «переходном периоде», а затем признать за государством правосубъектность в политической системе анархического общества [9, с. 88, 99–101].

Участником правоотношений в концепции М.А. Бакунина могло быть и отдельное физическое лицо, которое пользовалось абсолютной свободой, при этом право выбора членства в ассоциации, а равно и право на создание своего собственного сообщества, оставалось за каждым человеком в отдельности. Учитывая стремление М.А. Бакунина разрушить брачно-семейные узы и вывести детей из-под опеки родителей, можно предположить, что наступление полной дееспособности субъекта связывалось с его самоутверждением, что свидетельствует о влиянии на формирование взглядов М.А. Бакунина идей основоположника теории анархо-индивидуализма М. Штирнера [10, с. 7–9].

2. Объектами правоотношений, с некоторой поправкой на полемику вокруг определения данного понятия [11, с. 652–655], в концепции М.А. Бакунина традиционно являлись имущественные и неимущественные отношения. Поводом к их возникновению могла быть только общественная или частная необходимость, отсутствие которой определяло прекращение отношений. Данные правоотношения, по мнению М.А. Бакунина, строились на основе норм права, но смысл этих отношений он понимал не как волю государства, а как нравственный императив, определенный естественными и общественными источниками [4, с. 276–305].

3. К предпосылкам правоотношений можно отнести природный инстинкт и моральный кодекс анархиста, согласно которым должна была осуществляться деятельность всех субъектов будущего общества. Таким образом, можно сделать вывод, что нравственные основы правоотношений в модели анархо-синдикалистского общества М.А. Бакунина строились на фундаменте морального кодекса анархиста. Данный документ, несмотря на автономию систем права отдельных ассоциаций, обладал чертами универсального правового акта, созданного М.А. Бакуниным в результате преобразования христианской нравственности.

Несколько иные акценты в рассматриваемой проблематике делались П.А. Кропоткиным, который строил систему общественных отношений на принципах анархо-коммунизма, где особое место занимала этика, раскрывающая новое содержание права как совокупности норм, регулирующих общественные отношения. В духе материалистических традиций своего времени П.А. Кропоткин усмотрел источник возникновения высших нравственных представлений о добре и зле не в Боге, а в самой природе, богатой различного рода примерами. Это свидетельствует о большом влиянии на формирование представлений теоретика анархизма концепций естествознания [12, с. 115, 137, 138], органической теории Г. Спенсера [13, с. 16–21] и теорий естественного права, отмеченных современными исследователями [14, с. 97].

П.А. Кропоткин не признавал юридического права как источника правоотношений по причине его тесной связи с государством и, как следствие, с несвободой, эксплуатацией и наказанием. Он видел основы правоотношений в праве естественном, природном, то есть в потребностях, в частности в условиях, необходимых для сохранения расы, которые ведут, в свою очередь, к осуществлению возможно большей суммы счастья для каждой отдельной особи. В связи с этим человек вынужден строить свои отношения с окружающими его людьми, с одной стороны руководствуясь правилом личной свободы, требующей признания его индивидуальности, а с другой – с учетом объективной реальности. В данном случае отчетливо проявляется влияние на взгляды П.А. Кропоткина идей, высказанных французским анархистом П.Ж. Прудоном [15, с. 24].

Правоотношения между субъектами в таком обществе должны были строиться на равенстве, справедливости, уважении свободы личности, при этом под принципом равенства П.А. Кропоткин понимал равенство субъектов в отношении друг к другу [16, с. 300, 301]. Подобное правило предполагало предоставление каждому человеку полной свободы действий, причем в их основе должен был лежать объективно позитивный, то есть полезный для общества, результат, который и определялся как добро. Мотив, цель, эмоции как субъективные характеристики волновали адепта анархизма в меньшей степени, различия между альтруизмом и эгоизмом для него меркли перед полнотой ощущения жизни [16, с. 314]. Если же деяние негативно сказывалось на обществе, то оно признавалось злом [16, с. 295].

В таком случае вставал вопрос о возмездии, но не в юридическом понимании действия принципа ответственности, а в понимании действия естественного закона природы. Именно совокупность естественных этических норм человеческого и природного мира представляет собой в концепции П.А. Кропоткина истинное право, на основе которого должны были строиться отношения между субъектами анархо-коммунистического общества.

Предложенная П.А. Кропоткиным модель общественных отношений, по нашему мнению, выглядела следующим образом:

1. К субъектам правоотношений он относил как физическое лицо – человека, так и различного рода сообщества: вольные общественные объединения, коммуны и союзы, обладающие признаками юридических лиц. Его мечтой было создание всеобщей мировой Социалистической Коммуны, построенной снизу вверх на федеративных основах по принципу сходства потребностей, причем группирование физических лиц в объединения, объединений в коммуны, а коммун в более крупные образования должно было, по его замыслу, строиться на горизонтальных и вертикальных связях по интересам, основанным на свободных договорах, независимо от территорий и границ [16, с. 403, 404], что является характерной особенностью такого субъекта правоотношений, как административно-территориальное образование.

2. Объектами правоотношений в концепции П.А. Кропоткина были материальные и нематериальные блага, связанные с деятельностью как всего социума, так отдельных групп и индивидов. Личные неимущественные объекты, такие,

как свобода, независимость, достоинство, подлежали более строгой правовой регламентации, чем имущественные. Что же касается правового регулирования материальных благ и хозяйственных связей, то предоставлялась полная свобода действия экономическим законам и договорным отношениям, где натуральное хозяйство и натуральный обмен играли бы решающую роль и должны были привести к искоренению пороков, присущих капиталистическому обществу [17, с. 357].

3. Общественные отношения в анархо-коммунистическом обществе, по замыслу П.А. Кропоткина, должны были регулироваться нормами естественного права, определяющимися как нравственными законами природы, так и нравственными инстинктами человека. К их числу можно отнести закон свободы выбора, закон солидарности и взаимопомощи, закон равенства отношений, закон полезности, закон неотвратимости возмездия. Согласно традиционным представлениям теории права об отраслевой дифференциации норм права по предмету правового регулирования [18, с. 35], мы можем усмотреть желание П.А. Кропоткина классифицировать общественные отношения по видам, а также увидеть в его концепции предпосылки к формированию отдельных отраслей права.

4. Субъекты анархо-коммунистического общества П.А. Кропоткина обладают взаимными субъективными правами и обязанностями. Субъективное право в его теории представляет собой меру возможного поведения, которая выражается в требовании индивида признания своего права, свободе действия и свободе его защиты, причем последняя позволяет поступать участнику общественных отношений со всеми окружающими согласно действующим нравственным принципам анархизма, равноценными их действиям способами, средствами и методами [16, с. 229]. Субъективная обязанность, как мера должного поведения, имеет более сложную структуру, где ее исполнение гарантируется сознательностью индивида, а воздержание от противоправных действий – мерами воспитания, образования и общественного порицания.

5. Предпосылками правоотношений в концепции П.А. Кропоткина являются психические, физические и физиологические составляющие: инстинкт, привычка, потребность, а также общественная полезность, обуславливающие возникновение действий, событий и состояний в человеческом обществе. Таким образом, на формирование нравственных основ правоотношений в концепции П.А. Кропоткина оказало влияние изучение закономерностей развития органического мира, где естественный закон приобретал форму торжества высшей справедливости.

Обобщая изложенное, следует отметить, что с точки зрения анархо-коммунизма П.А. Кропоткина нравственные основы правоотношений заложены в природе, инстинктах, условных и безусловных рефлексах, в то время как анархо-синдикализм М.А. Бакунина, не отрицая естественно-природного происхождения нравственности, придает ей правовое содержание в виде совокупности общеизвестных правил поведения, утвержденных моральным кодексом анархиста.

Отрицая государственное происхождение правовой нормы, регулирующей правоотношения, М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин по-разному понимали и

толковали принцип равенства субъектов в правоотношениях. Если М.А. Бакунин положил в основу своей концепции экономический принцип равенства возможностей, то П.А. Кропоткин отталкивался от этического принципа равенства во взаимных отношениях, где субъекты воздерживались от злонамеренных действий в силу действия естественного закона возмездия.

Наконец, приоритетным для анархо-коммунистической концепции П.А. Кропоткина явился общественно-полезный характер правоотношений, в то время как анархо-синдикализм М.А. Бакунина во главу угла ставит интерес отдельной личности, права и свободы которой провозглашаются высшей ценностью.

Библиографический список

1. Теория государства и права [Текст] / М. Б. Смоленский. – Ростов н/Д, 2005.
2. Бакунин, М. А. Избранные философские сочинения и письма [Текст] / М. А. Бакунин. – М., 1987.
3. Библия [Текст] / Московская патриархия. – М., 1983.
4. Бакунин, М. А. Анархия и порядок [Текст] / М. А. Бакунин. – М., 2000.
5. Бакунин, М. А. Философия, социология, политика [Текст] / М. А. Бакунин. – М., 1989.
6. Бакунин, М. А. Неизданные материалы и статьи [Текст] / М. А. Бакунин. – М., 1926.
7. Теория государства и права [Текст] / В. Н. Хропанюк. – М., 1993.
8. Теория государственного управления [Текст] / Г. В. Атаманчук. – М., 2004.
9. Анархия и власть [Текст] / отв. ред. К. М. Андерсон. – М., 1992.
10. Штирнер, М. Единственный и его собственность [Текст] / М. Штирнер ; пер. с нем. Б. В. Гиммельфарба, М. Л. Гохшиллера. – Харьков, 1994.
11. Марченко, М. Н. Проблемы теории государства и права [Текст] / М. Н. Марченко. – М., 2007.
12. Дарвин, Э. Храм природы [Текст] / Э. Дарвин ; пер. с англ. Н. А. Холодковского. – М., 1954.
13. Спенсер, Г. Опыт, научные политические и философские [Текст] / Г. Спенсер ; пер. с англ. Н. А. Рубакина. – Мн., 1999.
14. Ударцев, С. Ф. Кропоткин [Текст] / С. Ф. Ударцев. – М., 1989.
15. Прудон, П. Ж. Что такое собственность, или Исследование о принципе права и власти [Текст] / П. Ж. Прудон / пер. с фр. В. В. Сапова. – М., 1998.
16. Кропоткин, П. А. Этика [Текст] / П. А. Кропоткин. – М., 1991.
17. Кропоткин, П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия [Текст] / П. А. Кропоткин. – М., 1990.
18. Тархов, В. А. Понятие гражданского права [Текст] / В. А. Тархов. – Саратов, 1987.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

УДК 301
ББК 60.501.1

В.Ф. Щелоков,

*первый заместитель – руководитель администрации
генерального директора ФГУП «П/О Уралвагонзавод»
(г. Нижний Тагил),
соискатель кафедры социологии
и управления общественными отношениями
Уральской академии государственной службы*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КАДРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КРУПНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ И ПОНЯТИЕ «КАДРОВАЯ СИЛА ПРЕДПРИЯТИЯ»

Переход российского общества от административной централизованной системы управления экономикой к ее рыночной модели породил целый ряд сложных и противоречивых явлений. С одной стороны, появились новые экономические институты, прежде всего – крупные монополии, которые, казалось бы, должны быть заинтересованы в поступательном развитии российской экономики; кроме того, помимо получения прибыли бизнес должен четко и однозначно определить свою меру социальной ответственности перед обществом. С другой – стали проявляться угрозы, препятствующие трансформации России в цивилизованное демократическое общество. В частности, кризисные явления в экономике обострили проблему кадровой безопасности предприятия, в связи с чем возникла настоятельная потребность в создании методики социологической оценки кадровой безопасности предприятия с целью повышения эффективности управления промышленным производством.

Социологический анализ кадровой безопасности предприятия опирается на нормативно-правовые представления о природе предприятия. Определение предприятия и его основные системообразующие признаки даются в Гражданском кодексе РФ [1]. В рамках очерченного правового поля существуют два основных социологических подхода в понимании кадровой безопасности крупного промышленного предприятия.

Первый из них связан с реализацией следующего понятийного ряда: «национальная безопасность – экономическая безопасность – кадровая безопасность». В данном подходе национальная безопасность выступает как безусловный приоритет, а экономическая безопасность хозяйствующего субъекта – ее материальная основа. В свою очередь, экономическая безопасность может подразделяться на следующие содержательные элементы: правовую, маркетинговую, информационную, финансово-кредитную, кадровую, техническую, пожарную и физическую безопасность. Все перечисленные содержательные элементы находятся в органическом единстве – изменение одного из них влечет за собой перемены в других содержательных элементах, а в конечном итоге и во всей системе экономической безопасности хозяйствующего субъекта. В первом подходе управление кадровой безопасностью выступает в качестве «подчиненного» элемента и зависит от особенностей национальной и экономической безопасности.

Другой подход к пониманию сущности кадровой безопасности связан с ясным осознанием того, что выделяются различные аспекты жизни общества: промышленное и сельскохозяйственное производство, научно-техническая сфера, информационная деятельность, культура, экология и другие. В каждой из этих областей действуют индивид с его знаниями, навыками и умениями, различные профессионально-квалификационные группы с присущими им интересами, стремлениями и потребностями, а также субъекты управления различного уровня. Кадровая безопасность пронизывает все эти сферы и выступает в качестве системообразующего механизма, от функционирования которого зависит безопасность и устойчивость развития общества в целом и отдельных сфер в частности. В рамках данного подхода управление кадровой безопасностью выступает как «первичное» в отношении не только к столь фундаментальной экономической сфере, но и к национальной безопасности и другим областям жизнедеятельности общества.

При первом социологическом подходе кадровая безопасность выступает в качестве составного элемента экономической безопасности. Логика первого подхода достаточно проста и ясна: экономическая безопасность – важнейшая составляющая национальной безопасности; экономическая безопасность включает в себя как неотъемлемый органический элемент наряду с другими – кадровую безопасность. *Следовательно, ключ к пониманию кадровой безопасности лежит в четком понимании национальной безопасности государства через всестороннее раскрытие экономической безопасности и смежных по отношению к кадровой безопасности элементов экономической безопасности.* Национальная безопасность играет роль миссии по отношению к экономической и кадровой безопасности.

Национальная безопасность России концептуально представлена основным

политическим документом – Концепцией национальной безопасности Российской Федерации [2]. В соответствии с текстом данного документа главным принципом обеспечения национальной безопасности выступает «единство, взаимосвязь и сбалансированность всех видов безопасности, гибкое изменение их приоритетности в зависимости от ситуации». Таким образом, эффективность национальной безопасности определяется сбалансированностью ее структурных элементов, а не односторонним развитием какого-либо одного вида безопасности.

Понятие «экономическая безопасность» введено в российский научный оборот сравнительно недавно. Первоначально в отечественных теоретических исследованиях оно рассматривалась на достаточно высоком уровне абстракции – как экономическая безопасность государства в целом. С развитием форм собственности (государственной, муниципальной) начался процесс уточнения и разработки инструментария оценки экономической безопасности отдельных экономических регионов России, затем в поле зрения ученых и практиков оказалась экономическая безопасность муниципальных территорий. Но во всех случаях, начиная с муниципального уровня и заканчивая региональным, главным ориентиром для экономической безопасности как таковой выступала и выступает национальная безопасность государства.

Понятие «экономическая безопасность промышленного предприятия» отечественными политиками, представителями органов управления экономикой, социальными философами и социологами достаточно широко интерпретируется.

Таким образом, под экономической безопасностью промышленного предприятия понимается совокупность условий и факторов, которые определяют два основных состояния: во-первых, стабильность и поступательность развития предприятия, состояние его финансово-экономической сферы, степень самостоятельности при принятии управленческих решений в социально-экономической области, интегрированность с другими предприятиями; во-вторых, условия жизни трудового коллектива и повседневного функционирования территории, на которой находится данное предприятие. Под безопасностью предприятия понимается уровень защищенности жизненно важных интересов предприятия от недобросовестной конкуренции, противоправной деятельности криминальных формирований и отдельных лиц, способность противостоять внешним и внутренним угрозам, сохранять стабильность функционирования и развития предприятия в соответствии с его уставными целями.

Угрозы промышленному предприятию можно подразделить по направлению против определенных субъектов, их интересов и потребностей; способам и формам проявления (заявления, конкретные действия, совокупность обстоятельств, которые могут породить угрозу в перспективе); источнику (внутренние и внешние); природе возникновения (социальные, политические, конкурентные, криминальные и др.); ожиданию воздействия на объекты (внезапные и неожиданные; ожидаемые с малым временем задержки; ожидаемые с большим временем задержки); вероятности реализации (реальные, потенциальные); форме (прямая, косвенная, латентная и др.); последствиям (обратимая, необратимая, мутагенная, доминантная, катализирующая); составу (разовая, бинарная, кумулятивная, диффузная); причинности (закономерная, случайная); возможности

прогнозирования (прогнозируемые, непрогнозируемые); величине ожидаемого ущерба (катастрофические, значительные, вызывающие трудности).

Реальные и потенциальные угрозы, исходящие из внешней и внутренней среды предприятия, определяют направления его внутренней и внешней безопасности.

Национальная безопасность государства как своеобразная миссия кадровой безопасности хозяйствующего субъекта получила интересную интерпретацию в концепции так называемой «комплексной национальной силы», первоначально разработанной японскими учеными. Если продолжить логику интерпретации национальной безопасности через концепцию «комплексной национальной силы» и применить ее к анализу экономических процессов, то можно с уверенностью говорить о модели экономической безопасности, выраженной через концепцию «комплексной экономической силы». Данная концепция включает способность, во-первых, вносить свой вклад в мировое, региональное и местное экономическое сообщество, во-вторых, выживать в случае возникновения экстремальных экономических условий и ситуаций и, в-третьих, оказывать экономическое влияние на поведение других экономических субъектов мирового, регионального и местного уровней. Средневзвешенная величина указанных трех компонентов для каждого государства выступает индексом (показателем) комплексной экономической силы данной страны. Основу экономической силы составляют специалисты, образующие кадровый потенциал общества.

Применив концепцию «комплексной национальной силы» к социологическому анализу кадровой безопасности промышленного предприятия, можно сформировать эвристически наполненное понятие комплексной кадровой силы предприятия. Оно включает в себя показатели следующего порядка: способность предприятия вносить свой вклад в кадровый потенциал местного сообщества, кадрового состава предприятия – выживать в кризисных и экстремальных ситуациях и в этих условиях выполнять целевое предназначение предприятия (надежность кадров), кадров предприятия за счет высокой конкурентоспособности на рынке труда и высокой социальной защищенности на предприятии – оказывать влияние на организационное поведение персонала и организационную культуру кадров других предприятий и в целом на трудовой потенциал местного сообщества.

Первый показатель комплексной кадровой силы предприятия состоит в том, что каждое предприятие имеет профессионально-квалификационную характеристику своего кадрового состава и соответствующую ему структуру. Местное сообщество, в свою очередь, характеризуется определенным трудовым потенциалом, трудовой дееспособностью, развитой трудовой мотивацией и размерами ресурсов труда, которыми оно располагает в конкретный промежуток времени. Количественная сторона трудового потенциала характеризуется следующими основными показателями: общей численностью трудоспособного населения и количеством рабочего времени, которое отрабатывает трудоспособное население при сложившемся уровне интенсивности труда. Произведение этих показателей, выраженное в человеко-годах, дает количественную характеристику трудового потенциала за определенный промежуток времени. Количественные показатели трудового потенциала отражают его экстенсивный рост.

Качественная характеристика имеет следующие основные показатели физического и интеллектуального развития: уровень состояния здоровья, физическая дееспособность трудового населения, качество образовательной и профессионально-квалификационной подготовки трудоспособного населения. Качественные показатели трудового потенциала отражают его интенсивный рост.

Способность предприятия вносить свой вклад в кадровый потенциал местного сообщества зависит от инвестиций в кадры, которые приводят к созданию, накоплению и использованию человеческого капитала. Он является основой увеличения производства и получения доходов предприятия.

Кадровый состав предприятия характеризуется определенным образом жизни. Независимо от того, в каком контексте будет рассмотрен образ жизни кадров предприятия – нормативно-формационном или конкретно-историческом, – он определяется через социальные показатели условий жизни, культурно-бытовой, общественно-политической деятельности работников.

Поведение кадров предприятия обусловлено укладом, уровнем и качеством жизни работников. Уровень жизни отражает количественную оценку развития социальной, социально-экономической сфер, техногенного и природного риска. Качество жизни следует понимать как степень удовлетворенности материальных и культурных потребностей кадровых работников, выраженную в количественных и качественных показателях. При этом потребности должны быть удовлетворены в должной мере для всех групп кадрового состава. Ограничиться исключительно количественными показателями уровня жизни работников возможно только при условии фиксированного качества жизни.

Первый показатель комплексной кадровой силы предприятия, связанный с профессионально-квалификационной характеристикой кадрового состава предприятия, устанавливает способность предприятия эффективно действовать на арене местного сообщества. Существует тесная взаимосвязь проблем кадровой безопасности предприятия и показателей качества и уровня жизни местного сообщества: кадровая безопасность способствует повышению качества жизни и оказывает влияние на образ жизни кадрового потенциала местного сообщества.

Второй показатель – способность кадрового состава предприятия выживать в кризисных и экстремальных ситуациях и в этих условиях выполнять целевое предназначение предприятия (надежность кадров) – устанавливает прежде всего возможность безотказной работы кадров с минимальным количеством отклонений. Способность к выживанию определяется численностью кадрового состава предприятия, его укомплектованностью, количественной пропорцией (соотношением) профессионально-квалификационных групп (топ-менеджмента к менеджерам среднего звена, инженеров к технологам, рабочих – профессионалов высокой квалификации к рабочим со средней и / или невысокой квалификацией), количеством и качеством рабочей силы, имеющейся преимущественно на местном рынке труда. Важное место в способности выживать занимает сложившаяся на предприятии трудовая мораль, степень ее устойчивости. К этому следует добавить деловое сотрудничество с предприятиями-смежниками в области кадровой безопасности.

Третий показатель – способность кадров предприятия за счет высокой конку-

рентоспособности на внутреннем рынке труда и высокой социальной защищенности на предприятии оказывать влияние на организационное поведение персонала и организационную культуру кадров других предприятий и в целом на трудовой потенциал местного сообщества. Данный показатель опирается в области менеджмента на стратегические материалы предприятия, в сфере производства и коммуникаций – на новые технологии; это своеобразное произведение двух составляющих: экономической власти предприятия в местном сообществе помноженной на «дипломатические возможности» топ-менеджмента предприятия.

Таким образом, можно предложить три основных подхода к пониманию социологии кадровой безопасности промышленного предприятия. Первый подход связан с определением кадровой безопасности промышленного предприятия через категорию «устойчивость развития»; второй подход – с пониманием кадровой безопасности через «независимость развития»; третий – с понятием «согласованные интересы». Речь идет о согласовании жизненно важных интересов основных профессионально-квалификационных и статусно-социальных групп, от которых напрямую зависит успех деятельности предприятия.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс РФ. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» [Текст] // Российская газета. – 1997. – 26 дек.

УДК 316.33
ББК 60.56

Н.И. Усанов,

*ст. преподаватель кафедры общегуманитарных дисциплин
Балаковского института экономики и бизнеса (филиала)
Саратовского государственного социально-экономического
университета*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Экономические преобразования в России влекут за собой трансформацию условий жизни людей, отношений между ними, особенностей гражданского и профессионального становления человека. Изменение принципов организации жизни и деятельности людей, их социальных и поведенческих

норм и ценностей вызывает необходимость поиска новых механизмов, путей и средств регулирования социальных процессов и управления ими.

Условия становления и развития социально ориентированной рыночной экономики одновременно открывают большие возможности и создают серьезные угрозы для каждой личности, устойчивости ее существования, вносят значительную степень неопределенности в жизнь практически каждого человека. В такой ситуации особую значимость приобретают осмысление и реализация эффективных методов управления персоналом, использования кадрового потенциала, позволяющие решить целый спектр вопросов адаптации индивидуума к внешним условиям, учесть личностный фактор в построении системы управления персоналом организации. В современных экономических условиях возникает целый ряд принципиально новых задач, важнейшая из которых – максимально эффективное использование кадрового потенциала, обеспечивающее активизацию человеческого фактора.

На передний план закономерно выдвигается проблема конкурентоспособности предприятия, которая стала зависеть от опережающего использования инновационных технологий и материалов. Вместе с тем сами по себе инновационные технологии без специалистов, способных ими управлять, не могут обеспечить конкурентоспособность ни одной организации. Появление новых технологий, материалов, оборудования требует постоянного творческого использования и пополнения знаний, обновления профессиональных навыков, постоянного обучения в течение всей жизни.

Характерная особенность современности – процесс интеллектуализации, пронизывающий все сферы человеческой деятельности. Происходит переориентация товарного (материального) производства от работ с естественным сырьем к производству интеллектуальной продукции, которая создает специфические рынки, навязывая собственные законы производства и формируя новые стереотипы мышления, мировоззрения, свои системы ценностей и способы деятельности. Главной производительной силой в современном деловом мире становятся знания, интеллект и творческий потенциал человека, коллектива, персонала.

Уже во второй половине 1970-х годов стало очевидно, что тот технологический процесс, который так внимательно исследовали постиндустриалисты, все более явным образом воплощается в самостоятельном существовании информации и знаний, которые приобретают исключительно важную роль в производстве товаров и услуг. Информация и знания, понимаемые не как субстанция, воплощенная в производственных процессах или средствах производства, а уже как непосредственная производительная сила [1, с. 101], становятся важнейшим фактором современного хозяйства. Отрасли, производящие знания и информационные продукты, относимые традиционно к «четвертичному» или «пятнадцатому» секторам экономики, ныне становятся первичным («primary», пользуясь терминологией М. Пората [2, с. 38]) сектором, «снабжающим хозяйство наиболее существенно важным ресурсом производства» [3, с. 264]. Знание быстро превращается в определяющий фактор производства, отодвигая на задний план и капитал, и рабочую силу.

С точки зрения А. Тоффлера, главной проблемой современной цивилизации является эффективность использования знаний, информации [4, с. 14]. С ним согласуется идея Т. Сакайя, что «... в складывающемся сегодня обществе наибольшее уважение будет вызывать образ жизни, сопровождающийся бросающимся в глаза потреблением мудрости (в ее самом широком понимании), а находить наилучший сбыт будет продукция, свидетельствующая о том, что ее покупатель – человек умудренный. Именно продукция, более чем что-либо иное подтверждающая доступность ее владельцу высших знаний, информации и мудрости, должна обладать тем, что я далее буду называть ценностью (или стоимостью), созданной знанием (knowledge-value)». По его мнению, ныне человечество вступает в новый этап цивилизации, на котором движущей силой являются ценности, создаваемые знанием, и именно поэтому этот этап называют обществом, базирующимся на знанием создаваемых ценностях (knowledge-value society) [5, с. 348].

Знание стало сегодня основным условием производства и означает реальную полезную силу, средство достижения социальных и экономических результатов. В настоящее время знание систематически и целенаправленно применяется для того, чтобы определить, какие новые знания требуются, является ли получение таких знаний целесообразным и что следует предпринять, чтобы обеспечить эффективность их использования. Иными словами, знание применяется для систематических нововведений и новаторства [6, с. 95].

П. Бурдые высказал идею о человеческом капитале. Образование, по его мнению, есть одна из форм человеческого капитала: оно человеческое, потому что представляет собой часть человека, и оно – капитал, поскольку становится источником будущих удовлетворений потребностей или будущих доходов либо того и другого вместе [7, с. 129]. Определение интеллектуального капитала впервые дал Т. Стюарт: под интеллектуальным капиталом организации понимают знания, которыми владеют ее работники, и накопленный ими опыт, организационную структуру, информационные сети и базы данных, патенты, лицензии и имидж [8, с. 460].

Л. Эдвинсон и М. Мэлоун сделали попытку структурировать интеллектуальной капитал и выделили человеческий и структурный капитал. Ученые полагают, что поскольку продукт или услугу создает не один человек, то можно вести речь о совокупном человеческом капитале. К человеческому капиталу компании они отнесли знания, навыки, способности к нововведениям, соблюдение работниками внутренних норм и ценностей компании, к структурному – патенты, лицензии, торговые марки, организационную структуру, электронные сети, информационные базы данных. Человек выступает главным носителем интеллектуального капитала, в свою очередь структурный капитал рассматривается как совокупность потребительского и организационного капиталов. Потребительский капитал отражает взаимоотношение компании с клиентами, потребителями и поставщиками (может быть оценен через измерение количества потребителей, продолжительность потребления, роль потребителя в создании продукта). Организационный капитал состоит из инновационного капитала (вложения в развитие и производство перспективных инновационных продуктов и услуг) и капитала знаний о процессах (know-how) [9, с. 79–107].

Предлагая собственную классификацию, П. Бурдье разграничивал такие формы капитала, как экономический, символический и культурный [10, с. 243]. Поскольку объектом нашей научной рефлексии становится культурный капитал, остановимся на его анализе более подробно. Так, Л.Ш. Сулейманова определяет культурный человеческий капитал как совокупность интеллектуальных способностей, образованности, умений, навыков, моральных качеств, квалификационной подготовки индивидов, которые используются или могут быть использованы в трудовой деятельности и узаконивают обладание статусом и властью [11, с. 218–219]. Согласимся с Ю.Г. Быченко, который предложил следующие составляющие культурного капитала: интеллектуальная культура (интеллектуальный капитал); образовательная культура (образовательный капитал); морально-нравственная культура (морально-нравственный капитал); символическая культура (символический капитал); социальная культура (социальный капитал) [12, с. 38]. Д. Тросби определяет носителя культурного капитала как объект, обладающий культурной ценностью, а сам капитал – как эту ценность. Подобно любому капиталу, культурный капитал может, в свою очередь, создавать поток товаров и услуг, которые будут иметь как культурную, так и экономическую ценность [13]. Безусловно, основным в роли культурного капитала оказывается не просто сам факт наличия высшего образования, но обладание определенной совокупностью знаний как инкорпорированной формой культурного капитала. Важна и совокупность специфических знаний и навыков, относящихся к общей культуре.

Очерчивая проблемное поле нашего исследования, мы выделили такие составляющие культурного капитала, как знания, идеи и ценности. Эти элементы культуры приобретаются человеком в процессе образования и самообразования. Образование выступает как основной механизм трансляции культуры в обществе и окультуривания новизны. Образование является способом, которым общество воспроизводит условия своего существования. В связи с этим на первый план выходит моральный аспект образования, ибо под моралью понимаются не только моральные учения, но также привычки и стереотипы поведения. Образование помогает людям определить и формулировать эти общие идеалы и распространяет их в обществе, создавая тем самым предпосылки цивилизованного социального (гражданского) развития.

Таким образом, комплекс общепризнанных идеалов – это не что иное, как комплекс общепризнанных представлений или идей о жизни общества и о жизни в обществе, усваиваемых в процессе образования. Исходя из этого постулата, можно предположить, что люди, получающие одинаковое образование, имеют сходные представления. Определенная совокупность идей руководит действиями определенной совокупности людей и цементирует созданный этими людьми общественный строй. Отсюда следует, что общество можно изменить, если изменить идеи, которыми руководствуются живущие в нем люди, значит, идеи можно изменить, изменяя отношение к образованию и самообразованию.

Как уже отмечалось, интеллектуальная технология производит в современном обществе изменения, сравнимые по масштабам и значимости с теми,

которые были связаны с развитием машинного производства. Прогнозируется, что в XXI в. до 60% населения наиболее развитых промышленных стран окажутся заняты в сфере информации, а большинство видов работ будут производиться посредством дистанционного управления [14, с. 156]. В соответствии с этим задачей образования становится передача человеку не только суммы базовых знаний, не только набора полезных и необходимых навыков труда, но и умения воспринимать и осваивать новое: новые знания, новые виды и формы трудовой деятельности, новые приемы организации и управления, новые эстетические и культурные ценности. Это означает, что недостаточно выработать у человека способы адаптации к изменяющейся среде и достижениям научно-технического прогресса. Образование призвано формировать у человека способности к творчеству, способствовать превращению творчества в норму и форму его существования, в инструмент свершений во всех сферах человеческой деятельности – труде, науке, технике, культуре, искусстве, управлении, политике.

Чем динамичнее темпы изменений в мире, тем выше требования социума к образованию. Но современная система среднего и высшего образования, система повышения квалификации не выполняет задачи, связанные с формированием у учащихся, слушателей потребностей, умения и навыков освоения и предвидения нового, не разового, а постоянного повышения квалификации и во многих случаях перекалфикации. Это тем более актуально на фоне интенсивного процесса отмирания старых и появления новых профессий. Коренным образом реформируется структура высших учебных заведений. В перспективе произойдет одно из самых радикальных преобразований – преобразование существующего способа деятельности. Для преодоления когнитивных разрывов необходимо искать пути трансформирования традиционной системы образования, с тем чтобы образование подвигало человека к осознанию своих высших потребностей, к актуализации их, способствовало самоактуализации личности. Не вызывает сомнения, что в настоящее время успешность жизнеосуществления во многом определяется не только подготовкой к социальному творчеству, но и способностями к формированию собственной социальной идентичности и компетентности в новых континуальных условиях.

Анализируя сходные по сути определения компетентности, остановимся на наиболее отвечающих целям нашего исследования. Компетентность, понимаемая как атрибут социальной идентичности, сегодня является одним из факторов успеха в любой сфере жизнедеятельности. Движение к успешности ставится в прямую зависимость от коммуникативной активности, социальной компетентности, высокой адаптивности к социальной действительности, способности эффективно взаимодействовать и управлять процессами общения в микро- и макросреде. Социально-личностным приоритетом поэтому становится необходимость формирования методологической культуры мышления, включающей методы познавательной, профессиональной, коммуникативной и аксиологической деятельности.

В период с 10 по 20 марта 2008 г. проводилось пилотное социологическое исследование на одном из ведущих предприятий пищевой промышленности г. Балакова Саратовской области – Балаковском пивкомбинате. Цель исследо-

вания: выявление представлений работников о собственной профессиональной компетентности и мотивации ее совершенствования. Социологическое исследование проводилось методами опроса и нарративного интервью. Согласно полученным данным, 54% работников предприятия стремятся постоянно совершенствовать свое профессиональное мастерство, правомерно связывая этот процесс как с повышением материального благосостояния, так и с саморазвитием и продвижением по карьерной лестнице. Лишь 14% рабочих названного пищевого предприятия устраивает их уровень образования (как правило, среднепрофессиональный); 63% указывают, что хотели бы получить высшее образование или повысить свою квалификацию. Основной составляющей мотивации при этом становится повышение своего профессионального статуса и улучшение материального состояния. Из указанных 63% рабочих 51% отметили, что хотели бы остаться на «родном» предприятии после повышения уровня образования. При этом возникает парадоксальная ситуация – лишь 23% респондентов связывают такие понятия, как профессионализм, высшее образование и профессиональная компетентность. Многие работники (41%) указывали в процессе интервьюирования, что некто «нигде не учился, работает на производстве 40 лет, потому и знает его как свои пять пальцев». Такого рода суждения свидетельствуют о низком уровне понимания взаимосвязи образования, самообразования и профессиональной компетентности.

Показательны ответы на вопрос: «Что вы понимаете под профессиональной компетентностью?». Большинство респондентов (49%) выбрали вариант: «коммуникативные способности (умения налаживать связи с другими, навык любого вида переговоров, решение сложных управленческих задач)»; 27% – «профессионализм специалиста (профессиональные знания, умения принимать оптимальные управленческие решения, самообразование, карьерный рост, ответственность)»; 19% – «имиджевые характеристики (представительность, авторитет, символизм, харизма)».

Не вступая в терминологическую дискуссию по поводу компетентности как квалификации вообще, считаем правомерным исходить из ее интерпретации как актуального личностного качества, интеллектуально и личностно обусловленной социально-профессиональной характеристики человека, которые реализуются в социальной деятельности и общественных отношениях. В таком контексте представляется возможным структурирование компетентности через выделение компонентных составляющих, позволяющих эксплицировать ее на коммуникативный процесс, в их числе: готовность к проявлению компетентности (мотивационный аспект), где готовность рассматривается как мобилизация субъектных сил; владение знанием содержания компетентности (когнитивный аспект); опыт проявления компетентности в разнообразных стандартных и нестандартных ситуациях (поведенческий аспект); отношение к содержанию компетентности и объекту ее приложения (ценностно-смысловой аспект); эмоционально-волевая регуляция процесса и результата проявления компетентности (деятельностно-практический аспект).

Теоретические изыскания по проблеме компетенций / компетентностей специалиста, по крайней мере в нашей стране, еще далеко не завершены. В

целом знакомство с позициями разных авторов позволяет сделать следующие выводы:

в современной науке понятия «компетенция» и «компетентность» в существенно-смысловом отношении четко не разделены; чаще всего отечественные исследователи используют термин «компетенция» для определения границ области действия специалиста, а «компетентность» – для оценки качества его деятельности;

понятие «компетентность» многоаспектно и сложно по структуре; компоненты компетентности специалиста обладают свойствами вариативности, взаимозависимости, интегративности, кумулятивности, социальной и личностной значимости;

в группах профессий «человек – человек», «человек – техника», «человек – знак», «человек – живая природа» от специалистов требуются разные наборы компетентностей; поэтому необходимы всесторонние исследования деятельности специалистов разных профилей по определению базовых и сопутствующих компетентностей, способствующих реализации качественной профессиональной деятельности;

процесс профессионального обучения должен быть направлен не только на освоение базовых компетентностей будущего специалиста для исполнения нормативной деятельности в рамках его компетенции, но и на формирование творческого потенциала развития и совершенствования компетентностей в будущем, уже в процессе осуществления профессиональной деятельности.

На наш взгляд, достаточно полное определение сформулировал Ю.Г. Татур: «...компетентность специалиста с высшим образованием – это проявленные им на практике стремление и способность (готовность) реализовать свой потенциал (знания, умения, опыт, личностные качества и др.) для успешной творческой (продуктивной) деятельности в профессиональной и социальной сфере, осознавая социальную значимость и личную ответственность за результаты этой деятельности, необходимость ее постоянного совершенствования» [15]. Структура компетентности специалиста здесь представлена когнитивным, мотивационным, деятельностным, аксиологическим и социальным аспектами; зафиксированы качественные результаты образования, имеющие отношение ко всем составляющим действующего профессионала, что предполагает и соответствующие ориентации в развитии специалиста в процессе его самореализации в современной организации.

Все компетентности специалиста как результативно-целевое основание контекстного обучения, на наш взгляд, могут быть представлены пятью основными группами: информационно-методологической, социально-коммуникативной, личностно-валеологической, операционально-технологической, теоретической. Каждая из указанных групп содержит совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых частных компетентностей, выступающих в виде конкретных знаний, умений и навыков.

Информационно-методологическая компетентность включает, с одной стороны, разные умения работы инженера с объемами информации (представление о хранилищах информации, навыки поиска и отбора необходимого, не-

формальное чтение текстов, сравнение с известным и т.д.), а с другой – знание исходных принципов организации разных областей науки, умение устанавливать причинно-следственные связи и обнаруживать аналогии в разных явлениях. Социально-коммуникативная компетентность предполагает умение работать в коллективе и с коллективом, адекватно оценивать социально-экономические микро- и макроситуации. Личностно-валеологическая компетентность включает не только знание о своем психическом и физическом здоровье, но и навыки внимательного отношения к нему. Операционально-технологическая компетентность подразумевает практическое владение теми видами деятельности, которые необходимы для работы в конкретной производственной области: от рабочего до руководителя предприятия. Теоретическая компетентность – это целостное накопленное знание, умение пользоваться им, увеличивать его объем.

Для успешного внедрения новейших производственных технологий на промышленных предприятиях чрезвычайно важно наличие высокообразованного и хорошо подготовленного корпуса профессиональных работников, способных проектировать, внедрять производственные системы и управлять ими. Компетентный специалист, работающий в условиях рынка, должен отвечать следующим требованиям: обладать обширными техническими знаниями в области систем и процессов в производстве, иметь навыки в решении производственных проблем, включая анализ и синтез, а также обладать чувством нового; проявлять инициативу в реализации принятых решений; быть готовым работать как самостоятельно, так и в составе групп, быть коммуникабельным и толерантным; иметь представление об особенностях рынка и уметь определять затраты на изготовление готовой продукции с обоснованием ее стоимости. Все это в совокупности придает процессу формирования таких параметров профессиональной компетентности особую важность и делает феномен профессиональной компетентности перспективным предметом научной рефлексии.

Библиографический список

1. *Stehr, N.* Knowledge Societies [Текст] / N. Stehr. – London, 1994.
2. *Porat, M. U.* The Information Economy: Definition and Measurement [Текст] / M. U. Porat ; US Dept. of Commerce. – Wash., 1977.
3. *Drucker, P. F.* The Age of Discontinuity. Guidelines to Our Changing Society [Текст] / P. F. Drucker. – New Brunswick (US) ; London, 1994.
4. Future Shock [Текст] / by A. Toffler. – N.Y., 1990.
5. *Сакайя, Т.* Стоимость, создаваемая знанием, или История будущего [Текст] / Т. Сакайя // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М., 1999.
6. *Дракер, П.* Посткапиталистическое общество [Текст] / П. Дракер // Там же.
7. *Фукуяма, Ф.* Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния [Текст] / Ф. Фукуяма // Там же.
8. *Stewart, T. A.* Intellectual Capital: The New Wealth of Organizations [Текст] / T. A. Stewart. – London, 1997.
9. *Edvinsson, L.* Intellectual Capital. Realizing Your Company's True Value by Finding Its Hidden Brainpower [Текст] / L. Edvinsson, M. Malone. – N.Y., 1997.
10. *Bourdieu, P.* The forms of Capital [Текст] / P. Bourdieu. – N.Y., 1986.
11. *Сорокин, П. А.* Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П. А. Сорокин. – М., 1992.

12. Быченко, Ю. Г. Управление развитием человеческого капитала [Текст] / Ю. Г. Быченко. – Саратов, 2005.

13. Тросби, Д. Культурный капитал / Д. Тросби // <http://new.artpragmatica.ru/referats/?uid=118>.

14. Долженко, О. Очерки по философии образования [Текст] / О. Долженко. – М., 1995.

15. Татур, Ю. Г. Компетентностный подход в описании результатов и проектировании стандартов высшего профессионального образования [Текст] : мат-лы ко второму заседанию методологического семинара / Ю. Г. Татур. – М., 2004.

УДК 334

ББК 65.291.212.1

Ю.Ю. Чилипёнок,

директор кадрового агентства «ЭсКАДРа» (г. Нижний Новгород),

соискатель кафедры социологии

Волго-Вятской академии государственной службы

КАДРОВОЕ АГЕНТСТВО: РОЛИ И МЕСТО В ОБЩЕМ МЕХАНИЗМЕ ПРИНЯТИЯ КАДРОВЫХ РЕШЕНИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ

Процесс принятия решения в организации состоит из нескольких последовательных этапов и процедур, которые достаточно подробно разработаны в теории управления. Современная научная литература представляет множество различных схем принятия управленческих решений, которые во многом похожи. В практической управленческой деятельности, исходя из складывающейся ситуации, отдельные этапы и процедуры в процессе принятия управленческого решения могут быть объединены или вообще пропущены [1, с. 61]. В таком случае чаще всего это объясняется в категориях оптимизации управленческого решения.

Относительно кадровых решений тема оптимизации управленческого решения остается сравнительно слабо изученной. В то же время несомненным является то, что основные положения теории принятия управленческих решений применимы и к анализу процесса принятия кадровых решений.

Общая схема процедуры принятия кадрового решения может быть представлена следующим образом:

1) осознание необходимости принятия решения и анализ проблемной ситуации (оценка имеющегося в распоряжении принимающего решение управленца времени и ресурсов; определение внешних и внутренних проблем, их ранжирование);

2) определение критериев оценки принимаемого решения;

3) установление приоритетов (значимости критериев);

4) нахождение возможных альтернатив решения проблемы;

- 5) оценка альтернатив;
- 6) выбор оптимального решения.

Данная модель может быть использована в качестве общей ориентировочной схемы принятия кадрового решения, хотя в каждом конкретном случае возможна специфическая структура. Исходя из приведенной схемы, рассмотрим более подробно этапы принятия решения применительно к кадровому решению о найме персонала.

1. Процесс принятия любого кадрового решения начинается с обоснования его необходимости и анализа проблемной ситуации. Выявление и описание проблемной ситуации дают исходную информацию для оценки времени, имеющегося для принятия решения, и величины необходимых ресурсов. Важный аспект анализа проблемной ситуации – классификация проблем на внешние и внутренние. Конечным результатом на данном этапе выступает выявление и ранжирование так называемых базовых, кардинальных проблем, за решение которых следует браться в первую очередь [2, с. 46]. Первый этап принятия кадрового решения должен завершиться постановкой серии задач, а именно: какую кадровую проблему необходимо решить; какое время отведено на ее решение; какими силами и средствами будет решаться данная проблема.

В качестве примера проанализируем ситуацию, когда требуется решить проблему поиска и подбора сотрудника на вакантную ключевую позицию в организации в течение двух недель вместо увольняющегося сотрудника. Основная внешняя проблема: на рынке труда профессионалов необходимой квалификации немного; внутренняя проблема: в организации нет специалиста по подбору персонала. Следовательно, целесообразно принять решение о способе закрытия данной вакансии с учетом обозначенных проблем и условий.

2. На втором этапе принятия кадровых решений определяются критерии оценки различных вариантов решения поставленных задач. Поскольку принятие оптимальных решений осуществляется, как правило, на альтернативной основе, важно определить критерии выбора наилучшего из возможных вариантов.

По числу критериев оценки альтернатив выделяют одно- и многокритериальные задачи принятия решений. Может случиться так, что есть всего один единственный вариант, например решение регламентировано Трудовым Кодексом или другими правовыми актами. Применительно к критериям выбора кадровых решений многокритериальный подход в большинстве случаев является преобладающим [3, с. 74].

В рассматриваемом примере основными критериями станут: профессионализм необходимого кандидата, дефицит таких специалистов на рынке труда, зарплатные ожидания кандидатов и возможности организации, условия труда, срочность решения вопроса, цена поиска и отбора кандидата.

3. На третьем этапе необходимо из общего числа отобранных критериев выбрать те, которые при имеющихся условиях будут приоритетными. Так, применительно к описанной ситуации в качестве приоритетного критерия может выступать профессионализм кандидата. Второй по значимости – критерий времени, в течение которого должна быть закрыта вакансия. При этом не исклю-

чено, что для достижения поставленной цели организация готова пойти на значительные затраты, например обратиться к услугам кадровых агентств. Таким образом, критерий затрат на поиск и отбор персонала в данном случае может оказаться наименее значимым, тем более при дефиците необходимых специалистов на рынке труда.

4. На четвертом этапе основная задача состоит в том, чтобы определить имеющиеся варианты решения проблемы. Применительно к исследуемой ситуации к числу возможных альтернатив решения проблемы можно отнести следующие:

- поиск подходящего работника внутри самой организации;
- использование рекомендаций сторонних лиц;
- дача объявления в средства массовой информации;
- обращение к специализированным сайтам в Интернете;
- пользование услугами кадровых агентств [4, с. 83].

При выборе варианта решения проблемы важно уметь анализировать все многообразие имеющихся возможностей. Одновременно необходимо учитывать условия, накладывающие ограничения на принятие кадровых решений, например: правовые нормы, отсутствие достаточных финансовых средств у организации, нехватку квалифицированных специалистов на рынке труда.

5. На пятом этапе производится анализ собранной информации и оценка различных вариантов на основе отобранных ранее критериев. Многие из альтернативных решений легко обнаружить, поскольку они обычно известны из предыдущего опыта, стандартны и легко вписываются в критериальные границы лучшего решения. Однако нередко возникают новые, уникальные проблемы, решение которых не уместается в привычные рамки. В таком случае необходим творческий подход.

Все предложенные альтернативы должны быть сравнены друг с другом или оценены для последующего выбора лучшей из них. Оценка предполагает определение отрицательных и положительных сторон рассматриваемых альтернатив и установление между ними некоего уровня компромисса. Для этого могут быть использованы как количественные, так и качественные измерения.

В анализируемом случае внутри организации может не оказаться работника соответствующей квалификации, чтобы занять вакансию, кроме того, новое назначение может вызвать отрицательную реакцию бывших коллег. Объявления в средствах массовой информации требуют некоторых материальных затрат, кто-то из сотрудников организации должен будет заниматься процессом отбора (что особенно проблематично в организациях, где нет штатной единицы специалиста по работе с персоналом), вследствие чего процесс может занять много времени и отбор может быть выполнен не вполне профессионально. Обращение в Интернет практически не требует материальных затрат, но несет те же проблемы, что и поиск кандидата с помощью объявлений в СМИ. Обращение к услугам кадровых агентств может стоить дорого, но ускорит решение вопроса и сделает отбор более профессиональным.

6. На заключительной стадии принятия решения принимается окончательное решение – то, которое наилучшим образом удовлетворяет выбранным ра-

нее критериям и обеспечивает достижение желаемого результата. Необходимо определить риск и ограничения, а также по возможности их минимизировать. В нашем случае, при ведущей значимости критериев профессионализма кандидата и времени закрытия вакансии, а также с учетом того, что критерий стоимости поиска и подбора персонала не является основополагающим, оптимальной альтернативой будет обращение в кадровое агентство.

Итак, если принято решение об обращении в кадровое агентство как способ решения возникшей кадровой проблемы, то последний этап принятия управленческого решения становится, в свою очередь, первым этапом на пути принятия следующего решения, а именно: о выборе кадрового агентства. Процесс принятия этого решения также пройдет через описанные нами основные стадии, начиная с первого этапа – осознания необходимости обращения к услугам кадрового агентства.

Итак, на первом этапе благодаря предыдущему решению была осознана необходимость обращения в кадровое агентство для решения возникшей кадровой проблемы. Временные рамки известны, критерий стоимости услуг агентства не является решающим. Типичные внешние проблемы: большое количество кадровых агентств в городе, отсутствие серьезного опыта работы с ними, различная стоимость и качество услуг агентств. Типичные внутренние проблемы организации: отсутствие в организации специалиста по подбору кадров, который будет работать с агентством, желание минимизировать затраты, дефицит времени на закрытие вакансии.

На втором этапе определяются основные критерии: сроки подбора, стоимость, гарантии, профессионализм рекрутеров, репутация агентства, отзывы клиентов, предыдущий положительный опыт работы с кадровыми агентствами.

На третьем этапе в качестве приоритетов можно выделить сроки и стоимость подбора кадров на вакансию.

На четвертом этапе выявляются основные альтернативы:

обратиться в любое кадровое агентство, координаты которого «окажутся под рукой»;

обратиться в самое известное агентство города;

обратиться одновременно в несколько агентств;

воспользоваться рекомендациями;

обратиться в агентство, с которым уже имеется положительный опыт работы.

На пятом этапе проводится сравнение имеющихся альтернатив. Обращение в первое попавшееся кадровое агентство может привести к тому, что заказ будет выполнен не вполне профессионально или будет стоить неоправданно дорого. И хотя на поиск такого агентства не нужно тратить много времени, придется потратить время на знакомство рекрутера с организацией. Чтобы обратиться в самое известное кадровое агентство города в расчете на профессионализм и скорость подбора, понадобится время на изучение рейтинга агентств. Кроме того, услуги такого агентства наверняка будут стоить дорого, и поэтому возможны излишние финансовые затраты. Существует также вероятность того, что заявка не окажется в числе первых по значимости для данного агентства,

что грозит потерей времени. Обращение в несколько кадровых агентств одновременно, возможно, ускорит процесс отбора и даст возможность рассмотрения большего количества кандидатов, но одновременно и потребует большего количества времени на общение с несколькими рекрутерами из нескольких агентств, а также может привести к снижению их интереса к заявке, если станет известно, что над данной заявкой работает не одно агентство. Это грозит отрицательно сказаться на сроках выполнения заказа. Хотя рекомендации значительно ускоряют процесс выбора агентства, они могут оказаться неадекватными для данной ситуации, так как положительный опыт работы с агентством одной организации не всегда является гарантией успеха сотрудничества с другой.

Обращение в агентство, с которым уже есть положительный опыт работы (т.е. предыдущий заказ был выполнен в срок, профессионально и за приемлемое вознаграждение), значительно ускоряет процесс выбора и дальнейшей работы, так как агентство уже знакомо с организацией, ее структурой, условиями работы, проблемами и процесс оформления заявки займет минимум времени. Кроме того, способ общения рекрутера с заказчиком уже отработан, стоимость услуг и их качество устраивает, существует еще и дополнительная возможность получить скидку. Заявке будет обеспечено должное внимание, а по предыдущему опыту можно оценить и процесс сопровождения работника в период испытательного срока.

На шестом этапе, взвесив все «за» и «против», принимаем окончательное решение: обратиться в агентство, с которым уже есть положительный опыт работы.

Таким образом, представленная схема позволяет выявить следующие социальные роли кадрового агентства в отношениях с организацией:

- а) ресурс для решения кадровой проблемы организации;
- б) источник альтернатив для организации;
- в) фактор оптимизации параметров кадровой задачи организации;
- г) фактор проектной организации решения кадровой задачи;
- д) проектный партнер организации по выработке кадрового решения.

Участие кадровых агентств в решении проблемы подбора персонала может оказать значительную помощь работодателю. Включение агентства в этот процесс происходит на совершенно определенном этапе принятия решения организацией, а именно на этапе выработки альтернатив. Из одного кадрового решения неизбежно вытекает ряд других решений, процесс принятия которых в целом будет соответствовать общей схеме. Например, решение о выборе кадрового агентства. Как показывает практика, обращение в агентство, с которым у работодателя уже есть положительный опыт сотрудничества, оказывается наиболее эффективным выбором.

Исходя из специфики социальных ролей кадрового агентства по отношению к организации, следует сделать вывод, что кадровые агентства, безусловно, нужны работодателю как эффективный партнер по выработке и претворению в жизнь кадровых решений.

Библиографический список

1. *Чуйкин, А. М.* Разработка управленческих решений [Текст] : учеб. пособие / А. М. Чуйкин. – Калининград, 2000.
2. *Голубков, Е. П.* Технология принятия управленческих решений [Текст] / Е. П. Голубков. – М., 2005.
3. *Карташова, Л. В.* Методология принятия кадровых решений и оценка их эффективности [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра экон. наук / Л. В. Карташова. – М., 2003.
4. *Карташов, С. А.* Рекрутинг: найм персонала [Текст] : учеб. пособие / С. А. Карташов, Ю. Г. Одегов, И. А. Кокорев ; под ред. Ю. Г. Одегова. – М., 2002.

УДК 316.33:659
ББК 60.561.1:65.47

С.Б. Земсков,

*директор рекламного агентства «НАВСЕГДА»
(ООО «Бизнес-развитие») (г. Саратов)*

РЕКЛАМА В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ПОЛЕ СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

В XXI в. реклама все больше определяет социальное и экономическое взаимодействие в обществе, является одним из доминирующих механизмов воздействия на массовое сознание, служит каналом трансляции культурных норм и ценностей. Рекламная деятельность охватывает практически все виды, формы и уровни социальных взаимодействий и пронизывает собой большинство других видов профессиональной и личной деятельности. Без рекламы и рекламных технологий сегодня не может успешно функционировать ни одна организация, ни один политический или иной лидер, ни одна государственная или коммерческая структура.

Современная реклама – это мощная индустрия, предполагающая наличие, функционирование и взаимодействие различных экономических субъектов, в числе которых рекламодатели, рекламные агентства, средства распространения рекламной информации, научно-исследовательские и технические службы [1, 2].

Изучением рекламы в той или иной степени занимается целый ряд наук: философия, социология, психология, экономика, история, правоведение. Каждая из них анализирует рекламную деятельность, используя свою методологию и собственный понятийный аппарат.

В рамках экономической науки реклама рассматривается в качестве механизма продвижения товара на рынок, условия повышения уровня его продажи,

в целом как часть широкого комплекса каналов и средств продвижения товара от производителя к потребителю.

Рекламные сообщения отличаются от обычных информационных тем, что они выполняют функцию увещательного воздействия на человека с целью побудить его приобрести те или иные товары и / или услуги. В экономической литературе это описывается с использованием терминов «комплекс маркетинговых коммуникаций», «интегрированные маркетинговые коммуникации». Смысл концепции интегрированных маркетинговых коммуникаций состоит в стремлении увеличения эффективности воздействия на потребителей за счет дополнения традиционной рекламы другими формами коммуникаций, каждая из которых имеет специфические методы продвижения товара. Использование термина «интеграция» предполагает слияние в единое целое различных форм коммуникации в рамках общей маркетинговой стратегии, поскольку они применяются для достижения единой цели.

Вопрос о классификации видов маркетинговой коммуникации относится к числу дискуссионных, но обычно различают четыре компонента: рекламу (advertising), стимулирование сбыта (sales promotion), связи с общественностью (public relation), прямой маркетинг (direct marketing) [3, с. 14–16].

Социологическая наука рассматривает рекламную деятельность с позиций функционирующего общественного феномена, оказывающего неоспоримое влияние на социально-политические и культурные процессы в обществе, способствующие его изменению. Социологические методы сбора и анализа информации широко используются при проведении рекламных кампаний и оценке их эффективности.

Работы по изучению социологии рекламы можно рассматривать в двух направлениях. В соответствии с первым направлением реклама трактуется в контексте общих вопросов социального бытия и сознания, влияния рекламы на социальную реальность и представления членов социума об этой реальности. Второе направление связано с изучением рекламы как особого социального феномена, имеющего свою внутреннюю структуру и логику развития.

В рамках первого направления необходимо выделить работы известных социологов, включавших рекламу в число значимых компонентов социальной жизни. В данном контексте следует назвать прежде всего работы В. Зомбарта, который первым из социологов ввел рекламу в систему социологического научного знания [4]. Вместе с тем классики социологии XIX и начала XX в. не придавали этому факту социальной реальности системообразующего значения.

Актуализация рекламной проблематики в социологии связана с именами исследователей общества потребления: Дж. Гэлбрейтом [5], Э. Тоффлером [6, 7], Д. Беллом [8], Д. Рисменом [9]. Социально-исторический анализ рекламы как фактора формирования американского национального характера и «американской мечты» провел Д. Бурстин [10]. Данные исследователи рассматривали рекламу лишь в связи с анализом социальной статистики и динамики, не избирали этот социальный феномен в качестве специфического предмета социологического теоретического или прикладного исследования. В значительно большей степени анализ воздействия рекламы на социальность связан с именами

Ж. Бодрийяра [11, 12], Р. Барта [13], Ю. Хабермаса [14]. Для зарубежных и отечественных специалистов наиболее типичен анализ рекламы в связи с социологией коммуникационных процессов. Эту традицию заложил Г.М. Маклюэн [15], продолжили Д. МакКуэйл [16, 17], Дж. Брайант [18], Р. Харрис [19], Дж. Мюрдок и Н. Джэнис [20]. Из российских ученых рекламу в контексте социологии коммуникаций рассматривали В.П. Терин [21], М.М. Назаров [22], С.В. Бориснев [23], Л.М. Землянова [24], Е.Я. Дугин [25], Ф.И. Шарков [26].

Что касается изучения рекламы как особого социального феномена, то специалисты, избравшие рекламу непосредственным объектом и предметом социологического изучения, немного и в нашей стране, и за рубежом. Это, безусловно, обращает на себя внимание, учитывая то весьма заметное место, которое занимает реклама в современном обществе. Ж. Бодрийяр в «Системе вещей» уделил специальную главу анализу рекламы в рамках своей «социологической системы вещей и потребления». Рекламу как особое явление в системе социальных связей изучали М. Шадсон [27], Р. Маркхэнд [28], С. Крук, Дж. Пакульски, М. Уотерс [29], Дж. Дьер [30], В. О'Барр [31], В. Лейс и С. Джэлли [32].

Реклама становится предметом исследования отечественной социологической науки лишь с конца XX в. Появились научные публикации, которые свидетельствуют о быстро растущем интересе к данной тематике. Эта сфера начинает более активно осваиваться российскими социологами. В качестве примеров можно привести сравнительно недавно появившиеся научные работы, затрагивающие некоторые аспекты рекламы с точки зрения социологии. В частности, реклама рассматривается как вид социальной деятельности [33], объект социологического анализа [34], социальный институт [35, 36], социокультурный процесс [37–39]. В отечественной социологии получили известность работы О.Н. Феофанова [40], Л.Н. Федотовой [41], И.В. Крылова [42], В.Л. Музыканта [43], Ф.И. Шаркова [44], А.А. Романова [45], а также книги В.И. Ильина [46] по социологии потребления, в которых рекламе в качестве важного фактора социальной детерминации потребительского поведения уделяется особое внимание.

В отечественной социологии нет работ, которые прямо рассматривали бы рекламу в контексте социологии управления. Вместе с тем некоторые подходы к управленческому воздействию схожих социальных феноменов содержатся в работе Н.В. Лопатиной по социологии маркетинга [47], уже упоминавшейся книге В.П. Терина и работе М.А. Шишкиной [48] по PR. Таким образом, проблемы социологии рекламы в целом и в контексте социологии управления в частности только начинают осваиваться в рамках научного социологического дискурса. Проблематизация и структуризация этой актуальной социальной практики в поле социологии, социологическая интерпретация рекламного воздействия – назревшая научная задача.

Разработкой проблем рекламы в контексте социального управления занимались специалисты по социологии управления, социальному управлению, социальным технологиям и социальному проектированию: В.Г. Афанасьев [49], А.И. Пригожин [50], А.И. Кравченко, И.О. Тюрина [51].

Анализ показывает, что на данном этапе общесоциологическая теория и социология управления еще не освоили на удовлетворительном уровне в рамках

своего проблемного поля теорию и практику рекламы и рекламного воздействия. Реклама описана достаточно подробно, но результаты такого исследования не сопряжены, как правило, с социологическим знанием, они не концептуализированы в должной мере в рамках социологической теории, в том числе социологии управления. Практические исследования субъектов социального действия и направленные на выявление отношения субъектов социального действия и общестественности к развитию рекламы в обществе, сегодня немногочисленны и носят в основном прикладной характер, в первую очередь обслуживающий интересы товарного рынка.

Обобщая подходы к изучению рекламы, предлагаем взять за основу следующее авторское интегративное определение данного феномена: реклама – это одна из форм массовой коммуникации, входящая в сферу общественных связей и отношений, в которой создаются и распространяются оплаченные рекламодателем информативно-образные, экспрессивно-суггестивные тексты однонаправленного и неличного характера о товарах, услугах, идеях, и оказания психологического воздействия на массовое и индивидуальное сознание потребителей с целью побудить их к нужному рекламодателю выбору и поступку.

Библиографический список

1. Гембл, П. Маркетинг взаимоотношений с потребителями [Текст] / П. Гембл, М. Стоун, Н. Вудкок ; пер. с англ. – М., 2002.
2. Маркетинг в третьем тысячелетии: Как создать, завоевать и удержать рынок [Текст] / Ф. Котлер ; пер. с англ. ; науч. ред. Б. А. Соловьев. – М., 2001.
3. Росситер, Дж. Р. Реклама и продвижение товаров [Текст] / Дж. Р. Росситер, Л. Перси ; пер. с англ. – СПб., 2001.
4. Зомбарт, В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь [Текст] / В. Зомбарт. – М., 2004.
5. Гэлбрейт, Дж. Новое индустриальное общество [Текст] / Дж. Гэлбрейт. – М., 2004.
6. Тоффлер, Э. Третья волна [Текст] / Э. Тоффлер. – М., 1999.
7. Тоффлер, Э. Футуршок [Текст] / Э. Тоффлер. – СПб., 1997.
8. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования [Текст] / Д. Белл. – М., 1999.
9. Riesman, D. The Lonely Crowd. The Study of the Changing of the American Character [Текст] / D. Riesman. – New Haven, 1961.
10. Бурстин, Д. Американцы – демократический опыт [Текст] / Д. Бурстин. – М., 1993.
11. Бодрийяр, Ж. Система вещей [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М., 1995.
12. Бодрийяр, Ж. Общество потребления [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М., 2006.
13. Барт, Р. Система моды: Статьи по семиотике культуры [Текст] / Р. Барт. – М., 2003.
14. Habermas, J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into Bourgeois Society [Текст] / J. Habermas. – Cambridge, 1962.
15. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека [Текст] / М. Маклюэн. – М., 2003.
16. McQuail, D. Mass Communication Theory [Текст] / D. McQuail. – L., 1994.
17. McQuail, D. Media Performance. Mass Communication and the Public Interest [Текст] / D. McQuail. – L., 1992.
18. Брайант, Дж. Основы воздействия СМИ [Текст] / Дж. Брайант, С. Томпсон. – М., 2004.
19. Харрис, Р. Психология массовых коммуникаций [Текст] / Р. Харрис. – СПб., 2003.
20. Murdock, G. Mass Communication and the Advertising Industry [Текст] / G. Murdock, N. Janus. – UNESCO, 1984.

21. Терин, В. П. Массовая коммуникация: исследование опыта Запада [Текст] / В. П. Терин. – М., 2000.
22. Назаров, М. М. Массовая коммуникация и общество [Текст] / М. М. Назаров. – М., 2004.
23. Бориснев, С. В. Социология коммуникации [Текст] / С. В. Бориснев. – М., 2003.
24. Землянова, Л. М. Современная американская коммуникативистика [Текст] / Л. М. Землянова. – М., 1995.
25. Дугин, Е. Я. Создание смыслов в электронную эру [Текст] / Е. Я. Дугин. – М., 2005.
26. Шарков, Ф. И. Основы теории коммуникации [Текст] / Ф. И. Шарков. – М., 2002.
27. Shudson, M. Advertising. The Uneasy Persuasion. Its Dubious Impact on American Society [Текст] / M. Shudson. – N.Y., 1984.
28. Marchand, R. Advertising and the American Dream [Текст] / R. Marchand. – Berkeley, 1985.
29. Crook, S. Postmodernization. Change in Advanced Society [Текст] / S. Crook, J. Pakulski, M. Waters. – SAGE, 1992.
30. Dyer, G. Advertising as Communication [Текст] / G. Dyer. – L., 1996.
31. O'Barr, W. Culture and the Ad. Exploring Otherness in the World of Advertising [Текст] / W. O'Barr. – Westview Press, 1994.
32. Leiss, W. Social Communication in Advertising [Текст] / W. Leiss, S. Kline, S. Jhally. – L., 1986.
33. Федотова, Л. Н. Реклама в социальном пространстве [Текст] / Л. Н. Федотова. – М., 1996.
34. Ульянова, Т. А. Реклама как объект социологического анализа [Текст] : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Т. А. Ульянова. – М., 1995.
35. Шигапова, Д. К. Реклама как социальный институт [Текст] : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Д. К. Шигапова. – Казань, 1995.
36. Музыкант, В. Л. Реклама как социальный институт: (Возникновение и основные этапы развития) [Текст] : автореф. дис. ... канд. социол. наук / В. Л. Музыкант. – М., 1998.
37. Комарова, С. Н. Институт рекламы в современной России: соотношение экономических и культурных функций [Текст] : автореф. дис. ... канд. социол. наук / С. Н. Комарова. – Ростов н/Д, 2001.
38. Салахатдинова, Л. Н. Реклама как социокультурный процесс в современном российском обществе [Текст] : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Л. Н. Салахатдинова. – Казань, 2001.
39. Чаган, Н. Г. Социокультурные основания рекламы: (Теоретические и технологические аспекты) [Текст] : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Н. Г. Чаган. – М., 1998.
40. Феофанов, О. А. Реклама: новые технологии в России [Текст] / О. А. Феофанов. – СПб., 2000.
41. Федотова, Л. Н. Социология рекламной деятельности [Текст] / Л. Н. Федотова. – СПб., 2002.
42. Крылов, И. В. Маркетинг: (Социология маркетинговых коммуникаций) [Текст] / И. В. Крылов. – М., 1998.
43. Музыкант, В. Л. Реклама и PR-технологии [Текст] / В. Л. Музыкант. – М., 2001.
44. Шарков, Ф. И. Интегрированные рекламные коммуникации [Текст] / Ф. И. Шарков. – М., 2004.
45. Романов, А. А. Реклама: между социумом и маркетингом [Текст] / А. А. Романов. – М., 2002.
46. Ильин, В. И. Поведение потребителей [Текст] / В. И. Ильин. – СПб., 2000.
47. Лопатина, Н. В. Социология маркетинга [Текст] / Н. В. Лопатина. М., 2005.
48. Шишкина, М. А. Паблик рилейшнз в системе социального управления [Текст] / М. А. Шишкина. – СПб., 1999.
49. Афанасьев, В. Г. Научное управление обществом. Опыт системного исследования [Текст] / В. Г. Афанасьев. – М., 1966.
50. Пригожин, А. И. Методы развития организаций [Текст] / А. И. Пригожин. – М., 2003.
51. Кравченко, А. И. Социология управления [Текст] / А. И. Кравченко, И. О. Тюрина. – М., 2003.

А.В. Зыгалова,

*ассистент кафедры социологии
Астраханского государственного университета*

СПЕЦИФИКА КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В XXI в., в эпоху информационного общества, производство рекламы в России достигло высокого технологического уровня. Появились рекламные агентства с мощным творческим потенциалом, квалифицированным персоналом и хорошим техническим оснащением.

Сегодня реклама рассматривается как феномен современного социума, специфическая информация, производимая определенными общественными структурами для воздействия на массовое сознание с целью продвижения на рынке товаров и услуг. Но проблема результативности рекламных кампаний до сих пор является дискуссионной. Первоочередная задача рекламодателей – сделать товар известным, создать ему необходимый имидж, ввести употребление названия или слогана в будничную речевую оборот так, чтобы найти отклик в сознании, мотивах и действиях потребителей. Ориентироваться в этом пространстве необоснованных мнений, тайных ожиданий людей очень сложно, поэтому между создателем рекламы и ее потребителем часто возникает коммуникативный диссонанс.

Основными причинами сложившейся ситуации могут служить такие факторы, как отсутствие системности в исследованиях, игнорирование психографических и поведенческих аспектов, а также создание рекламы без сопровождения специальных исследований, раскрывающих ценностные и мотивационные установки потребителей.

Использование методов качественного исследования позволяет рекламодателям, проникая вглубь сознания будущих пользователей рекламы, корректировать результаты своей деятельности через изучение восприятия текста в процессе его создания. К методам, отвечающим данному условию, можно отнести глубинные интервью, диалог, фокус-группы, брейнсторминг-группы, метод психосемантического дифференциала [1, с. 154].

Одним из основных преимуществ качественной методологии исследования является использование целого ряда проективных методик. Их можно условно разделить на четыре группы:

1) ассоциативный метод (свободные и направленные ассоциации, персонификация и антропоморфизм, идеальный продукт, коллаж, методика Need Score и др.);

2) процедуры завершения (завершение предложений и историй, незавершенные рисунки);

3) процедуры конструкции (модифицированный ТАТ, проективные вопросы и т.д.);

4) экспрессивные методы (ролевые игры, психологический рисунок) [2, с. 40].

Проективные методики позволяют фиксировать отношения к социальным объектам, учитывая глубинные личные факторы психики человека. Данные методики ориентированы на получение информации о мотивах, субъективных отношениях и переживаниях, а также неосознанном опыте изучаемого субъекта [3, с. 273].

Для подтверждения эффективности применения качественных методов в рекламной деятельности в Астраханском государственном университете было проведено социологическое исследование, включающее все этапы, начиная с создания рекламных конструктов и заканчивая тестированием рекламной концепции, представленной в форме поккадрового плана будущего телевизионного ролика рекламы специальности «Социология».

На этапе разработки сценария рекламы специальности «Социология» был выбран метод расширенной креативной группы. Для отбора участников в расширенную креативную группу был осуществлен двухступенчатый рекрутинг. На первой ступени для отбора респондентов использовался тест вербальной креативности С. Медника (адаптация А.Н. Воронина, взрослый вариант). На второй ступени было проведено предварительное тестирование эмоционального состояния при помощи цветового теста Люшера. Рекрутирование участников проводилось среди студентов и преподавателей факультета социальных коммуникаций. По итогам тестирования из 70 опрошенных респондентов в рабочую группу было отобрано 19 человек в возрасте от 17 до 28 лет.

Благодаря использованию адаптированных проективных методик расширенная креативная группа позволила собрать большой объем информации, необходимой для написания сценария рекламы специальности «Социология» в Астраханском государственном университете. Также был составлен ряд рекомендаций для создания рекламных конструктов, представленных впоследствии в структуре поккадрового плана будущей рекламы.

В ходе анализа результатов, полученных с помощью проективных методов «Свободные ассоциации с понятием специальность», «Направленные ассоциации с понятием социология», «Идеальный продукт» (графическое изображение идеальной специальности), «Методика Need Score», «Персонафикация», «Ролевая игра» было выявлено, что ценностные и профессиональные предпочтения формируются под влиянием сложившихся социокультурных норм.

Понятие «специальность» было представлено респондентами в виде одной из главных составляющих формирования личности.

Как показало исследование, у всех участников присутствует стремление прилагать много усилий, быть активным и настойчивым в процессе обучения для

получения статуса квалифицированного специалиста. Мотивацией (в случае приобретения профессионального статуса) выступает желание удовлетворить потребности согласно пирамиде А. Маслоу [4, с. 488].

Говоря о потребностях в безопасности и принадлежности, следует отметить стремление респондентов к гармонии, объединению, структуре, порядку и удовольствию. Человек нуждается в том, чтобы полученная профессия интегрировала его в общественную структуру, наделяла его определенным статусом и социальными ролями.

«Идеальная специальность способствует гармоничному развитию личности, получению определенного статуса, то есть всего того, к чему мы стремимся» (жен., 21 год).

«Я представляю себя безграничным человеком, идущим вперед, и ни шагу назад. Дорогу мне освещает яркое солнце. Путь к светлому будущему» (муж., 18 лет).

Ожидания опрошенных в области удовлетворения потребности личного совершенствования связаны с тем, что специальность приблизит их к познанию и пониманию социальных процессов и взаимодействий человека с обществом. Это подтверждается частым изображением земного шара, солнца, людей при выполнении рисунка идеальной специальности.

Четко прослеживается желание респондентов видеть себя активными, целеустремленными, коммуникабельными, готовыми к реализации творческих планов и замыслов в соответствии с выбранной специальностью. Об этом свидетельствуют изображение гор, многоэтажных зданий, людей с улыбками на лицах.

В рисунках респондентов присутствует вся гамма цветов, что свидетельствует об ожидании разнообразия, нестандартности, полноты от будущей сферы деятельности, причем желаемая многогранность связана с приобретением основных жизненных ценностей, таких как благополучие, счастливая семья, интересная работа, реализация творческого потенциала, материальное благополучие.

«Специальность затрагивает и накладывает отпечаток на все сферы жизни. Идеальная специальность должна помочь мне в том, чтобы построить дом, вырастить сад, родить детей» (жен., 19 лет).

Респонденты высказывали положительные и так называемые «теплые» словесные ассоциации, связанные с понятием «специальность». К данному перечню относятся мудрость, опыт, надежность, качественность, коммуникабельность, удовлетворение материальных и духовных потребностей, престиж, роль, статус, общение, дом, семья, друзья, жизнь, светлое будущее. Отсюда следует, что в рекламном тексте необходимо использовать «теплые» слова и включать их в середину рекламного ролика, что будет компенсировать закон первого и последнего места.

Основные черты социально-психологического портрета представителя специальности социология были выявлены в ходе анализа результатов методов «Персонификация» и «Методика Need Score».

Респонденты разделились в выборе половой принадлежности: 40% отдают

предпочтение женскому полу, 60% – мужскому. Единодушным решением участников был установлен средний возраст от 28 до 37 лет.

«Возраст 37 лет – это возраст, когда человек легко адаптируется ко всем процессам в обществе. В этом возрасте человек зачастую является состоявшейся личностью. Он креативен, активен и позитивен» (муж., 23 года).

Что касается семейного положения, то здесь мнения разошлись: 60% респондентов описали представителя данной специальности как человека семейного, 40% опрошенных предписали образу еще не сложившееся семейное положение.

«Наша женщина не замужем, так как замужество предполагает некоторую скованность. Наша женщина не зависит ни от обстоятельств, ни от людей» (жен., 20 лет).

«... Женатый мужчина, имеет не менее двух детей, то есть устойчивость в семейном плане» (жен., 26 лет).

По мнению всех участников расширенной креативной группы, к основным чертам характера данной личности относятся целеустремленность, мобильность, активность, упорство, терпеливость, доброта, справедливость, позитивность, наличие юмора.

Специалист-социолог представляется респондентам как сформировавшаяся и всесторонне развитая личность, которая не останавливается на достигнутом и знает, чего хочет добиться в жизни. Атрибуты, присущие данной личности, – современные средства коммуникации, классический стиль одежды, наличие собственного средства передвижения. С точки зрения респондентов, местом работы специалиста-социолога являются государственные структуры или крупные социологические фирмы.

Благодаря применению методов направленных ассоциаций и персонификации удалось выяснить, что со специальностью «Социология» у респондентов почти всегда связаны только положительные ассоциации. Специальность «Социология» была описана респондентами как нечто позитивное, яркое, дружелюбное, проникающее во все сферы жизни человека, позволяющее ориентироваться в социальном пространстве и удовлетворяющее потребности. Об этом свидетельствует выбор респондентами теплых цветов (желтый, красный, оранжевый, зеленый – цвет новой жизни), округлых форм (сферы и солнце), а также образа птицы (орел, ястреб, сова), ассоциирующихся со специальностью социология.

«Цвет красный – реагирование на все процессы, происходящие в обществе» (жен., 19 лет).

«...Птица, а точнее орел, парящий высоко в небе. Всевидящий» (муж., 18 лет).

«Форма – круг с лучиками, то есть солнце» (жен., 26 лет).

Среди ответов участников часто встречались ассоциации с такими животными, как лев, тигр, лошадь, собака. Наличие представителей семейства кошачьих свидетельствуют о престижности и значимости данной специальности для общества. Лошадь и собака, как правило, ассоциируются с ровными и хорошо отлаженными процессами или явлениями [5, с. 140].

По мнению респондентов, специальность «Социология» позволяет человеку стать более целеустремленным, мобильным, активным, упорным, терпеливым, справедливым, а также развить в себе способность объективно воспринимать поступающую информацию и разрешать конфликтные ситуации.

Многие респонденты отметили, что специальность «Социология» приобретает все большую популярность и развивается не только за рубежом, но и в России. Благодаря взаимодействию социологии с другими науками растет количество отраслей, в которых применяются ее достижения. Это связано с происходящими процессами интеграции и дифференциации в научном знании.

«У нашей женщины много детей. Это ассоциируется с тем, что дети – это ее сферы деятельности, ее отрасли. Сколько детей, столько и отраслей. Их количество только растет и растет» (жен., 20 лет).

Исходя из ответов респондентов можно сделать вывод, что специальность «Социология» сегодня приобрела значимый статус среди других специальностей и позволяет получить престижное место работы.

«Специалист-социолог работает в крупной социологической фирме проектным менеджером, курирует проекты по маркетингу, социологии и PR. Состоявшаяся карьера» (муж., 21 год).

Таким образом, расширенная креативная группа позволила собрать необходимый объем информации для создания поквартального плана специальности «Социология».

Для определения эффективности будущей рекламы специальности было проведено тестирование поквартального плана методом фокус-группы, участниками которой стали студенты АГУ и АГТУ. В ходе данного исследования был получен большой эмпирический материал, определяющий уровень эффективности воздействия рекламной концепции. Результаты показали, что предложенный рекламный продукт имеет практическую целесообразность.

Применение качественных методов социологических исследований играет важную роль в рекламной деятельности. Способствуя выявлению глубинных мотивов, установок и мнений людей, качественные методы позволяют осуществить сбор большого объема эмпирической информации, используемой на всех этапах создания рекламного продукта, и тем самым повышают эффективность воздействия рекламы на сознание потребителей.

Библиографический список

1. Федотова, Л. Н. Социология рекламной деятельности [Текст] / Л. Н. Федотова. – М., 1999.
2. Гурджи, И. А. Проективные методики в качественных исследованиях [Текст] / И. А. Гурджи // Практический маркетинг. – 2000. – № 1.
3. Дэвис, Д. Исследования в рекламной деятельности: теория и практика [Текст] / Д. Дэвис. – М., 2003.
4. Хьелл, Л. Теория личности [Текст] / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб., 1998.
5. Мельникова, О. Т. Фокус-группы в маркетинговом исследовании [Текст] / О. Т. Мельникова // Методология и техники качественных исследований в социальной психологии. – М., 2003.

А.В. Барябин,

*аспирант кафедры социальной антропологии и социальной работы
Саратовского государственного технического университета*

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ РЕКЛАМЫ КАК ФЕНОМЕНА ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Изобретение печатного станка И. Гутенбергом, приравняемое сегодня к одной из глобальных революций в истории человечества и повлиявшее на распространение индивидуализма и рационализма [1], стало поворотной вехой в развитии рекламы как явления. Институционализацию рекламы в полном ее функциональном смысле связывают с формированием спекулятивного способа ведения хозяйства в условиях раннего капитализма. В настоящую индустрию реклама превращается на рубеже XIX–XX вв. с приходом культуры потребления. Ее профессионализация происходит с развитием культуры урбанизма и формированием массовой информации как явления. Приобретая убеждающий компонент, реклама действительно становится «двигателем торговли» и начинает развиваться в систему «погони» за покупателем [2–4]. Следующий этап в развитии рекламы как средства массовой коммуникации связан с появлением электронных СМИ, ставших неотъемлемым элементом глобализации и современного общественного развития [3].

Рекламная индустрия, использующая сегодня для продвижения своего продукта все существующие каналы массовой коммуникации, стала значимым фактором не только экономической, но и социальной жизни общества. Реклама, предлагающая себя человеку практически повсеместно и круглосуточно, превратилась в часть повседневности, в заметный элемент социокультурного пространства человека, став в связи с этим актуальным предметом исследовательского интереса социологов, стремящихся изучить социальную феноменологию рекламы, ее место и функции в социальной реальности.

Изучение функциональных возможностей рекламы как фактора повседневной культурной коммуникации дает возможность обнаружить скрытые эффекты воздействия рекламных продуктов на социум, что, в свою очередь, необходимо для осуществления социального контроля за их содержанием и распространением. Используя функциональные возможности рекламного канала коммуникации в экономических целях, создатели рекламной продукции, как правило, не учитывают социальный, психологический, моральный и эстетический эффект ее воздействия. Исследование регулятивных возможностей рекламной коммуникации оказывается особенно актуальным в связи с тем, что наиболее активным потребителем рекламной информации становится молодежь.

Изучение публикаций, посвященных данной проблематике, не позволяет сделать однозначный вывод о характере влияния рекламы как инструмента массовой коммуникации на социум. Не существует и однозначного общественного мнения по поводу рекламы как части повседневности. Немногочисленные отечественные и зарубежные исследования по этой проблеме показывают, что раздражение назойливостью рекламы и несоответствием ее содержания этическим и моральным критериям соседствует с убеждением в ее необходимости как источника полезной информации о товарах и услугах, а также индикатора существующей у потребителя свободы выбора [4–6].

Первичная функция современной рекламы – нести информацию о том или ином товаре и способствовать ее сбыту. Однако помимо данной эксплицитной функции реклама, как феномен массовой культуры, который сам становится предметом потребления, выполняет ряд социальных функций, имплицитно ей присущих как элементу массовой коммуникации. В ряду наиболее, с нашей точки зрения, социально значимых, следует выделить следующие функции рекламы, составляющие ее вторичный дискурс: отражение социокультурных изменений; содействие интеграции общества и его демократизации; содействие социальной самоидентификации; социализирующая функция; функция психосоматической регуляции. Рассмотрим содержательное наполнение этих функций более подробно.

Реклама предстает собой предмет исследовательского интереса социологов, поскольку фокусирует внимание на социокультурных изменениях: в ее содержании и используемых ею коммуникационных каналах отражаются в настоящее время социокультурные параметры информационного общества и последствия глобализации, ценности общества потребления и когнитивные принципы постмодерна. Л.Г. Ионин указывает на то, что особенности современной социальной рекламы могут достаточно лаконично отражать новую повседневность постмодерна. В качестве иллюстрации он приводит пример социальной рекламы, увиденной им в Германии. Рекламное сообщение на плакате представляло собой двуязычный лозунг: «Clean ist wieder in», что означает: «Чистота снова в моде». Л.Г. Ионин отмечает, что в столь коротком сообщении, имеющем гигиеническо-просветительские цели, отражены когнитивные принципы постмодерна: коллажный стиль, поскольку использован языковой коллаж; отсутствие метанарратива, повествующего о борьбе добра со злом, светлого с темным, чистоты с грязью. «Чистота снова в моде» – это не предписание, а информация, предлагаемая людям, которые сами выбирают свой образ жизни и моют руки, когда они этого хотят и если захотят. Мода – «непринудительная, плюралистическая институция», соответствующая когнитивному стилю постмодерна. Этот короткий гигиенический лозунг, с точки зрения Л.Г. Ионина, свидетельствует о присутствии новой, третьей повседневности, представляющей когнитивный стиль постмодерна, гораздо убедительнее, чем рассуждения об информационном обществе, компьютеризации, супертехнологиях и виртуальной реальности [7, с. 418–421].

Целесообразно отметить еще один аспект стимулирующего влияния рекламной индустрии на социальные науки. Стремясь получить доступ к чувствам,

мотивам и ценностям представителей различных социальных групп, она вынуждена инициировать социологические, антропологические и психологические исследования, позволяющие получить соответствующие знания. Тем самым рекламная индустрия способствует появлению инновационных методов исследований. Примером может служить разработанный в маркетинговых целях метод фокус-групп, который сегодня приобрел гораздо более широкий спектр применения в социальных исследованиях [8, с. 222].

Интегративная функция рекламы реализуется за счет того, что реклама, являясь в силу своей доступности самым «демократичным товаром», воспринимается индивидом как свидетельство общественной заботы о его желаниях и потребностях. Кроме того, реклама как индикатор изобилия и разнообразия товаров и услуг, вне зависимости от их доступности для каждого конкретного индивида, несет общую для них мораль нового «гуманизма» потребления, взамен пуританского потребительского нигилизма [9]. Однако очевидно, что реклама может провоцировать и противоположные интеграционным социальным процессам, формируя ментальную основу для социальных конфликтов, вызванных различным уровнем доступа к предлагаемым ресурсам потребления. Еще Роберт Мертон указывал на данный фактор как основу социальных девиаций [10].

Выделяя два вида коммуникации – иерархическую (с приоритетностью прямой связи, где используется в основном приказ) и демократическую (с приоритетностью обратной связи и убеждения), исследователи часто относят рекламные сообщения к демократической коммуникации [11, с. 39]. На наш взгляд, с этим сложно согласиться, поскольку только рекламодатель занимает в данной коммуникации активную роль, в то время, как пользователь является пассивным реципиентом информации.

В более позитивном ключе оцениваются социокультурные последствия включения в мировое коммуникационное пространство сети Интернет, расширившей еще в большей степени доступ людей к мировому культурному наследию, а значит, возможности повышать образовательный и профессиональный уровень. Интернет сделал более открытой и прозрачной деятельность правительств, различных ведомств и организаций. Позитивное влияние сети на рекламное производство связано с тем, что киберсреда способствует трансформации процесса коммуникации в сторону гораздо большей его интерактивности [12, с. 91]. Новые технические возможности компьютерных средств передачи информации, относительно доступное для всех коммуникативное пространство всемирной сети Интернет демократизировали информацию и знания, способствовали их проникновению в более широкие слои населения. Еще не получило социологической рефлексии появление гражданского маркетинга и специфической социальной рекламы в блогосфере. Обычные люди получили благодаря блогам и сайтам возможность продвигать замечательные идеи, бренды или продукты гораздо быстрее и шире, нежели традиционные СМИ. При этом информация гражданских маркетологов пользуется гораздо большим доверием, поскольку они создают рекламный продукт бесплатно и искренне с целью усовершенствования предмета их интереса [13].

Еще одна социальная функция рекламы связана с тем, что в обществе потребления вещи становятся различительными признаками для определенных статусных групп. Реклама, предлагая универсальную систему символов, используемых для маркировки социального статуса индивида, содействует социальной самоидентификации. Выбор под воздействием рекламы вещей, символизирующих определенный социальный статус, означает, что человек идентифицирует себя с той или иной вещью, удовлетворяя не только потребность в товаре, но и потребность в социальном признании, престиже [14, с. 47].

Применительно к молодежной аудитории рассмотренные функции рекламы приобретают более явный социализирующий вектор. Реклама для детей и молодежи выполняет социализирующую функцию, поскольку является значимым источником информации, конструирующим социальные роли и идентичности, и в частности молодежные и гендерные. Анализ вторичного дискурса рекламы показывает, к примеру, что образ мужчины в российской рекламе соответствует характеристикам компетентности, активности и рациональности. Женщина в отечественной рекламе, как правило, пассивна, эмоциональна и компетентна чаще всего на собственной кухне [15, с. 122; 16, с. 16]. Примененный автором к изучению рекламных сообщений, адресованных молодежи, метод структурного анализа [17] показал, что достаточно часто в них используется образ сексуально привлекательной девушки, однако только в качестве индекса, указывающего на высокий статус рекламного героя-юноши, наряду с такими предметами как, к примеру, плеер или мотоцикл.

Менее всего обсуждаемой является значимая, на наш взгляд, функциональная возможность рекламы как средства регуляции психосоматического состояния индивида. Реклама может рассматриваться как своеобразный механизм психологической защиты, инструмент, снижающий психологическое напряжение, поскольку она берет на себя функцию рационализации человеческих желаний, гедонистических мотивов и потребностей [10]. Однако все чаще сегодня отмечается негативное влияние рекламы на психическое здоровье подрастающего поколения и необходимость в связи с этим психологической экспертизы рекламных сообщений [18].

Совершенно другой аспект воздействия рекламы на аффективную сторону социальной жизни связан с тем, что реклама, являясь значимым элементом экологического пространства горожанина, в зависимости от ее эстетических характеристик может задавать уровень агрессивности среды, влияющий в свою очередь на уровень психического и физического здоровья горожанина [19, с. 541–571; 20, с. 271–290]. Проведенное автором интервьюирование представителей двух возрастных когорт – молодых и пожилых горожан – показало, что в восприятии респондентов (как пожилых, так и молодых людей) современная наружная реклама не прибавляет добротности и гармоничности образу городского окружения.

В заключение предпринятого анализа функциональных возможностей рекламы как феномена повседневной культурной коммуникации можно сделать вывод о амбивалентном характере регуляторных возможностей данного феномена массовой культуры. Потребление рекламного продукта имеет как позитивное,

так и негативное значение для каждого конкретного индивида, той или иной социальной группы и социума в целом, что, в свою очередь, зависит как от имманентно присущих рекламе латентных функциональных возможностей социального воздействия, так и от этических, моральных и эстетических характеристик содержания и формы каждого конкретного рекламного сообщения. Данное обстоятельство актуализирует необходимость социологической рефлексии социальных эффектов рекламной коммуникации в формате мониторинга, поскольку рекламный продукт отличается высокой степенью разнообразия с точки зрения содержания, целевой аудитории, используемых каналов коммуникации и времени его появления в пространстве повседневной коммуникации.

Библиографический список

1. *Ученова, В. В.* История рекламы, или Метаморфозы рекламного образа [Текст] / В. В. Ученова, Н. В. Старых. – М., 1999.
2. *Зомбарт, В.* Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь [Текст] / В. Зомбарт. – М., 2004.
3. *Лейн, У.* Реклама [Текст] / У. Лейн, Т. Рассел. – СПб., 2004.
4. *Бодрийяр, Ж.* Общество потребления [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М., 2006.
5. *Савельева, О.* Социология рекламного воздействия [Текст] / О. Савельева. – М., 2006.
6. *Толмачева, С. В.* Реклама глазами молодежи [Текст] / С. В. Толмачева, Л. Г. Генин // Социологические исследования. – 2007. – № 4. – С. 56–60.
7. *Ионин, Л. Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие [Текст] / Л. Г. Ионин. – М., 2000.
8. *Ильин, В. И.* Драматургия качественного полевого исследования [Текст] / В. И. Ильин. – СПб., 2006.
9. *Бодрийяр, Ж.* Система Вещей [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М., 2001.
10. *Мертон, Р. К.* Социальная структура и anomia [Текст] / Р. К. Мертон // Социологические исследования. – 1992. – № 3. – С. 104–114; № 4. – С. 91–96.
11. *Почецов, Г. Г.* Теория коммуникации [Текст] / Г. Г. Почецов. – М. ; Киев, 2001.
12. *Печенкин, В. В.* Информационные технологии в социальной структуре общества. – Саратов, 2001.
13. *МакКоннел, Б.* Эпидемия контента. Маркетинг в социальных сетях и блогосфере [Текст] / Б. МакКоннел, Дж. Хуба ; пер. с англ. А. В. Болдышевой. – М., 2008.
14. *Кляйн, Н.* No Logo: люди против брендов [Текст] / Н. Кляйн. – М., 2003.
15. *Юрчак, А.* По следам женского образа [Текст] / А. Юрчак // Женщина и визуальные знаки / под ред. А. Альчук. – М., 2000.
16. *Дударева, А.* Метаморфозы образа женщины в русской рекламе [Текст] / А. Дударева // Рекламный образ. Мужчина и женщина. – М., 2002.
17. *Морозова, И.* Рекламный Сталкер. Теория и практика структурного анализа рекламного пространства [Текст] / И. Морозова. – М., 2002.
18. *Курбацкая, Т. Б.* Психологическая экспертиза рекламы как фактор сохранения психического здоровья детей [Текст] / Т. Б. Курбацкая // Педагогическая диагностика. – 2007. – № 4. – С. 87–99.
19. *Яницкий, О.* Экологическая социология [Текст] / О. Яницкий // Социология в России / под ред. В. Ядова. – М., 1996. – С. 541–571.
20. *Филин, В. А.* Видеоэкология: Что для глаза хорошо, а что – плохо [Текст] / В. А. Филин. – М., 2001.

С.В. Путьятина,

*ассистент кафедры экономики и менеджмента
Саратовского института (филиала) Российского государственного
торгово-экономического университета*

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОБМЕН КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Все виды индивидуального, группового и массового социального поведения предполагают и включают в себя компоненты экономического обмена различными ценностями, благами, которые переходят от одних субъектов к другим. Способы же, технологии и предметы обмена могут быть самыми разными, как и те критерии и оценки, которые делают этот обмен возможным.

Акты экономического обмена осуществляются в режиме социального взаимодействия, представляющего собой систему дополняющих возможностей множества людей, которые ищут недостающие звенья в цепи средств достижения своих интересов и используют ресурсы, которыми обладают другие. Таким образом, любые виды социального взаимодействия, в какой бы форме они ни осуществлялись – традиционной, институциональной, спонтанной, представляют собой (явно или неявно, осознанно или неосознанно) поиск различных ресурсов, позволяющих реализовать тот или иной индивидуальный, групповой или массовый интерес.

Социальное вознаграждение при оценке эффективности обмена может пониматься очень широко. Им может быть любое благо: материальные блага, технологии их использования, эмоции, комфорт, знание, информация, уважение, обязательства, статус, власть, деньги – все то, что является предметом приращения возможностей тех, кто реализует свой интерес в системе социального взаимодействия. В этом смысле социальное поведение, направленное к социальному результату, всегда есть социальное отношение, опосредованное социальное взаимодействие, поскольку здесь индивид имеет дело не только с необходимыми ему социальными объектами (благами), но и с социальными институтами, «производящими» и контролирующими эти блага. Именно эта особенность социального взаимодействия дает основание рассматривать его как процесс некоторого сложного социального обмена [1, с. 14].

Любые блага общества являются предметами человеческих потребностей, интересов и вожделений, но особенно это относится к тем из них, которыми люди не обладают, однако желают получить. Эти желания перманентно сопровождают все человеческие действия и являются своеобразной функцией, задающей действиям определенную направленность, интенсивность и регулярность. В результате происходят взаимообмен, распределение и перераспределение благ, становящихся достоянием тех, кто стремится их получить.

Можно выделить множество цепочек и схем социально-экономического обмена, возникающих в системе человеческого взаимодействия, где функционируют различные критерии обмена, измерители и способы его оценки, позволяющие определить ценность, справедливость, эквивалентность и гарантированность распределения благ. Одни измерительные инструменты универсальны и применимы к оценке множества ситуаций и действий (например, деньги), другие функционируют только в определенных социокультурных групповых и личностных контекстах и не могут быть применимы во всех ситуациях. Встречаются такие схемы экономического обмена, которые труднообъяснимы для наблюдателей со стороны, так как последние не обладают пониманием ценностно-смысловых программ, определяющих конкретные принципы обмена. Такие схемы могут быть приемлемы для одних популяций и неприемлемы, а потому бессмысленны, и даже парадоксальны, для других.

Одна и та же ситуация рыночного обмена между работником и работодателем может интерпретироваться по-разному. Если стороны обмена, учитывая конъюнктуру спроса и предложения на рабочую силу, при оценке своих выгод базируются на одних и тех же критериях и ценовых ожиданиях, то можно предполагать согласованные действия сторон в процессе заключения контракта. Если же, например, со стороны работника доминирует императив профессионального этоса, обмен может вообще не состояться. Это объясняется тем, что падение рыночной цены на рабочую силу (особенно в зоне высококвалифицированного труда) не всегда и не обязательно предполагает согласие с данной ценой работников, которые могут и не заключать невыгодных для них сделок.

Существуют ситуации, когда вообще невозможно прогнозировать взаимовыгодность экономического обмена:

при сравнении неповторимых и взаимно незаменимых личностных смыслов обменивающихся индивидов;

в процессе взаимоприспособления ценностей, которые в большинстве своем не могут быть проранжированы на основе некоторого правила, общего для участников социального взаимодействия;

при интерпретации императивных моделей социального поведения, заранее предполагающей несимметричный обмен на основе альтруизма или нравственного долга и т.д. [2, с. 154].

Таким образом, экономический обмен в качестве формы социального взаимодействия в конкретных индивидуальных случаях понимается в весьма широком диапазоне значений, что в зависимости от ситуаций предполагает различные стратегии поведения. Они базируются как на универсальных принципах, процедурах измерения и оценках, так и на узколокальных критериях и измерителях, к которым нельзя подобрать общезначимые заменители.

Базовыми составляющими экономического обмена, неважно, в каких формах он осуществляется, являются субъекты, объекты и предметы обмена.

Субъекты обмена – преследующие свои интересы индивиды, группы, организации, которые сознательным (рациональным), традиционным образом вступают в обменные отношения, предполагая получить определенные выгоды или средства приращения своих возможностей. Объектами обмена являются цен-

ности, ресурсы, возможности, которыми обмениваются субъекты, предполагающие реализовать свой интерес в системе различных социальных взаимодействий. Предметами обмена выступают выгоды (реальные либо мнимые), которые ожидают и предполагают получить субъекты, вступающие в обменные отношения.

Акту экономического обмена предшествует поиск таких партнеров, которые обладают свободными объектами для обмена; желают (предполагают) эквивалентно их обменять; предоставляют явные или косвенные гарантии того, что они этими объектами обладают и намерены их обменять.

Основой социального обмена являются не только потребность и желание обменяться ресурсами, но и достижение эквивалентности обмена. Эквивалентность обмена – это такое перераспределение объектов и предметов обмена, которое субъективно удовлетворяет обе стороны; приносит им справедливую выгоду; тем или иным образом оценивается (измеряется); гарантирует, что данный обмен будет эквивалентным и в будущем.

Основная проблема экономического обмена – поиск критериев и методов оценки эквивалентности (справедливости) распределения и перераспределения ресурсов и выгод между партнерами. Существуют различные методы измерения и оценки эквивалентности социального обмена, которые подразделяются на количественные и качественные.

Количественные методы измерения предполагают использование универсальных измерителей, базирующихся на так называемых «объективных» эталонах и шкалах. Разумеется, что эти шкалы относительны и являются результатом научной и социальной конвенции. Но если они принимаются в качестве общепринятого средства, то становятся неким объективным инструментом социальных измерений. Речь идет об измерителях различных параметров физических предметов, процессов и явлений, которые могут быть объектом экономического обмена (меры длины, веса, площади, объема, счета, времени). Это первая группа количественных измерителей экономического обмена [3, р. 128]. Вторая группа количественных измерителей используется в процессе обмена экономическими ресурсами (товарами), которые оцениваются в ценах и деньгах. Цены и деньги – универсальные измерители ценности экономических благ, позволяющие сравнивать и соотносить их друг с другом в процессе рыночного (экономического) обмена.

Качественные методы измерения объектов и предметов экономического обмена используют множество субъективных, intersубъективных и нормативно-аксиологических эталонов и шкал. Они не сводимы друг к другу и являются результатом функционирования различных культур и субкультур, в рамках которых они только и могут действовать.

Критериями оценки, измерения и социальной эффективности экономического обмена могут быть морально-нравственные, правовые нормы и принципы, профессиональные, экономические и научные ценности, политические предпочтения, религиозные пристрастия, этнические стереотипы.

Социальный арбитраж, то есть посредническая деятельность по поводу оценки справедливости социального обмена, является одним из факторов поддержания

равновесия интересов обменивающихся сторон. Арбитражные разбирательства (институт арбитража) – весьма древнее явление. Функционирование этого института говорит о том, что идеальных методов измерения и оценки эквивалентности (справедливости) социального обмена не существует, а преодоление неизбежных конфликтов между обменивающимися сторонами способствует созданию цивилизованных форм согласования спорных вопросов. Институт арбитража функционирует в самых разнообразных формах: субъективно-личностных (человеческая совесть), групповых, традиционно-бытовых, патриархально-семейных и нормативно-правовых (судебные разбирательства).

Несмотря на существование многочисленных измерителей экономического обмена любой человек сталкивается с проблемой сопоставимости различных измерительных шкал. Он находится в перманентном поиске оптимальных схем практического применения индивидуально-личностных, групповых и социальных измерителей (критериев) социального взаимодействия с целью приспособления своих интересов к интересам других людей. Данную проблему с различной степенью успешности «стараются решать» не только отдельные индивиды, но и социальные группы, организации, социальные популяции и общности.

Антиномии социального взаимодействия, которые возникают в случае несопоставимости шкал и измерителей экономического обмена, попытался раскрыть Ю. Хабермас в своей теории коммуникативного поведения. Он выделил три уровня социального взаимодействия в современном обществе [3, р. 128].

Первый уровень включает специфические механизмы регуляции человеческого поведения при помощи таких средств, как власть и деньги. По Хабермасу, они относятся к универсальной сфере телеологического поведения, реализуемого в так называемом «системном мире», в котором царят деловые отношения рационального, инструментального типа [3, р. 129]. Эти отношения носят анонимно-формализованный характер и приобретают все большее значение в координации поведения.

Второй уровень социального взаимодействия реализуется в социальном мире, где господствуют нормы и оценки, которые являются своеобразной точкой отсчета в регламентации человеческих действий. Если в первом случае доминирует индивидуалистическая парадигма, в центре которой находится сознательно рассчитывающий, максимизирующий свою выгоду индивид, то во втором речь идет о социализированном человеке, который действует, исходя из ожиданий других людей или из норм и оценок, разделяемых обществом.

Третий уровень социального взаимодействия – экспрессивное (драматургическое) действие, в котором индивид выражает и презентует себя самого. Эта поведенческая парадигма изначально соотносится не с отдельным человеком и не с участниками социальной группы, а с участниками взаимодействия, образующими друг для друга публику, перед которой они представляют самих себя.

Таким образом, современный человек действует в трех «расколотых мирах», которые несут различную смысловую нагрузку и несопоставимы друг с другом. Парадокс современности, по Хабермасу, заключается в том, что рационализация жизненного мира конкретного человека сделала возможным возникновение и

рост подсистем, императив которых часто оказывает разрушительное воздействие на индивидуальный жизненный мир личности. Так, рыночный обмен, где доминируют денежные, рациональные элементы, подчиняет и координирует все большее число человеческих действий и порождает, с одной стороны, их унификацию и стандартизацию, расширяя возможности человеческого поведения, с другой же – нивелирует личностное начало, разрушая его уникальность и неповторимость [3, р. 130].

Следует отметить очень важный аспект, который демонстрирует антиномичность реального человеческого поведения, в том числе экономического. Рационально действующий субъект зачастую не может ориентироваться на ценности своего жизненного мира, диапазон действия которых определяется ареалом восприятия его повседневного окружения. Жизненный мир человека сужает его возможности. На определенной стадии существования всегда возникает дилемма: или конкретный человек преодолевает ограниченные рамки своего индивидуального жизненного мира, включаясь в «объективный» мир, где конкретная сфера его восприятия и ценности занимает свое скромное место в общей структуре детерминации социальной жизни, или этот жизненный мир, несмотря на его уникальность, становится препятствием, ограничивающим альтернативы его поведения ценностями и технологиями, которые несводимы к общезначимым.

Из жизненного мира конкретного человека не всегда могут выводиться универсальные (рациональные и инструментальные) критерии социального, в том числе экономического, поведения, так как действия экспрессивного типа не имеют общезначимых измерителей [4, с. 166].

Отсюда вытекают противоречия между «традиционной» коммуникацией, связанной с интересубъективной сферой жизненного мира каждого конкретного человека (семья, родство, дружба, этничность), и растущей сложностью подсистемы целерациональных, инструментальных действий (формализованных и анонимных), которые координируются при помощи таких средств, как власть и деньги. Это – фундаментальная проблема современного рыночного общества, которая не имеет однозначного решения.

Библиографический список

1. *Наумова, Н. Ф.* Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения [Текст] / Н. Ф. Наумова. – М., 1988.
2. *Норт, Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Текст] / Д. Норт. – М., 1997.
3. *Habermas, J.* Theorie des Kommunikativen Handelns [Текст] / J. Habermas. – Fa.M., 1981. – Vol. 1.
4. *Хайек, Ф.* Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма [Текст] / Ф. Хайек. – М., 1992.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

УДК 11/12
ББК 87.3

В.Н. Гасилин,

*доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии Поволжской академии
государственной службы им. П.А. Столыпина*

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первая статья по этой проблематике нами была опубликована 15 лет назад. Цель работы – подвести итоги проделанных исследований и наметить перспективы на будущее, что позволит более четко выстроить предложенный концептуальный подход и обозначить его дальнейшее развитие.

За истекший период указанная проблематика достаточно активно исследовалась. Если раньше проблемы идентичности и идентификации человека разрабатывались в основном в психологии, то в настоящее время проблемное поле значительно расширилось. Да и нами был пройден определенный исследовательский путь, отраженный более чем в двух десятках публикаций, из которых наиболее значимые приведены в библиографическом списке [1–5].

Мы стремились придать понятиям «идентичность» и «идентификация» статус универсальных философских категорий. Основными идеями явились следующие. Было осознано, что отождествление человека с чем-то или с кем-то есть процесс выделения человека из мира (процесс идентификации), результатом чего и становится соответствующая идентичность человека. Далее было введено различие между индивидуальной и социальной идентификациями. Вначале же усилия были сосредоточены на проблемах эволюции идентификации и идентичности человека в истории человечества, при этом выделялись три основных способа идентификации: соматический (телесный), национальный (психический) и универсальный (личностный). Консолидирующую роль, закрепляющую данные способы идентификации человека, играли соответственно: ранние формы религии, национальные (национально-государственные) и мировые

религии, причем возникновение последующих способов идентификации не исключает полностью предыдущих, которые продолжают существовать, входя в сложную систему взаимодействия с последующими способами идентификации.

Выделение способов идентификации, как сейчас представляется, является достаточно общим и в силу этого в определенной степени ограниченным. Тем не менее данная схема, задающая общий каркас эволюции идентификации и идентичности человека, обладает определенными объяснительными возможностями. Укажем только на одно из последних исследований Н.Б. Зазаевой, касающихся эволюции философско-правовых форм в истории человеческого общества [6]. Впрочем, ранее под моим руководством были выполнены социологические исследования, в которых данная схема была применена для изучения особенностей личности государственных служащих и менеджеров [7, 8].

Следующим шагом явилось дополнение указанной схемы выделением идентификации и идентичности человека на основе выполнения им *социальных ролей* и вписание их в конкретно-исторический контекст. Действительно, выполнение социальной роли оказывает заметное влияние на своеобразие личности, отделение от других людей, от окружающего мира. Это касается как индивидуальной идентичности, так и социальной. Индивидуальная идентичность человека зависит от половозрастных, профессиональных и других социальных ролей. Очевидно, что человек одновременно играет несколько социальных ролей и меняет их как в настоящее время, так и на протяжении жизни. Социальные роли определенным образом взаимосвязаны, взаимодействуют между собой, определяя своеобразие идентичности, причем одна или несколько социальных ролей имеют для человека более важное значение, чем другие, и, следовательно, оказывают на его идентичность более серьезное влияние.

Актуальной проблемой дальнейших исследований остается выяснение особенностей взаимосвязи, взаимодействия социальных ролей, при влиянии которых формируется идентичность человека. Легко заметить, что вся совокупность социальных ролей, выполняемых человеком, образует некую иерархию. На вершине этой пирамиды располагается наиболее значимая для человека роль (роли). В результате допустимо, на наш взгляд, ввести аксиологический критерий, критерий ценности той или иной социальной роли, выполняемой конкретным человеком в определенный период его жизни. Такой подход не только открывает возможность для дальнейших теоретических исследований иерархии социальных ролей, влияющих на формирование идентичности, но и позволяет проводить конкретные социологические исследования данной проблематики.

Правда, методика подобного рода исследований нуждается в совершенствовании и должна применяться с долей известного скепсиса. Об этом свидетельствует попытка Э.С. Кульпина [9], задавшегося целью выявить систему основных ценностей россиян и обратившегося к группе ученых из Психологического института Российской академии образования о проведении подобных исследований. Примечательно, что исследовались коллективные ценности и соответственно коллективная идентификация. В *методологическом* отношении это не имеет принципиального значения для исследования индивидуальных ценностей и соответственно индивидуальной идентичности. Полученные результаты

показали, что выявленный социальными психологами и социологами набор основных ценностей не полностью совпал с набором ценностей и соответственно с их иерархией, выявленных историческим анализом. Почему?

Аксилогический критерий предполагает также учет мировоззрения человека и его принадлежности к определенным социальным группам, особенно тем, которые являются для него референтными. Ценности составляют одну из частей мировоззрения, но не следует забывать, что и само мировоззрение влияет на систему ценностей и не только как на свою часть. Для человека, наделенного волей, открывается возможность *выбора* мировоззрения и его корректировки в соответствии со своими взглядами, потребностями, интересами, устремлениями. Влияние референтности социальной группы на идентичность человека вполне очевидна: в эту группу он стремится попасть, быть ближе к ней, быть «похожим» на ее членов. В референтной группе он черпает основополагающие ценности, идеалы и прочее.

Следующим важным шагом в разработке концепции идентификации и идентичности человека явилось введение понятия *мнимой идентичности* и соответственно *мнимой идентификации*. Мнимая идентификация реализуется, когда человек стремится попасть в референтную для него группу, в которую он попасть не может. Он усваивает чисто внешние признаки членов этой группы, приобретая мнимую идентичность. В этом случае человек полагает, что он, выполняя соответствующие социальные функции, играет в культуре роль, которую он в силу своих свойств играть не может. Этот человек *воображает* себя членом референтной группы, живет этим воображением. Он способен усвоить какие-то внешние и, может быть, случайные особенности иной идентификации референтной группы, и в этом смысле возникает извращенный образ идентичности.

Отличительная особенность мнимой идентификации – ее «извращенный» характер. Понятно, что степень этой извращенности может быть различной. Другой отличительной особенностью мнимой идентификации является *игровой* характер. Человек играет несвойственную ему социальную роль. Главными признаками любой игры являются следующие: игра свободна, она есть свобода и игра есть «обыденная жизнь», как утверждает И. Хейзинга. Стремление вырваться за пределы обыденности, устоявшегося обрести свободу и толкает человека к игре, а значит, и к мнимой идентификации. Истоки мнимой идентификации – в игровой деятельности. Игра всегда связана с фантазией, с «понарошку», «как будто». Но это ни в коей мере не исключает «серьезности». В этом отношении мнимая идентификация для человека столь же «серьезна», как и действительная, обуславливающая сущностные свойства человека.

«Избранное меньшинство», элита в понимании Х. Ортеги-и-Гассета, ответственна за прогресс человеческого общества и культуры. Имеются в виду люди, которые не желают поддаваться «массовости», те люди, которые создающие новые культурные ценности. Создание новых элементов культуры – это прежде всего выход за пределы культуры существующей. Такая трансценденция возможна при изменении способа и форм идентификации человека. Подобного рода изменения происходят на протяжении жизни человека: скажем, измене-

ния при переходе от детства к юности, изменения, связанные с вхождением человека в новые социальные роли, и другие. В отношении «элитарного» человека отличительной особенностью является создание новых способов и форм идентификации. В этом они отличаются от уже существовавших способов идентификации человека, которые обуславливают овладение человеком существующей культурой, культурными ценностями, формами поведения и деятельности, иначе говоря «культурным образованием». Новые способы, формы идентификации связаны с *производством* культуры. Таким образом, производство «элитарным» человеком новых способов и форм идентификации обогащает культуру, его внутренний мир.

Понятие мнимой идентификации оказывается применимым не только для анализа человека в массовой культуре, но в аспекте проекта «быть Богом» (Ж.П. Сартр). Реализация этого проекта нередко осуществляется в извращенных по отношению к этому идеалу формах. Невозможность реализовать свои возможности в полном объеме рождает формы, которые являются антисоциальными или антигуманными (тип Гитлера, Сталина). Таким образом, следует выделить как «*отрицательную*», так и «*положительную*» мнимую идентичность человека, связанную с новациями в культуре. Можно предположить, что в истории человеческого общества мнимая идентификация существовала давно. Но только с развитием массовой культуры она приобретает широкое распространение.

Человек, осуществляя свой жизненный проект и чувствуя в себе возможности «стать Богом», становится «Богом», идентифицируя себя не просто как творца, а как деятеля, который «может все». Но при этой позиции забывается, что Бог не только «может», но и ответствен за то, что он совершает. А это означает, что данный человек не преодолевает то «между», в котором находится современный человек, и в данном случае идентификация человеком самого себя как идеала является мнимой идентификацией.

Появление выдающихся деятелей культуры, общественных деятелей обусловлено не только «объективными» обстоятельствами «нужности», необходимости данного человека и соответствующих его способностей. Целесообразно, исходя из анализа биографии выдающегося деятеля, учитывать и его особенности идентификации, в том числе и мнимой.

Выдвигая идею и понятие мнимой идентификации человека, следует осознавать, что мы сталкиваемся с непростой проблемой – проблемой *критериев* указанной мнимости. Полагаем, что на данном уровне исследований таким критерием может служить экзистенциальный характер проблем, которые стремится решить человек в рамках определенной культуры. Не настаивая на безусловности сформулированного положения, обращаем внимание на необходимость дальнейших исследований, которые могут явиться эффективным способом объяснения разнообразных явлений истории и культуры, а также свойств и особенностей человека.

Особое значение для дальнейшей разработки концепции играло введение связи идентификации и идентичности человека с аксиологической и временной проблематикой. Мы предложили выделить три основополагающих аспекта цен-

ностных ориентаций человека: 1) ценностные ориентации на прошлое, 2) ценностные ориентации на настоящее и 3) ценностные ориентации на будущее. Следует подчеркнуть, что это новый уровень ценностных ориентаций, который отличен от системы наличных ценностей человека. Именно этот уровень определяет реализацию системы ценностей. Такого рода ценности можно назвать *метаценностями*. При этом в структуре наличных ценностей они одновременно являются и рядоположенными с ними и отличаются от них лишь по своей значимости во временном аспекте. Если, например, доминирующей ориентацией человека является ориентация на прошлое, то именно эти ценности для него являются наиболее значимы и именно они определяют всю систему ценностей человека.

Можно выделить три типа людей в зависимости от того, какая ценностная ориентация у них преобладает: во-первых, люди, в основном ориентированные на ценности прошлого; во-вторых, люди, в основном ценящие то, что есть сейчас; в-третьих, люди, полагающие главными ценностями те, которые будут достигнуты в будущем. Это три *идеальных типа*, которые совершенно по-разному ориентированы в своей жизни. В общих чертах данные ориентации можно описать следующим образом.

Люди, ориентированные на ценности прошлого, являются носителями того, что уже было; они трансляторы прошлого опыта. Они полагают, что настоящее и будущее, как человека, так и общества, невозможно без воспроизведения и устойчивого функционирования прошлого опыта. Это – люди традиции, традиционалисты в лучшем смысле этого слова. Для них настоящее и будущее являются продолжением прошлого. В прошлом есть исток того, что есть сейчас и будет завтра, и только прошлое имеет значение и обладает ценностью.

Люди, ориентированные на ценности настоящего, целиком сосредоточены на их достижении именно сейчас. Это люди, живущие нынешним моментом и нацеленные на решение именно сиюминутных проблем. Это в определенном смысле «резвые» люди, поскольку полагают, что есть «только миг», в котором мы и живем, а все остальное либо ушло, либо еще не пришло. Иными словами, это люди, решившие «парадокс времени» в пользу подлинной реальности только настоящего. Это люди, добивающиеся своих целей и решающие свои проблемы только применительно к настоящему моменту времени.

И наконец, люди, ориентированные на ценности будущего, – это люди, принявшие определенные цели, находящиеся в будущем, и живущие тем, чтобы добиться этих целей. Их цели – идеалы, а их деятельность направлена на достижение этих идеалов, при этом значимо, достигим ли соответствующий идеал при жизни человека, или он достигается в будущем.

Повторим, что выделенные типы людей являются идеальными типами, которые редко встречаются в реальной жизни. Идеальный тип ценностной ориентации – это *фанатичный* тип. В качестве примера людей, ориентированных на прошлое, можно привести фанатичного традиционалиста; в XIX в. это фанатичные «славянофилы» или «почвенники», в современной России – традиционалисты типа А. Дугина и его последователей. В качестве примера людей, ориентированных на настоящее, можно указать на бандита, живущего настоя-

щим днем; к этой же категории можно отнести и множество маргиналов. Ну и, наконец, люди, живущие ориентацией на будущее, могут быть разделены на две группы. Во-первых, это фанатики, которые несмотря ни на что стремятся добиться своей цели: будь то построение коммунизма или достижение Царства Божия на земле, а также утверждения в качестве ведущего религиозного фундаменталистского миропорядка. Во-вторых, это те фанатики, которые «мирно» верят в то, что «лучшая жизнь» в будущем, и всеми силами готовятся к этой жизни. Есть еще одна категория людей, у которых сильна ценностная ориентация на будущее, творцы это.

Ряд исследователей заявляют о тождестве между идентификацией человека и самосознанием. На наш взгляд, это скорее недоразумение, поскольку самосознание есть сознание самого себя, своего Я. Но формирование своего Я не сводится только к сознанию, оно, как это было хорошо показано в XX в., связано и с бессознательным, играющим в человеческой жизни не меньшую роль, чем сознание. Эта проблематика связана в первую очередь с работами З. Фрейда, а также К. Юнга.

У Фрейда «Я» принадлежит к сфере предсознания (как и мышление, память; «первая психоаналитическая система»). У Юнга наряду с индивидуальным бессознательным введено понятие *коллективного* бессознательного, откуда возникает возможность дальнейшей интерпретации коллективной идентификации. Ф. Капра, ссылаясь на представителей когнитивной лингвистики [10], полагает, что «наше мышление по большей части бессознательно и оперирует на уровне, не доступном обычному сознательному осмыслению. Такое «когнитивное бессознательное включает в себя не только все наши автоматические когнитивные операции, но также и наши подсудные знания и убеждения. *Без участия нашего сознания когнитивное бессознательное формирует и структурирует все сознательное мышление*» (выделено нами. – В.Г.) [11, с. 84]. Э.С. Кульпин полагает, что «самосознание присуще человеку как индивиду, но не определяет все области поведения» [9]. Он не согласен с К. Юнгом в том, что оно присуще коллективному существу. Носителем коллективного бессознательного является не какое-то абстрактное «коллективное существо», а, как писал К. Юнг, архетипы, особые элементы, присущие психике всех людей. Сложность для дальнейших размышлений заключается в том, что архетипы невозможно выразить с помощью понятий, они постигаются посредством интуиции. А ведь именно архетипы ответственны за специфику «Я». Здесь открывается широкое поле для дальнейших исследований социальной идентификации.

В этом отношении нам импонирует позиция Я. Ассмана. Во-первых, он четко разделил индивидуальную идентичность и личную идентичность [12, с. 14]. Однако трудно согласиться с пониманием личной идентичности, которое предлагает автор. Разделяя личную или индивидуальную идентификацию, он не предполагает, что носителем социальной идентификации выступает коллективное бессознательное, как это было у Юнга. Существуют ли архетипы? Вопрос, не имеющий, казалось бы, эмпирической проверки. Всей своей научной деятельностью К.Г. Юнг показал, что они есть в реальности. Действительно, если существует индивидуальное бессознательно, как доказывал З. Фрейд, то логично

предположить и существование коллективного бессознательного, носителем которого являются «таинственные» архетипы.

В данном случае интересен не сам факт «присутствия» коллективного бессознательного, что, несомненно, является проблематичным, а его влияние на процесс идентификации человека. Полагаем, что индивидуальное бессознательное влияет на процесс идентификации не меньше, а может быть, и больше, чем на идентичность человека. Тогда можно предположить, что коллективное бессознательное должно оказывать существенное влияние на то, как осознают себя люди, принадлежащие различным социальным группам. Представляется, что это является перспективным направлением исследований: какое место в процессе идентификации занимает бессознательное. Полагаем, что существенное и не меньшее, чем сознательное. Еще одно перспективное направление исследований призвано ответить на вопрос о происхождении архетипов: откуда они взялись и почему? Разрешение этой проблемы позволит ответить на вопрос о происхождении «Я», индивидуальной и коллективной идентичности и идентификации человека. Фактически это должен быть ответ на вопрос не только о происхождении сознания, самосознания человека, но происхождении человечества и его эволюции.

Есть еще одно направление, связанное со *смыслом*, ведь наше осознание себя всегда предполагало, что мы именно *осознаем* себя, то есть стремимся выразить это осознание в каких-то рациональных, понятийных формах. Но следует задуматься над тем, а являются ли рациональные формы только выразимыми с помощью понятий? Это вера, которая доминирует в Новое время. По нашему мнению, перспективным направлением исследований мнимой идентификации и идентичности может стать исследование смысла в русле феноменологической философии. Действительно, Э. Гуссерль задумался о том, как «добраться до самих вещей», как выразить их смысл адекватно, то есть достигнуть их сущности. С этого, собственно, и началась философия, как ее задумали греки.

Библиографический список

1. *Гасилин, В. Н.* Становление человека и проблемы идентификации [Текст] / В. Н. Гасилин // Человек. Культура. История: сб. статей / под ред. В. Н. Гасилина. – Саратов, 1993. – С. 4–12.
2. *Гасилин, В. Н.* Человек, культура, идентификация [Текст] / В. Н. Гасилин // Человек в современных философских концепциях : мат-лы Междунар. науч. конф. (Волгоград, 17–19 сентября 1998 г.). – Волгоград, 1998. – С. 254–261.
3. *Гасилин, В. Н.* Культура и проблемы идентификации человека [Текст] / В. Н. Гасилин // Бренное и вечное: проблемы функционирования и развития культуры : Всерос. науч. конф., 24–26 октября 2000 г. : тезисы докладов и выступлений. – Великий Новгород, 2000. – Вып. 3. – С. 9–10.
4. *Гасилин, В. Н.* Система ценностей и идентификация человека [Текст] / В. Н. Гасилин // Человек в современных философских концепциях : мат-лы III Междунар. науч. конф., Волгоград, 14–17 сентября 2004 г. : в 2 т. – Волгоград, 2004. – Т. 2. – С. 289–294.
5. *Гасилин, В. Н.* Ценности и идентификация человека [Текст] / В. Н. Гасилин // Философия, человек, цивилизация: новые горизонты XXI века. – Саратов, 2004. – Ч. 2. – С. 89–93.
6. *Зазаева, Н. Б.* Онтологическая сущность права: антропологическо-ценностный подход [Текст] / Н. Б. Зазаева ; под ред. В. Н. Гасилина. – Саратов, 2005.

7. Мамлина, Е. А. Процесс идентификации личности государственного служащего в условиях современной России [Текст] : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Е. А. Мамлина. – Саратов, 2004.
8. Любенко, Д. Л. Воздействие социального образа профессии на управленческую активность менеджера [Текст] : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Д. Л. Любенко. – Саратов, 2003.
9. Кульпин, Э. С. Становление системы основных ценностей российской цивилизации [Текст] / Э. С. Кульпин // Россия как цивилизация: устойчивое и изменчивое / отв. ред. И. Г. Яковенко. – М., 2007. – С. 195–196.
10. Lakoff, G. Philosophy in the Flesh [Текст] / G. Lakoff, M. Johnson. – N.Y., 1999.
11. Капра, Ф. Паутина жизни: новое научное понимание живых систем [Текст] / Ф. Капра. – Киев, 2002.
12. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности [Текст] / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М., 2004.

УДК 101.1:316.722
ББК 60.022

Е.Д. Зарова,

*преподаватель кафедры философии Поволжской академии
государственной службы им. П.А. Столыпина*

ОБРАЗЫ «ДРУГОГО» В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПРИОРИТЕТОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Для современных международных отношений характерна тенденция конструирования цивилизационной идентичности за счет противопоставления себя «Другим» цивилизациям и культурам. При этом создаваемые образы «Другой цивилизации» очень часто далеки от их реальных прототипов. Государства, формируя собственную идентичность, создают различные мифы – мировоззренческие, политические, социальные – о других странах, как правило, с целью позиционирования себя в качестве наилучшей модели общественно-политического устройства, противостоящей несовершенным обществам. Подобная ситуация складывается у многих западных стран по отношению к России, которая воспринимается ими как цивилизационный «Другой». Следовательно, для России в целом и для каждого россиянина важно иметь представление о том, какие мифы-образы создаются о стране в мировом сообществе, каковы причины и механизмы их формирования. Исходя из этого, можно объяснить отношение различных стран к России и строить соответствующие модели, разрабатывать стратегии взаимодействия с данными государствами или цивилизациями.

Почему в обществах всегда существуют «истории» о «Других»? Возможно, это глубинное свойство человеческой психики – познать самого себя через изучение другого. Создавая историю о себе, необходимо «рассказать» мифы о других. «Именно при столкновении с Другим возникает борьба за Свое, понимание Своего, развитие Своего» [1, с. 29]. Идентичность формируется при отделении и противопоставлении себя «Другим», приобретающим характеристики «чужих», «непонятных» и, скорее всего, враждебно настроенных. Только при наличии инаковости личность или цивилизация могут выделить себя из «окружающей среды» и сформировать неповторимую идентичность. Более того, путем создания своеобразных мифов, в частности формирующих цивилизации, достигается эффективное функционирование механизмов управления обществом.

Если обратиться с данными идеями к изучению межкультурных отношений, то можно заметить, какую значительную роль играют образы «Востока» в формировании идентичности «Запада». Об этом рассуждают исследователи направления «ориентализм»: Э. Саид, Г. Спивак, Т. Асада, Х. Тиффин, А. Ахмад и другие.

Э. Саид пишет, что «Orient» («Восток») является устойчивым элементом западной «воображаемой географии» [2], поэтому ориентализм как научный конструкт может больше рассказать о самом Западе, чем о Востоке. Ученый считает, что противопоставление Востока и Запада служит вариантом оппозиции «мы – они», а западное представление о себе формируется при сопоставлении с им же конструируемым образом Востока, который наделяется «репресированными» качествами Запада.

Важно отметить, что «Восток» используется как социальный маркер независимо от географического положения: так, Башкортостан географически расположен восточнее Татарстана, однако башкиры представляют татар как «восточный» народ. «Восток» теряет реальное географическое положение и становится обобщенным конструктом в формировании европейской идентичности.

Интерес к внешнему, к «Другому» возникает также тогда, когда внутри «Себя» как системы назревает кризис. В данной ситуации актуальным становится обращение к образу жизни, мыслей, чувств «Другого». Теперь его качества кажутся скорее пока непонятными, чем отрицательными, часто загадочными, непостижимыми, хранящими в себе какую-то тайну, а потому – привлекательными. Возникает стремление перенять, скопировать особенности, традиции и обычаи «Другого». Рассматривая в данном контексте специфику формирования западной цивилизации, конструирующей свою «я-идентичность», становится понятным определенный интерес и обращение Запада к Востоку. Запад, на протяжении многих веков являвший миру новые культурные образцы и модели образа жизни, мировоззрения, сегодня испытывает недостаток в революционных моделях в культуре. В обществе возникает ощущение, что все уже придумано и изобретено когда-то, что любое новое – это лишь хорошо забытое или слегка переделанное старое. В такой ситуации духовного и интеллектуального голода возникает потребность обратить внимание на образцы культуры других цивилизаций. Отсюда – популярные на Западе в XX в. восточные вея-

ния, такие как дзенбуддизм, медитация, йога, восточные единоборства, восточная кухня, феншуй, мультфильмы-аниме и многое другое.

Таким образом, применяя идею о том, что фундаментальным условием формирования и существования любого «Я» (личностного, коллективного, цивилизационного) является наличие одного или нескольких «Других», к анализу таких устойчивых конструктов, типов цивилизаций, как «Запад» и «Восток», можно сделать вывод, что они необходимы друг другу, подобно «Я» и «Другому». В настоящее время актуальной представляется формула «Нет Востока без Запада и нет Запада без Востока», заменившая одностороннюю схему «Запад есть Запад, Восток есть Восток».

Познавая «Восток», «Запад» тем самым осознает себя, и наоборот. Конечно, в данном случае необходимо учитывать условность приведенных конструктов, так как в реальности имеет место их неоднородность. Кроме того, западные элементы проникают во все большее число незападных дискурсов, что усложняет процесс отделения западных по типу обществ от незападных. Глобализация мирового сообщества привела также к трансформации значения такого понятия, как «Европа», представляющего собой собирательный образ, воплотивший во многом разные государства и культуры.

Но относится ли к числу европейских по типу цивилизации государств Россия? Данный вопрос является остро дискуссионным уже долгое время, причем как внутри самой России, так и в западных странах. По-прежнему центральной темой в российском дискурсе остается европейская тема. И наоборот, особое место в европейском дискурсе занимает российская тема.

Норвежский исследователь И. Нойманн обсуждает европейский дискурс о России: «Помимо ее исключительной значимости для всего дискурса о формировании европейской идентичности, вопрос о том, относится ли Россия к Европе, – это центральный компонент непрекращающегося дискурса о системе европейской безопасности» [3, с. 99]. Чтобы обозначить всю сложность данной проблемы, необходимо проанализировать основные представления Европы о России, возникающие по мере их взаимодействия на протяжении нескольких сотен лет.

Начиная с периода Московского царства и до Петра I существовало три темы, сообразно с которыми строились представления о России у Европы: тема христианства, государственного строя и цивилизованности русского народа. В целом выстраивалось представление, согласно которому в этих трех аспектах в отличие от Европы русские неполноценны. Так, в плане цивилизованности русские рассматривались как отсталый, варварский народ. Данная идея перекликалась с устоявшимся образом «немытой России», при этом «немытость» понималась не только и не столько как нечистоплотность, а как некультурность и необразованность, дикость. В связи с этим российский политолог О. Матвейчев отмечает: «Равенство чистоты и культуры, как и вырастающий из этого равенства расизм... – базовое убеждение западной цивилизации» [1, с. 8]. Данный образ является ярким примером искаженных представлений, которые создавались и создаются о потенциальном «враге» с целью его дискредитации.

В действительности «немытость» России – не более чем миф, созданный с

целью противопоставить европейскую образованность и культурность всему остальному «дикому и отсталому миру». Данной концепции противоречит множество положительных впечатлений, возникающих у приехавших в Россию, в том числе из Европы. Так, изданная Сретенским монастырем в 2004 г. книга «Россия – это сама жизнь» содержит заметки, воспоминания, оставленные сотнями иностранцев, побывавших в России и положительно оценивших ее.

С победой России над Швецией в Северной войне наступает переломный момент в истории российско-европейских отношений: происходит своеобразная перестройка координат Европы, что постепенно привело к образованию актуальной и в настоящее время оппозиции «Запад – Восток». Начиная с реформ Петра I формируется одно из наиболее устойчивых и популярных представлений о России как об «ученике», который добровольно обучается, для того чтобы стать частью цивилизованной Европы. Однако по-прежнему актуальным среди европейцев оставался образ варварской России. С другой стороны, весьма популярным было мнение, что Россия вдохнет живительный дух в Европу [4].

В XIX в. Россия изображалась как амбивалентное образование, пограничное Европе. В экономическом и социально-политическом плане она ассоциировалась с отсталым по западным меркам в этих вопросах «Востоком». С другой стороны, в духовном плане она считалась некоей землей будущего, спасительницей Европы, хотя данная точка зрения по популярности значительно уступала первой.

Первоначальная реакция Европы на революции в России XX в., была положительной. В ряде стран, например в Германии и Франции, существовало представление о России как о достойном игроке в международной сфере. В период «холодной войны» представление о Советской России как реальной политической и военной угрозе было доминирующим.

Таким образом, «Другой» в лице России, период противостояния с которой стал важной эпохой европейской истории, входит во временной контекст европейской, или, шире, западной, цивилизационной идентичности. Определенное время актуальной являлась версия об азиатско-варварском характере Российского государства, которое воспользовалось своей победой во Второй мировой войне с целью вторжения в Европу. В научно-исследовательских работах данная версия нашла свое отражение в теме «варвара у ворот», популярной на протяжении всего XX в.

Альтернативная репрезентация Советской России преподносила ее в положительных тонах: как освободителя Европы от нацизма, а также как модель, на которую должна ориентироваться Европа. Например, немецкий философ В. Шубарт, анализируя причины побед России в многочисленных войнах, признает за русским человеком наличие особой внутренней духовной свободы, не свойственной другим народам: «Победа была завоевана русскими исключительно благодаря их совершенной внутренней свободе, которой обладает только Азия и которую европеец не может и даже не хочет иметь» [5, с. 103]. Важно то, что исследователь рассматривает русского человека как вариант «восточного Другого», обладающего, однако, положительными характеристиками.

В вопросах о судьбе России существовали также идеи сближения, которого предполагалось достичь путем ассимиляции России Европой. В целом социальная репрезентация Советской России была важным звеном европейской социальной репрезентации политической идентичности. Так, Поль Анри Спаак считает, что отцом Европейского экономического сообщества был Сталин, поскольку страх перед Советским Союзом стимулировал европейцев держаться вместе, а не порознь [3, с. 155]. Однако реакция европейцев на советскую инициативу по поводу прекращения «холодной войны» и присоединения к Европе была неоднозначной: от крайнего замешательства до утверждений, что Советский Союз был (в основном) «в Европе, но не Европой».

В настоящее время Россия в большей степени представляется «Западу» учеником, перенимающим европейские политические, экономические и культурные практики. Данная концепция остается одной из основных и не лишена оснований вследствие переориентации страны с 1990-х годов на развитие по «западному образцу». И хотя сейчас образ «Запада» постепенно лишается наивно-романтического аспекта (Россия изменяет свое отношение к нему как к образцу для бездумного подражания) все же, несмотря на большие изменения в российской политике и обществе, центральной темой в российском дискурсе по-прежнему является западноевропейская тема. Западные политики и исследователи считают, что если Россия будет «учиться» хорошо, то угроза, которую она несет, уменьшится. Однако для России ее устойчивое, на протяжении сотен лет, отождествление с «учеником» в европейском дискурсе невыгодно, так как оно фактически исключает равенство с другими европейскими великими державами как «учителями».

Анализ существующих западных представлений о России как о «Другом» позволяет сделать вывод, что чаще всего образ российской цивилизации наделяется набором отрицательных качеств и характеристик. В отличие от цивилизованной, свободной, рыночной, демократической западноевропейской цивилизации Россия представляется варварской, несвободной, азиатской страной с планируемой экономикой и тоталитарной политической системой. И даже с переходом современной России на новый демократический курс и рыночную модель экономики облик страны претерпевает лишь незначительные положительные изменения.

Для чего «Западу» и другим странам необходимо создавать в основном отрицательные мифы о российской цивилизации? Ответ лежит на поверхности: сильный и устойчивый внешний противник нужен для поддержания внутреннего единства того же Запада, для конституирования своей идентичности. Отечественные исследователи задаются вопросом, что делать в сложившейся ситуации, как возможно России выстраивать свои отношения с Западом. Скорее всего, Россия всегда будет «с Западом», но не «Западом», то есть она будет активно влиять на судьбу западноевропейской цивилизации и участвовать в ней, однако только Европой Россия никогда не будет исчерпываться. Ее пространственно-цивилизационная идентичность намного шире.

По всей видимости, России целесообразно подходить к Европе с позиций «достойного соперника», чем «добраго друга». Исторически сложилось так, что

как Россия, так и Европа обретали свою идентичность за счет конструирования и противопоставления образов друг друга. Представляется, что Европа всегда будет воспринимать Россию как «Другого» (необходимого для выделения специфики своей цивилизационно-культурной идентичности), и задача России в данном случае состоит в том, чтобы позиционировать себя и отстаивать свой образ в качестве государства с особой цивилизацией и культурой, «Другого», но не враждебного, союзника в различных сферах взаимодействия и достойного соперника.

Задача россиян и политического руководства страны должна заключаться в том, чтобы не допустить отрицательного отношения к себе как к «Другому». То, что привлекательно в культурном и интеллектуальном плане, никогда не будет вызывать враждебность, ненависть или презрение. В связи с этим российская цивилизация должна быть привлекательной в культурном и интеллектуальном плане, завладевать душой каждого человека мирового сообщества. Вот почему чрезвычайно важны «открытия», сделанные в России, в области искусства, культуры и философии.

Библиографический список

1. *Матвейчев, О. А.* Суверенитет духа [Текст] / О. А. Матвейчев. – М., 2007.
2. *Саид, Э.* Ориентализм: Западные концепции Востока [Текст] / Э. Саид. – СПб., 2006.
3. *Нойманн, И. Б.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей [Текст] / И. Б. Нойманн. – М., 2004.
4. *Вульф, Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизаций в сознании эпохи Просвещения [Текст] / Л. Вульф. – М., 2003.
5. *Шубарт, В.* Европа и душа Востока [Текст] / В. Шубарт. – М., 2003.

УДК 316.3(100)
ББК 60.5(0)

Н.В. Чудинова,

*ассистент кафедры социологии
Астраханского государственного университета*

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ КАК НОВОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ФЕНОМЕНА

Переживаемый российским обществом период радикальных экономических реформ, утверждая необходимые рыночные преобразования, вызвал вместе с тем негативные изменения глубинных основ функционирования социальной сферы. Были существенно ослаблены ее самые фундаментальные функции – воспроизводство действительной жизни населения, его материаль-

ного благополучия, физического, духовно-нравственного и психического здоровья. Приобрели опасный характер депопуляционные процессы, обнищание населения, разрушение трудового потенциала, массовые социопатии. Ухудшилась социально-экологическая ситуация, обострились угрозы техногенных аварий и катастроф. Не следует забывать и о том, что подобные процессы имеют застойно-инерционный характер, грозящий существенным ущербом не только нынешнему, но и грядущему поколению россиян. Все это вызывает необходимость поиска и реализации новых подходов к формированию теоретико-методологических и концептуальных предпосылок стратегического курса России в меняющихся глобальных условиях жизнедеятельности человечества в современном мире.

Новая фаза в развитии современной цивилизации отмечена феноменом планетарного масштаба – глобализацией. О сущности этого явления в жизни человечества разворачиваются дискуссии в научной среде и в массовом публичном общении. Но как бы ни складывались различные мнения относительно природы и причин данного явления, общий вывод очевиден: глобализация, как и всякий иной естественно-исторический процесс, необратима.

Множество трудов посвящено в последние десятилетия вопросам глобализации. Эти же вопросы стали предметом не меньшего количества форумов и дискуссий. Теперь уже нет сомнений в том, что общемировые тенденции слияния, объединения, сопричастности в различных сферах стали объективной реальностью. Утратил актуальность вопрос: нужна глобализация или нет; не менее странным выглядит деление на ее сторонников и ярых противников – «антиглобалистов». Общемировые процессы, называемые в комплексе процессами глобализации, естественны и закономерны, прежде всего учитывая переход мировой цивилизации к новым информационным технологиям и созданию единого информационного пространства.

Глобализация означает преобразование пространства и времени современного сосуществования людей. «Происходит сжатие пространства, время спрессовывается, географические и межгосударственные границы становятся все более прозрачными и легко преодолимыми» [1, с. 3]. Другими словами, человеческая жизнь все в большей степени испытывает на себе влияние действий и событий, происходящих достаточно далеко от той социальной среды, в которой она протекает.

Предметное расширение понятия «глобализация» связано с констатацией так называемых «факторов проявления глобализации», наиболее часто упоминаемых в социологической литературе. В их числе:

- усиление взаимозависимости стран и народов во всех сферах человеческой жизнедеятельности;

- образование всемирного рынка финансов, товаров и услуг;

- выход бизнеса за национальные рамки посредством формирования транснациональных корпораций;

- устранение таможенных и иных преград для торговых, финансовых и других экономических связей в масштабе всего земного шара;

- бурное развитие информационных технологий, становление глобального ин-

формационного пространства, обеспечивающего осуществление любых видов деятельности в реальном масштабе времени;

доминирование в повседневной практике международных отношений и внутривосточной жизни народов универсальных либерально-демократических ценностей;

усиление влияния в политической, экономической и социальной сферах наднациональных институтов и организаций.

Постепенно эти факторы проявления глобализации оказались в центре не только массового сознания, но и широкого научного дискурса. В дальнейшем аналитическое изучение глобализации позволило ученым детально охарактеризовать конкретные формы ее проявления, которые, по их мнению, дают возможность лучше понять характер этого важнейшего феномена современности.

Каким образом можно раскрыть социальную сущность феномена глобализации? Во-первых, через интенсификацию интеграционных процессов во всех сферах жизнедеятельности общества. Так, на рубеже последних столетий резко возросли масштабы взаимосвязей и степень взаимной зависимости в мировом сообществе. Возникли социальные отношения вселенского, всемирного масштаба. Во-вторых, через преобразование пространства и времени современного сосуществования людей. Медленно, в течение тысячелетий шел процесс коммуникационного сжатия мира, превращения его в «мировую деревню», где все знакомы друг с другом и составляют единое общество. Этому способствовал целый ряд фундаментальных открытий и достижений, сделанных в том числе и в предыдущие столетия. Пространственно-временное уплотнение весьма сократило не только физические, но и социальные дистанции, разделяющие граждан информационного общества. В-третьих, через неуклонно крепнущий процесс взаимодействия различных культур. Современные электронные средства связи, дистанционного образования и массовой информатики сделали возможным обмен культурными образцами в широчайших масштабах. Люди в разных концах света все больше проникаются осознанием, что они живут в едином плюралистическом, мультикультурном мире.

В целом современные попытки социологического анализа процесса глобализации приводят к пониманию того, что она представляет собой «...постепенное преобразование мирового пространства в единую зону, где беспрепятственно перемещаются капиталы, товары и услуги, где свободно распространяются идеи и передвигаются их носители, стимулируя развитие современных институтов и шлифуя механизмы их взаимодействия» [2, с. 84].

На современном поле общественных наук трудно найти более популярную тему, чем «глобализация». Однако несмотря на то, что феномен глобализации является одним из наиболее часто обсуждаемых в работах по социологии, экономике, политологии, международным отношениям и другим дисциплинам, мнения исследователей относительно его сущности и содержания существенно отличаются. Одни авторы определяют глобализацию как процесс, другие – как состояние, третьи – как явление. Глобализация рассматривается

и как «размывание национальных границ», и как «гомогенизация и универсализация мира».

Попытки определения сущности глобализации как нового общественного феномена предпринимаются сегодня многими авторами. Так, широкий круг вопросов относительно тенденций развития геополитики в рамках глобализации, содержания глобального политического прогнозирования, места России в системе международных политических отношений рассмотрел А.С. Панарин. Этот исследователь исходит из определения глобализации как процесса «ослабления традиционных территориальных, социокультурных и государственно-политических барьеров, некогда изолирующих народы друг от друга и наряду с этим предохраняющих их от неупорядоченных внешних воздействий». Глобализация – это также становление новой, «беспротекционистской» системы международного взаимодействия и взаимозависимости [3, с. 279]. По сути дела, А.С. Панарин трактует глобализацию достаточно широко, что позволяет рассматривать экономический, экологический и политический аспекты в ином социокультурном пространстве, где основными акторами, то есть действующими субъектами выступают народы и страны с присущей им культурой. Поэтому он ратует за то, чтобы в качестве парадигмы будущего выступал не какой-либо научный прогноз, а культура в целом [4, с. 110].

Другой отечественный исследователь, историк-международник А.И. Уткин, называет семь кардинально меняющих мир факторов, подводящих его к новому глобальному состоянию. Первый из них – реализация геополитической мощи США, утверждающей однополярный мир. Второй – бурный экономический рост в глобальном треугольнике, вершинами которого являются регионы Северной Америки, Западной Европы и Юго-Восточной Азии. Третий фактор – это разрушительный хаос, связанный с ослаблением экономической и политической роли государств-наций на фоне укрепления мощи транснациональных корпораций. Четвертый фактор – то самое давление транснационализма на современность, которое связано с ростом активности цивилизаций, относящихся ранее к «третьему миру». Пятый фактор – грозящая глобальным взрывом поляризация мирового сообщества на «золотой миллиард» и остальную часть человечества. Шестой фактор характеризуется демографическим взрывом в преимущественно бедной части человечества. Седьмой фактор – наука, ставшая непосредственной производительной силой, несущей в себе не только положительное начало, но и нечто демоническое (оружие массового поражения, информационное и психологическое оружие, геновая инженерия и др.) [5, с. 16–130].

Глобализация в ее современном понимании – это процесс срастания политических, экономических, социальных, культурных сфер разных государств через их взаимопроникновение и установление взаимозависимости в общем организме мировой жизни, где существует разделение функций ради единства функционирования всего организма [6, с. 67]. В глобализации одновременно осуществляются объективные, происходящие как бы стихийно, процессы объединения стран и сознательная целенаправленная деятельность по объединению мира.

Как любой процесс, глобализация структурируется взаимно порождающими, а не отрицающими друг друга тенденциями. В частности, это явление имеет ярко выраженные ядро и периферию, субъективную и объективную составляющие, разные «правила игры» для тех, кто в центре, и тех, кто вдали от него, довольных и недовольных ее последствиями [7, с. 10].

Явление глобализации велико не только по своим пространственным масштабам, но и по количеству аспектов, представляющих интерес практически для всех областей знания. В связи с этим в одних исследованиях акцент делается на экономических составляющих глобализации, становлении фактически единого мирового рынка товаров и услуг, в других – на формировании единого информационного пространства, в третьих – на развитии культурных стандартов. Тем не менее большинство ученых соглашаются с тем, что в настоящее время глобализация – это уже объективная реальность, с которой в ее самых различных проявлениях – технологических, финансовых, информационных, политических, культурных, экологических, социальных и других – так или иначе сталкивается большинство стран, причем не только развитых, но и развивающихся. Другими словами, мир переживает качественные глобальные перемены, которые самым серьезным образом отражаются на человечестве, заставляя его активным образом реагировать на них.

Поскольку глобализация охватывает практически все сферы общественной жизни – экономическую, социальную, политическую и духовную, то многообразие ее «интерпретаций» обусловлено теми различиями, которые присущи тому или иному научному подходу, цели исследования, идеологическому ориентиру. В соответствии с этими подходами исследователи и выбирают для изучения определенную сферу проявления глобальных тенденций [8].

Остановимся на одном весьма важном аспекте глобализации – социальном. Расцвет глобализации, по крайней мере в нынешних формах, едва ли обещает всему человечеству наступление безбедного «праздника жизни» как в ближайшем, так и в более отдаленном будущем. Предшествовала глобализации эпоха разрушения биполярного мироустройства, и консервация на этой почве однополюсности не приведет человечество к социальному миру и процветанию. Наоборот, пространство мировых социальных отношений будет испытывать еще большие напряжения и драматические разрывы. Подобные нерадостные прогнозы имеют под собой ряд фундаментальных, прежде всего политических оснований. Дело в том, что процессы глобализации способствуют ускоренному перетоку властных полномочий из государственных структур периферийных стран в руки транснациональных корпораций (ТНК). Подобная деградация национальной власти при дальнейшем расширении глобализации может привести к децентрализации управления и «разгосударствлению» человечества. Данное обстоятельство неизбежно влечет за собой разрушение социально-правовой основы регулирования отношений в обществе, ликвидацию институтов социальной сферы, ибо наднациональные, внесударственные ТНК не несут перед населением никаких обязательств социального характера.

Еще большие угрозы состоянию социальной сферы маргинальных обществ

таят в себе глобальные экономические причины. Известно, что традиционные общества доиндустриальной эпохи экономически были ориентированы на воспроизводство существующих форм местной жизни и удовлетворение насущных потребностей населения. Индустриальное общество уже в большей мере нацеливалось на производство товаров на экспорт и на потребу своих элитарных слоев. Именно с этой эпохой связано обнищание, социальная деградация широких масс наемных работников. Производственный потенциал вовлекается в процессы «копирования» образцов высокотехнологичных продуктов, потребляемых в первую очередь населением стран «золотого миллиарда» и немногочисленной собственной элитой. При этом внутренний рынок зачастую остается без самых необходимых дешевых товаров и услуг, рассчитанных на массовое потребление. Это главным образом относится к сфере образования, здравоохранения, коммунального и транспортного обслуживания.

Поистине неисчислимы потери несет глобализация странам-аутсайдерам по причине деградации национальной культуры, тесно связанной с их цивилизационной и религиозной идентичностью, устоявшимися обычаями и традициями, жизненным укладом, местной средой обитания, уникальным менталитетом. В сущности, жестокому и насильственному подавлению при помощи воздействия СМИ подвергаются национальные духовные и нравственные ценности.

Даже краткая характеристика проблем глобализации делает вполне правомерной постановку вопроса о выборе Россией своего самобытного пути. Какими бы сверхактуальными ни представлялись нам сегодня стратегические альтернативы решения экономических проблем и обретения былой мощи России, социальные интересы, надежды и устремления «простого человека», материальное и духовное благополучие нынешнего и грядущих поколений россиян не могут быть проигнорированы или забыты. Впрочем, угроза такого забвения не только реальна, но в известном смысле predetermined сложившейся ныне в современном мире социально-экономической ситуацией.

Библиографический список

1. *Добренёв, В. И.* Глобализация и Россия [Текст] / В. И. Добренёв // Будущее России: стратегии развития : в 2 т. – М., 2005. – Т. 1.
2. *Володин, А. Г.* Глобализация: истоки, тенденции, перспективы [Текст] / А. Г. Володин, Г. К. Широков // Политические исследования. – 1999. – № 5.
3. *Панарин, А. С.* Россия в циклах мировой истории [Текст] / А. С. Панарин. – М., 1999.
4. *Панарин, А. С.* Глобальное политическое прогнозирование [Текст] / А. С. Панарин. – М., 2000.
5. *Уткин, А. И.* Мировой порядок XXI века [Текст] / А. И. Уткин. – М., 2001.
6. *Самохвалова, В. И.* Культура цивилизация глобализация [Текст] / В. И. Самохвалова // Глобализация, культура, цивилизация : мат-лы постоянно действующего семинара Клуба ученых «Глобальный мир». – М., 2003.
7. *Азроянц, Э. А.* К дискуссии о категориях «культура», «цивилизация», «глобализация» [Текст] / Э. А. Азроянц // Там же.
8. *Клубов, А. В.* Глобализация как социальный процесс: исторические и структурные аспекты [Текст] / А. В. Клубов // Будущее России: стратегии развития : в 2 т. – М., 2005. – Т. 1.

И.А. Аксинюшкин,

*аспирант кафедры теоретической и социальной философии
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского*

ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ценности являются смысловым центром человеческой жизни. В обыденном употреблении слова под ценностью имеют в виду нечто такое, что относится к определяющим основаниям жизни. Как пишет А.К. Абишева, «это не просто то, что можно употребить на что-то, что имеет преходящее ограниченное значение, а то, во имя чего проживается жизнь, то, чего люди хотят ради него самого, а не ради чего-то другого» [1, с. 140].

Ценность есть некий мотив личностного отношения к миру, путь жизни и способ бытия. Смысл, заложенный в словах: «Это то, во имя чего проживается жизнь», открывает всю глубину смысла ценности в человеческой жизни. Ценности выступают в роли ориентиров человеческого поведения. По выражению Абишевой, «осевой смысл человеческого бытия в мире, его смысловой центр обычно составляют те или иные ценности или системы ценностей» [1, с. 140]. Ценностные установки обуславливают интересы индивида, его отношение к окружающему миру.

В личностном аспекте ценности предстают как царство интенциональностей, выраженных в целях и интересах. Они включают в себе нормы и нравственные критерии, организующие поле духовного существования личности. Вместе с этим ценность есть сущностная характеристика человека, определяющая, по наличествующим в нем ценностным установкам, его самого. Тогда ценность есть не только то, что организует жизнь человека, ценностно ориентирует, но и то, что его характеризует.

Смысл ценностной ориентации в мире заключается в том, чтобы не запутаться в собственном к нему отношении, – это особенно актуально в глобальном мире с его возможностями и множеством различных ценностных оснований. Ценностный выбор – момент истины для констатации личностных предпочтений и раскрытия человеком своего подлинного «Я». В этом заключена ценностная самоидентификация личности.

В личностном восприятии существует определенный порядок ценностей, где одна ценность является более значимой, чем другая. М. Шелер писал: «Всему царству ценностей присущ особый порядок, который состоит в том, что ценности в отношениях друг к другу образуют некую «иерархию», в силу которой одна ценность оказывается «более высокой» или «более низкой», чем другая» [2, с. 305]. Такое положение Шелер выразил через понятие предпочтения.

Иерархия ценностей определяется и актуализируется чувством любви, направляющей личность по пути нравственного развития. То, что Шелер называет «движением любви – в предельном случае любви личностной, в принципе безгранично развертывает личность именно таким образом в свойственном ей направлении идеальности и совершенства» [3, с. 355]. Различные предпочтения, которые присущи той или иной личности, определяют ее выбор. В мире, где ценности в связи с их постоянной переоценкой оказываются под вопросом, доверять можно только чувству любви к чему-либо. Не в этом ли заключается первый шаг к гуманизации – позволить человеку самому определять, что для него ценно, а что нет, и жить в соответствии со своими ценностными установками, а не придерживаться только тех ценностей, которые продиктованы какой-либо идеологией?

Каждая культура имеет определенный набор своих ценностей, выражающих ее индивидуальность и неповторимость. Своеобразие различных культур, обусловленное их индивидуальным набором ценностей, постепенно стирается в процессе глобализации и диктата новых ценностных оснований в становлении новой общемировой глобальной культуры, то есть норм, правил, ценностей самой глобализации. Естественно, они могут претерпевать некоторые изменения в соприкосновении с национальными особенностями и традициями, с которыми они вступают во взаимодействие, но, как правило, становятся общими в условиях постоянного конфликта с ними. Ценности, диктуемые процессом глобализации, традиционной культурой воспринимаются как противостоящие ей по своей природе, ложные, искусственно навязываемые.

Часто о глобализации приходится слышать как о процессе слияния национальных экономик в общемировую систему в условиях возможности быстрого перемещения капитала и информационной открытости. В этом плане принято различать два этапа глобализации. Первый (возникший на рубеже XIX–XX вв.) связан со значительным расширением возможностей транспорта, соединившего континенты и позволившего вести экономическую деятельность, не придавая особого значения расстояниям, времени и средствам. Второй этап (этап «возрождения» после долгого перерыва между мировыми войнами), становление которого приходится на 1970-е годы, обусловлен началом стремительного развития информационных технологий. Доминирование экономической составляющей глобализации несомненно, но не стоит придавать ей абсолютный характер, ведь глобализация происходит и на межкультурном, научном и многих других уровнях, прямо не зависящих от развития мировой экономики. Следовательно, под глобализацией в самом широком значении следует понимать процесс становления единого мира. В этом процессе происходит обмен как материальными, так и духовными ценностями различных наций и культур, что является ценностным аспектом глобализации.

На данный момент в мире доминирует обмен именно материальными благами, который обусловлен экономической основой глобализации, вытесняющей духовную сферу на задний план. Это породило такое движение, как «антиглобализм», выступающее против данной формы глобализации, против «рыночного фундаментализма» и призывающее за глобализацию во имя человека [4].

Складывается ситуация, когда одна доминирующая культура диктует остальным свои идеалы, нормы и ценности, что приводит к конфликту с ценностями других культур. Это, наряду с возникновением антиглобализма, в свою очередь породило неуверенность в значимости современных ценностей: позиционируемые в процессе глобализации ценности воспринимаются как имеющие определенную цену или утилитарное значение.

Быстрые темпы глобализации порождают проблему адаптации человека к постоянно изменяющемуся миру. Духовная и культурная сфера просто не успевает меняться с той скоростью, с какой происходит экономическое и техническое развитие, обуславливающее стремительный ход глобализации. В условиях, когда новые ценности еще не в полной мере сформировались в той или иной культуре, а старые уже подверглись тотальной переоценке, возникает кризис ценностей, а значит, кризис духовности и нравственности.

Собственно культурные ценности, в определении классика аксиологии Г. Риккерта, есть ценности, «к оценке которых или к работе над которыми мы чувствуем себя более или менее нравственно обязанными в интересах того общественного целого, в котором мы живем, или по какому-либо другому основанию» [5, с. 55]. Проблема ценностей культуры поэтому – это всегда проблема нравственности.

Что же касается самой ценности, ее характеристика содержится в словах Г. Риккерта: «Для ценности как ценности вопрос о ее существовании лишен всякого смысла. Проблема ценности есть проблема значимости ценности» [5, с. 23]. Значимость – сущность ценности. Говоря о ценностях, мы всегда говорим о значимостях. Каждая ценность обладает своей значимостью, а если она отсутствует, если мы в отношении к ней не чувствуем себя нравственно обязанными, то она будет для нас являться псевдоценностью, нами непосредственно не воспринимаемой, но нам кем-либо навязываемой. «Понятие «псевдоценность», – пишет Л.Н. Столович, – не следует смешивать с понятием «антиценность». Последнее – это то, что противостоит ценности: зло, безобразное, несправедливость и т.п. (некоторые аксиологи предпочитают антиценности называть «отрицательными ценностями»). «Псевдоценности» же превращают ценности в антиценности» [6, с. 95]. В процессе глобализации мир стал полон такими псевдоценностями, в результате чего человеку становится непросто выделить для себя те ценности, которые являлись бы для него по-настоящему значимыми.

В эпоху мировой глобализации конфликт между различными культурами получил новое выражение. При внешней толерантности стали проявляться различного вида неприятия правил и норм, навязываемых глобализацией, и их интеграцией в различных сферах жизни. При этом следует учитывать динамику изменения привычных социокультурных ценностей: в результате усилившегося влияния политики и экономики на исторически сложившиеся устои изменение ценностей стало носить постоянный характер.

Глобализация является еще и своего рода процессом постоянного становления новых ценностей и переоценки старых. Ввиду этого интерес к проблеме человеческих ценностей получил новое понимание. Проблема ценностей, в пре-

дельно широком значении, неизбежно возникала на первом плане исследований во времена смены ценностей культуры и традиций общества. В условиях глобализации переоцениваются не только общечеловеческие ценности – культурные, но и изменяются личностные ценности, определяющие жизненные приоритеты, ответственность за выбор и действия, систему правил и норм поведения человека. Влияние различных культур в процессе их интеграции, отсутствие четких нормативов обостряют проблему самоидентификации человека в складывающейся подобным образом социокультурной среде. Вследствие этого ценностная самоидентификация приобретает особую значимость.

Глобализация затрагивает всех и каждого. «Когда влияние традиций и обычаев в мировом масштабе ослабевает, меняется и сама основа самоидентификации – ощущения себя как личности. В более традиционных условиях ощущение себя как личности поддерживалось за счет стабильности социального положения индивида в рамках сообщества. Когда традиции теряют силу и преобладает свободный выбор образа жизни, это не может не затронуть и ощущение человеком себя как личности. Он должен гораздо активнее, чем раньше, создавать и воссоздавать собственную идентичность», – утверждает исследователь глобализации Энтони Гидденс. [7, с. 63]. Человек в глобальном мире оказывается не защищенным традициями своей культуры, ему приходится руководствоваться по большей части общечеловеческими ценностями, признаваемыми большинством людей, при этом ему необходимо оставаться самим собой, сохранять свою личность и придерживаться собственных ценностных установок. Невозможно не согласиться с Гидденсом, который пишет, что «всем нам необходимы нравственные убеждения, которые выше мелких забот и дрызг повседневности. Мы должны быть готовы активно отстаивать эти ценности, если они плохо приживаются или оказываются под угрозой. <...> Нам всем было бы незачем жить, если бы у нас не было того, за что стоит умереть» [7, с. 5].

В конфликт, вызванный переоценкой ценностей в процессе глобализации, таким образом, выступают не только традиционные ценности той или иной культуры, являющиеся ее отличительными характеристиками, но и личностные ценности, противостоящие диктату псевдоценностей, тем более что североамериканская доминанта в глобализации несет с собой главным образом идеологию прагматизма, а прагматизм не дает никаких нравственных ориентиров вне деловой сферы. Это является причиной, по которой культурные и личностные ценности оказываются в ситуации кризиса.

В книге «Столкновение цивилизаций» [8] Самюэль Хантингтон показывает, что столкновение цивилизаций происходит именно из-за конфликта ценностей. Разные культуры по-разному воспринимают процесс глобализации. Некоторые к нему готовы и могут адекватно адаптироваться к натиску западных идеалов, а некоторые оказываются под угрозой подавления собственной идентичности и разрушения, привычных социокультурных условий существования личности, что не может не порождать неприязнь их представителей к экспансии западных ценностей. Кроме того, восточная и западная культуры имеют совершенно разные базовые ценности. Так, академик В.С. Стёпин отмечает: «В системе ценностей и мировоззренческих образов техногенной (западной) куль-

туры человек рассматривается как противостоящий природе, вектор его активности направлен вовне, на преобразование мира. Восточная традиционалистская система ценностей полагает человека включенным в организм природы, как бы растворенным в ней; вектор человеческой активности ориентирован не столько вовне, сколько внутрь, на самовоспитание, самоограничение, включение в традицию» [9, с. 24]. Однако он же указывает и на возможный союз этих традиций: «Я думаю, что синтез этих двух противоположных представлений будет связан с корреляцией, взаимной зависимостью этих двух векторов. Это будет не западная и не восточная система ценностей, а нечто третье, синтезирующее достижения современной техногенной культуры и некоторых идей традиционных культур, обретающих сегодня новое звучание» [9, с. 24]. Соприкосновение различных культур – это не всегда конфликтная ситуация, оно способно привести к положительным результатам, о чем свидетельствует история на многочисленных примерах. С культурологической точки зрения глобализация – это становление особой формы мировой культуры, с довольно специфическими чертами. Связанная с этим трансформация ценностного мира человека в эпоху глобализации самым непосредственным образом сказывается на культурной среде и условиях жизни каждого индивида. Аксиологический подход к данной проблематике открывает новые горизонты ее исследования.

Процесс глобализации означает не только слияние национальных экономик, но и тесное взаимодействие культур, и перенос ценностей из одной в другую, поэтому возможность конструктивного диалога между различными культурами главным образом происходит на языке ценностей. Н.С. Розов утверждает о формировании в наше время ценностного сознания, представляющего собой особый тип мировоззрения, в основе которого лежат общечеловеческие ценности [10]. Только через ценности открывается путь к пониманию культуры и формированию сфер духовности и нравственности. Именно ценностное сознание определяет отношение человека к ценностям других культур, именно оно является условием формирования толерантности, абсолютно необходимой в условиях глобализации. Не последнюю роль в этом играют и личные ценности каждого человека, ведь от того, насколько сильно будет развито ценностное сознание, зависит отношение человека к различным ценностям современного мира, возможность быть полноценным участником ценностного диалога. Вместе с тем иерархия личных ценностей каждого индивида и доминирование в ней тех или иных ценностей будут формировать поле жизненных ценностей человека.

Библиографический список

1. *Абишева, А. К.* О понятии «ценность» [Текст] / А. К. Абишева // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 139–146.
2. *Шелер, М.* Формализм в этике и материальная этика ценностей [Текст] / М. Шелер // Избранные произведения / пер. с нем. А. В. Денежкина и др. ; под ред. А. В. Денежкина. – М., 1994.
3. *Шелер, М.* Orado amoris [Текст] / М. Шелер // Там же.
4. *Кантор, К. М.* Глобализация? – Да! Но какая? [Текст] / К. М. Кантор // Вопросы философии. – 2006. – № 1. – С. 25–37.

5. Риккерт, Г. О понятии философии [Текст] / Г. Риккерт // *Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре* / пер. с нем.; общ. ред. и предисл. А. Ф. Зотова; сост. А. П. Полякова, М. М. Беляева; подгот. текста и прим. Р. К. Медведевой. – М., 1998.

6. Столович, Л. Н. Об общечеловеческих ценностях [Текст] / Л. Н. Столович // *Вопросы философии*. – 2004. – № 7. – С. 86–97.

7. Гидденс, Э. Ускользящий мир: как глобализация изменяет нашу жизнь [Текст] / Э. Гидденс; пер. с англ. М. Л. Коробочкина. – М., 2004.

8. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеевой, Ю. Новиковой; под общ. ред. К. Королевой; послесл. С. Переселегина. – М., 2003.

9. Стёпин, В. С. Философия и эпоха цивилизационных перемен [Текст] / В. С. Стёпин // *Вопросы философии*. – 2006. – № 2. – С. 16–26.

10. Розов, Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные предложения конструктивной аксиологии [Текст] / Н. С. Розов. – Новосибирск, 1998.

УДК 1:316

ББК 60.001

С.С. Иванов,

*кандидат политических наук, доцент кафедры публичного права
Саратовского государственного
социально-экономического университета*

О НАЦИОНАЛЬНЫХ ПУТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ХРИСТИАНСКОГО СОЦИАЛИЗМА: Ш. ПЕГИ И Г.П. ФЕДОТОВ

Христианский социализм как политический феномен в современной, персоналистической, форме сложился под воздействием назревавших в капиталистическом обществе антагонистических противоречий, которые привели к Первой мировой войне и, как следствие, к революционным потрясениям, охватившим постепенно вначале Россию, а впоследствии – западные, восточные и восточноевропейские страны. В создавшейся общественно-политической ситуации христианские социалисты разных стран выдвинули программу политико-экономических преобразований в обществе и государстве, способных конструктивно изменить исторические судьбы своих народов.

Особого внимания в этой связи заслуживает деятельность христианских социалистов, активно боровшиеся за переустройство социального мира на гуманистических началах. В кризисных условиях их политическая активность способствовала своеобразной «профилактике» революционного социального взрыва посредством продвижения гражданских инициатив, содействующих установлению социальной справедливости. Нравственный и интеллектуальный прогресс, по их мысли, должен способствовать морально-политической консолидации гражданского общества, стимулировать повышение ответственности

человека за свои деяния, вовлекать личность в процесс социального совершенствования.

В ходе формирования теории христианского социализма важное историческое значение имели труды Ш. Пеги и Г.П. Федотова – философов и общественных деятелей, близких по основным программным позициям. Определенное сходство наблюдается и в эволюции их воззрений: увлечение атеистическим социализмом в молодости с годами сменилось глубоким восприятием идей христианского социализма, которые активно пропагандировались ими в печатных изданиях – в «Двухнедельных тетрадах» (1901–1912) Ш. Пеги и в общественно-политическом журнале христианского социализма «Новый Град» (1931–1939) Г.П. Федотовым.

Принципиальность в отстаивании своих убеждений, честность, смелость суждений и высказываний, последовательная приверженность идеалам христианского гуманизма, патриотизма, социальной справедливости, борьба против фашизма, за национальное достоинство своих стран составляют специфику нравственного облика и образа действий этих философов и общественных деятелей, что позволяет охарактеризовать их как своего рода представителей аристократии знания. Обоснование христианского социализма Ш. Пеги и Г. Федотовым как формы социального гуманизма определило рассмотрение ими отношений личности и общества в гармоничном всеедином целом, а исследование персонального и всеобщего – в контексте идеала свободного универсализма.

Французский католический писатель, мыслитель, эссеист, поэт Шарль Пеги (1873–1914) сыграл заметную роль в формировании персоналистического направления христианского социализма, объединив в своем творчестве идеи социального христианства и утопического социализма [1, с. 279]. Отдавая дань Ш. Пеги как основоположнику персонализма, Э. Мунье сделал его творчество предметом изучения в своем первом философском труде («Мысль Шарля Пеги» [2]). Философ-персоналист Ж. Лакруа сосредоточил свое внимание на творчестве Ш. Пеги в средней части трилогии «Ален, властитель совести, – Пеги, или необычная душа, – Прудон, или суверенитет права» [3, с. 128].

Эволюция Ш. Пеги от атеистического социализма к христианскому была связана с формированием тенденций социального мистицизма в его творчестве. «Миру денег», клерикализму, ложному национализму поэт-философ противопоставлял гармоничное государство, ратовал за свободу совести и возвращение к истокам подлинного патриотизма. Применяемый Ш. Пеги в научных исследованиях и художественном творчестве метод философского интуитивизма способствовал обретению им подлинного знания и был воспринят последующим поколением французских философов.

Мироощущение французской и русской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв. мотивировалось предчувствием серьезных революционных потрясений, чреватых национальной катастрофой, поэтому представители образованной общественности, в том числе во Франции – Ш. Пеги, в России – Г. Федотов, активно искали пути выхода из создавшейся кризисной ситуации. Р. Роллан писал, что его сблизил с Ш. Пеги общая ненависть к буржуазному общественному строю,

«дух героизма», устремленность к действенным социальным преобразованиям [4, с. 12–13].

Стремление Ш. Пеги к справедливому переустройству мира привело его в ряды Французской социалистической партии, однако он вскоре вышел из нее по причине несогласия с оппортунистической политикой лидеров, а также желая сохранить политическую независимость. Критика устоев западного общества, призыв к возрождению «метафизического» отношения к миру и духовной революции, отстаивание гуманистических принципов стали основными положениями его социально-политической программы [5, с. 137–138].

В сфере философии Ш. Пеги являлся последователем идей Анри Бергсона, лекции которого конспектировал еще студентом, а затем защищал и популяризировал его учение, трансформируя разработанную им интуитивистскую теорию в соответствии с догматами католицизма. В контексте понимания христианства для Ш. Пеги особо значимым явилось задачи духовного развития личности. По мнению французского мыслителя, готовность к преобразованию действительности на основе конкретного практического действия, придает человеческому бытию смысл и значение. Как писал Э. Мунье, философ стремился к новому пониманию христианства: «В учении о длительности Пеги нашел смысл воплощения и то высокое призвание, какое он сообщил современному христианскому миру, – открыть во Вселенной значение временного воплощения» [6, с. 291].

Специфика земной миссии человека, по мнению Ш. Пеги, обусловлена его нравственными максимами, о которых также писал Г.П. Федотов: «Вот максима личной жизни: живи так, как если бы ты должен был умереть сегодня, и одновременно так, как если бы ты был бессмертным. И вот максима культурной деятельности: работай так, как будто история никогда не кончится, и в то же время так, как если бы она кончилась сегодня» [7, с. 153]. В таком историческом контексте задачей христианского социализма является привнесение в относительное социальное бытие личности абсолютных ценностей в их конкретно-историческом и социально-институциональном воплощении, что предполагает нравственную организацию общественности на основе принципа свободного универсализма, или положительного социального всеединства.

В соответствии с романтически-религиозным мировосприятием Ш. Пеги рассматривает историческое развитие общества в качестве творческого процесса. Историческое движение, в понимании поэта-философа, сродни воплощению замысла художника, которого посетило внезапное озарение. Христианский социализм также воспринимался им как творческое движение общественности, которое способно сообщить жизненную силу прогрессивному социальному новаторству. Он подчеркивал, что творческое усилие человека должно быть направлено от временного к вечному, от относительной действительности к абсолютному бытию посредством фиксации исторического события в художественных произведениях – своего рода воспоминаниях человека о сверхчувственном мире идей (согласно платоновской концепции творчества) [8, с. 35–36]. В общественном развитии «художником» является народ, движимый устремленностью к добру, история представляет собой продукт его коллективного творчества, а народная жизнь – это создание неповторимых произведений.

Внутренний мир человека как своего рода микрокосм представляет собой в миропонимании философа-поэта структурное отражение целостного бытия – именно этот тезис стал впоследствии одним из философско-антропологических оснований концепции персоналистического социализма, в котором намечены конкретные пути совершенствования общества.

С целью приближения действительности к идеалу мыслитель развивает историко-философскую концепцию о диалектике и взаимосвязи временного и вечного, реального и сверхреального. Исторический прогресс в версии французского мыслителя построен на прогнозировании перспективы общественного развития, поскольку связан с рассмотрением настоящего в зависимости от будущего, что предполагает обоснование свободы личности в истории. Это положение находится в соответствии с основными принципами христианского социализма, согласно которым человеческая активность, направленная на творческое преобразование мира, способна изменить ход истории в процессе постижения истины.

Близкое понимание задач христианского социализма прослеживается в творчестве Г.П. Федотова, определявшего нравственную максиму социализма на основе его радикальной гуманизации, как соединение социалистической идеологии с общедемократическими целями и задачами. По мнению русского философа, чтобы «спасти правду социализма», необходима прежде всего нравственная правда, способствующая прогрессу цивилизации в целом. Социалистическое общество, чтобы быть справедливым, должно воплощаться в жизнь на основе следующего этического принципа: «...спасти правду социализма правдой духа, и правдой социализма спасти мир» [9, с. 41].

Эсхатологические взгляды Ш. Пеги сходны с аналогичными воззрениями и установками Г.П. Федотова, подчеркивавшего условное значение социального предвидения в традициях русского космизма, что определяется свободой человеческих деяний в истории: «...история не демонстрация классического лабораторного опыта и не постановка давно уже написанной драмы. Человеческая свобода входит в состав ее, образуя самую ткань ее. Поставленная посередине между миром природы и миром благодати, человеческая свобода сообщает истории ее непредвидимость» [10, с. 154].

Свобода предполагает осознанный выбор личностью своей исторической судьбы и порождает нравственную ответственность человека за свои деяния в истории. Она чужда всем видам манипулирования человеком со стороны социальных коллективов и деспотических режимов. Сохранить свободу – значит сохранить добровольность вовлечения личности в исторический процесс. Со слов Ж. Лакруа, Ш. Пеги заявлял по этому поводу: «Взять свой билет в начале пути (в какой-то партии, в группе заговорщиков) и потом ни разу не задуматься, куда идет поезд, и упаси Бог, по каким рельсам – значит для человека решительно поставить себя в самые благоприятные условия для превращения в преступника» [11, с. 140].

Революционное насилие отвергалось Ш. Пеги и Г. Федотовым как метод решения социальных проблем, не совместимый с идеалами христианства, свободы и демократии. Они отождествляли революцию с радикальным эволюционным процессом искоренения социальных пороков с целью культурного преобразования общества, что ставилось в задачу движения христианского социализма.

Эффективным способом осуществления политики христианского социализма, по мнению Г.П. Федотова, становится социальное партнерство, сутью которого является продуктивное взаимодействие и разграничение компетенций субъектов общественных отношений в системе общенационального корпоративизма [12, с. 195].

Возрождение социализма через его христианизацию и превращение таким образом в социализм христианский, а самого христианства в активную общественную силу, в социальное христианство – главный путь преодоления трудностей, вставших перед социализмом, и в конечном счете – путь сохранения европейской культуры и ее традиций. Следовательно, христианство трактуется Г.П. Федотовым как активная общественная и экономическая сила, обновляющая существующий мир и связующая историческую традицию и творчество.

Христианский опыт Ш. Пеги носил нецерковный характер, сочетавшийся со свободомыслием, не исключавшим более тесной интеграции религии и жизни. Религиозный и интеллектуальный путь поэта представляется постепенным нравственным развитием, в котором опыт прошлого не отвергается, а органически вплетается в ткань настоящего.

При трактовке церковно-государственных отношений Ш. Пеги осуждал как клерикализм, свойственный официальной Церкви, так и антагонистические отношения между Церковью и государством, пагубные для общественной нравственности. В поисках сил, способных осуществить духовное обновление общества, французский мыслитель обращается к опыту Средневековья, в частности к образу Франции Жанны Д'Арк, жизнь которой стала примером христианского социального служения [13, с. 191–192]. Жанна Д'Арк, в представлении Пеги, – пример уникального сплетения Церкви и мира, религиозного и светского деяния именно потому, что она плоть от плоти своего народа и потому что действует на основании всеобщей патриотической солидарности французского народа.

Главный вклад Пеги в политический процесс – это его журнал «Двухнедельные тетради», бессменным редактором которого он являлся на протяжении с конца XIX в. вплоть до своей героической гибели на фронте Первой мировой войны 1 августа 1914 г. Вокруг издательства, организатором и душой которого он был, очень скоро сформировалась группа свободолюбиво настроенных молодых энтузиастов – противников шовинизма и политической реакции, активных сторонников христианского социализма, способных, по убеждению поэта-философа, содействовать нравственному очищению буржуазных общественных отношений. В этом Ш. Пеги видел начало «революции», предусматривающей в первую очередь усилия, направленные на перевоспитание человека, на «исцеление больного большинства с помощью святого меньшинства». «Мои «Тетради» – провозглашал поэт, – создадут великий свободный народ» [14, с. 78]. Поводом для учреждения журнала послужило «дело Дрейфуса», судебный процесс по которому проходил в 1897–1898 гг. в условиях усиленной пропаганды антисемитизма, что, в свою очередь, способствовало консолидации демократических сил перед лицом фашистской опасности.

Активная политическая позиция сотрудников журнала, однако, не была подкреплена четкими представлениями о социалистическом будущем, которое, по

мнению Ш. Пеги и его соратников, должно неизбежно наступить в результате эволюционного развития общества через определенный период времени. Р. Роллан, будучи одним из авторов журнала, отмечал, что французский поэт пришел к социализму в результате «глубокого внутреннего переворота». Не очень ясно представляя, что такое социализм, сотрудники журнала «безмятежно ожидали, что путем смены десятилетий, без всяких потрясений, через двадцать, тридцать или сорок лет будет основано их Эльдorado» [15, с. 12–13].

В «Двухнедельных тетрадах» была изложена и обоснована концепция христианского социализма Ш. Пеги. Социально-гносеологическая критика позитивизма и естественнонаучного материализма ведется французским философом с позиции разграничения религиозной и социальной проблематики. В этой сфере позиции Ш. Пеги близки воззрениям русских христианских социалистов, в частности Г.П. Федотова, критиковавшего позитивную научную теорию прогресса как утопию, порожденную буржуазной цивилизацией, секуляризированной и дехристианизированной [16, с. 173].

Французский философ предупреждал, что стремление к организации жизни исключительно на научных началах, без учета созидющего значения интуитивного познания, немислимо без торжества вселенского контроля, «глобализации, завершения, остановки истории». В данном процессе угадываются контуры современного явления глобализации, чреватой обезличиванием человека в массовом обществе.

Ш. Пеги разрабатывает теорию, родственную учению русских философов о богочеловечестве, в соответствии с которой главной ценностью человека и человечества является духовное и социальное развитие. Отсюда делается вывод о необходимости преобразования социальной действительности, изменения качественных параметров существования человека в мире.

Таким образом, средством установления христианского социализма, по Ш. Пеги, является революция, сколь духовная и личностная, столь и экономическая и общественная. Французский философ предлагал начать революцию с глубинного переворота в сознании человека, иными словами, с восстановления истины и свободы. Он являлся сторонником внутренней, или духовной, революции, определяя ее как моральное, религиозное, интеллектуальное самоусовершенствование человеческого рода. «Мы должны, – писал он, – начать революцию в мире с революции в нас самих; все теории и фразы не являются социалистическими актами и каждый должен начать с революции в своей собственной жизни» [14, с. 78].

Справедливость этого высказывания подтверждается всем ходом общественного развития: несовершенные люди сами по себе не в силах создать совершенного общества; когда же они, игнорируя свое несовершенство и некомпетентность, пытаются выстроить социальное здание, то в лучшем случае возводится нежизнеспособный «хрустальный дворец» социальной утопии (по выражению Ф.М. Достоевского), а в худшем – казарма. С другой стороны, по словам Н.А. Бердяева, «было бы отвратительным лицемерием и ложью утверждать, что социальные улучшения могут наступить в результате нравственного усовершенствования людей и кричать о насилии и нарушении свободы по поводу всякого изменения социального строя. Существует социальная действительность, она

есть реальность особого порядка, требующая от нас активного к себе отношения, социальных актов» [17, с. 86].

Таким образом, мировоззрение Ш. Пеги эволюционировало от «индивидуалистического социализма», сближавшего его с воззрениями представителей социал-реформизма, к социальному католицизму, но персонализм всегда оставался основой его идейно-политических убеждений, а преодоление отчуждения – не только главной социальной, но и нравственной задачей. Р. Роллан в этой связи проводит параллель между Ш. Пеги и Н. Бердяевым, усматривая их общность в решении проблематики отчуждения (объективации). Поиск путей активного творческого вовлечения человека в созидание исторических условий совершенствования личности и общества стал для последующих изысканий персоналистов основополагающим и нашедшим отражение в вопросах, которые рассматривались на интерконфессиональных общих собраниях [18, с. 296–297].

Следует отметить, что Э. Мунье и его соратники в своей общественной и теоретической деятельности во многом повторили опыт Ш. Пеги, также стараясь сплотить «святое меньшинство» – теперь уже вокруг журнала «L'Esprit», которое было бы в интеллектуальном, моральном, художественном и особенно религиозном отношении совестью нации и своим примером и деятельностью способствовало бы возрождению народа, готовя его к интеграции в «персоналистское сообщество» [8, с. 38]. Тем самым в жизнь проводились идеи, аналогичные русскому почвенничеству: объединение высших и низших социальных слоев и классов общества на основе морально-политической консолидации, отвечающей принципу свободной общности.

Как отмечал биограф поэта Р. Секретен (*Secretain R. Péguy, soldat de la vérité*), свободолюбие Ш. Пеги доходило почти до анархизма, – настолько радикальным был «солдат справедливости»: «Этот бунтарь, этот рассказчик, этот еретик по инстинкту и характеру отчасти таков, что ищет безвластного авторитета, не обладающего полномочиями казнить и миловать. В качестве гражданина он не переносит буржуазного государства (и любого государства даже с самыми минимальными полномочиями). В качестве революционного борца он не может переносить жестокость доктринального «политического социализма» [18, с. 49].

Литературная судьба и идейно-политическая направленность журнала «Новый Град» в сторону христианского социализма во многом сходны с судьбой и идеологией журнала «Cahiers de la Quinzaine» Ш. Пеги. Организатором «Нового Града» стал Г.П. Федотов после его высылки за границу на «философском пароходе» в начале сентября 1925 г. Творческое ядро журнала составили И.И. Бунаков-Фондаминский, Ф.А. Степун, С.И. Гессен; за все время существования журнала (1931–1939) вышло 14 номеров. Широкий круг вопросов христианской ответственности и цивилизации стал предметом основной проблематики издания. Горячо обсуждалось прошлое, настоящее и будущее России в контексте формирования русской национальной идеи.

Название журнала «Новый Град» и его публикации выражали главную суть надежд русской интеллигенции на христианское возрождение общества, включая Россию. Г.П. Федотов разработал программу социально-политического и экономического устройства страны в соответствии с принципом христианского

социализма, что отвечало кардинальной задаче прорыва посткоммунистической России в новое измерение.

Социально-экономическая программа философа представляет наиболее подробно разработанную часть его теории христианского социализма. Г.П. Федотов, которого называли «русским Пеги» и «Герценом нашего времени», в силу сходства их характеров и идейных позиций, строил свою концепцию «Нового Града» на основе христианского гуманизма, восходящего к идеям Возрождения и Нового времени. «Гуманизм, – отмечал Г.П. Федотов, – есть культура человека как творческой личности» [19, с. 269], охранитель свобод и традиций европейской классической культуры от посягательства и атеистического социализма, и капитализма. Как известно, христианство сформировало особого рода хозяйственную этику, в наибольшей степени проявившуюся в протестантизме и старообрядчестве. Предложенная Г.П. Федотовым модель экономического устройства общества базируется на трудовом начале христианской морали, в соответствии с которой труд традиционно рассматривался как нравственная обязанность каждого христианина и своего рода аскеза.

Идея «Нового Града», аналогичная «Эльдорадо», или «Гармоническому Граду», Ш. Пеги, возникла как результат глубокого анализа буржуазного общества и представляет собой концепцию общественного мироустройства, отличающегося и от капитализма с его анархией личного произвола, и от атеистического социализма, культивирующего деспотическую власть государства над личностью. Христианизированный и одухотворенный социализм представляет «третий путь» социально-экономического развития общества, свободный от недостатков как либерального, так и тоталитарного общества, в качестве равновесия «личных и коллективных хозяйственных волей»: «Из обломков коммунистической и капиталистической стройки медленно воздвигнутся стены христианского града» [20, с. 283]. Таким образом, христианский социализм явится строем нового, рационального «сочетания начал личной свободы и общественной регламентации» [18, с. 404]. Путем его осуществления может стать конвергенция общественно-экономических систем на основе взаимопонимания их сторонников и взаимного принятия каждым из них идеала другого [12, с. 196].

Именно на основе конвергенции, как полагал Г.П. Федотов, возможно осуществление разрядки послевоенной международной напряженности и движение к становлению единого мира, в котором прежние идеологические разногласия по поводу оптимального общественно-экономического устройства будут институционально разрешены посредством формирования плюралистической смешанной экономики. Таким образом, социально-экономический строй представлялся Г.П. Федотову как хозяйственная организация христианской общественности, основанная на принципе соборности и предполагающая равновесие принципов общинности и личной свободы.

Это означает, что безбрежная экономическая свобода должна быть введена в необходимые рамки ее политической организацией, проводимой под государственным руководством. Но духовная свобода человека – основа всех других свобод – никакой регламентации не подлежит и должна быть гарантирована конституцией, так же как и права граждан. Государству отводится роль лишь

технического организатора нерыночного сектора экономики, в функции которого входит финансирование культурного развития нации при правовых гарантиях свободы творчества [21, с. 296–297].

Философ предвидел падение коммунистической диктатуры. Основными экономическими задачами государства в период преобразований, по его мнению, должны стать денационализация государственного имущества, восстановление свободы собственности, труда и капитала, что рассматривается им в контексте проблем трудовой этики и социальной справедливости.

Новый экономический строй, согласно теории Г.П. Федотова, должен представлять собой плюралистическое хозяйство, субъектами которого выступают государство, синдикаты, кооперативы, муниципальные союзы и т.д. и основываться на принципах хозяйственной рациональности и социальной справедливости. Предполагается использование социальных завоеваний рабочего движения: практического правоприменения гуманного трудового законодательства; возможности равного доступа для граждан к образованию и достижениям культуры; активизации системы профсоюзных организаций в качестве средства контроля за исполнением социального законодательства. Характерные для рыночной экономики принципы творчества, свободы труда и предприимчивости, по мнению Г.П. Федотова, вполне приемлемы для «Нового Града», но при условии дополнения их системой социального партнерства и солидарности, способствующей формированию подлинно бесклассового общества.

Мысли, высказанные Г.П. Федотовым и Ш. Пеги, оказываются актуальными и для современной России и стран Запада в контексте задачи повышения качества жизни, обретения ее полноты для широких народных масс. Социально-политическая концепция христианского социализма, в разработку которой внесли существенный вклад Ш. Пеги и Г. Федотов, нашла определенное применение в политике дирижизма: во Франции в период правления Ш. де Голля и в виде отдельных элементов в современной России при осуществлении социально-экономических реформ в основном в сфере корпоративной этики. Национальные пути развития христианского социализма, намеченные русским и французским мыслителями, ориентированы на всестороннюю гуманизацию общественных отношений, что связано со становлением плюралистической экономики, основанной на знаниях и ориентированной на человека.

Христианский персоналистический социализм, у истоков которого стояли Ш. Пеги и Г.П. Федотов, ориентирован на формирование благоприятных условий для воплощения личной судьбы в динамическом социальном пространстве, в котором политическое действие не распространяется на сферу частной жизни. В создании предпосылок духовного и социального преобразований состоит смысл христианского персоналистического социализма, ориентированного на всестороннее развитие человеческой личности в гармонии со справедливыми общественными интересами.

Библиографический список

1. Буржуазная философия XX века [Текст]. – М., 1974.
2. *Mounier, E. La pensée de Charle Réguy* [Текст] / E. Mounier. – Paris, 1924.

3. *Лакруа, Ж.* Персонализм: истоки – основания – актуальность [Текст] / Ж. Лакруа // Избранное: Персонализм. – М., 2004.
4. *Роллан, Р.* Собр. соч. [Текст] : в 9 т. / Р. Роллан. – М., 1974. – Т. 1.
5. *Губман, Б. Л.* Символ веры Ж. Маритена [Текст] / Б. Л. Губман // *Маритен, Ж.* Философ в мире. М., 1994.
6. *Arboux, R.* Henri Bergson et lettres françaises [Текст] / R. Arboux. – P., 1955.
7. *Федотов, Г. П.* Эсхатология и культура [Текст] / Г. П. Федотов // Русские философы: Антология. М., 1996.
8. *Вдовина, И. С.* Французский персонализм (1932–1982) [Текст] / И. С. Вдовина. – М., 1990.
9. *Федотов, Г. П.* С.-Петербург, 22 апреля (5 мая) 1918 г. [Текст] / Г. П. Федотов // Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. – СПб., 1991. – Т. 1.
10. *Федотов, Г. П.* Эсхатология и культура [Текст] / Г. П. Федотов // Русские философы: Антология. – М., 1996.
11. *Лакруа, Ж.* Персонализм: истоки – основания – актуальность [Текст] / Ж. Лакруа // Избранное: Персонализм. – М., 2004.
12. *Федотов, Г. П.* Россия и свобода [Текст] / Г. П. Федотов // Русские философы: Антология. – М., 1996.
13. *Тайманова, Т. С.* Жанна д'Арк и духовные искания русского зарубежья [Текст] / Т. С. Тайманова // Русская литература. – 2006. – № 4.
14. *Delaporte, J.* Réguy dans son temps et dans le nôtre [Текст] / J. Delaporte. – P., 1957.
15. *Роллан, Р.* Собр. соч. [Текст] : в 9 т. / Р. Роллан. – М., 1974.
16. *Федотов, Г. П.* Рождение свободы [Текст] / Г. П. Федотов // Русские философы: Антология. – М., 1996.
17. *Бердяев, Н. А.* Христианство и классовая борьба [Текст] / Н. А. Бердяев. – Париж, 1935.
18. *Бердяев, Н. А.* Самопознание. Опыт философской автобиографии [Текст] / Н. А. Бердяев. – М., 1991.
19. *Федотов, Г. П.* Новый Град [Текст] / Г. П. Федотов. – Нью-Йорк, 1952.
20. *Федотов, Г. П.* Проблемы будущей России. Ст. 2 [Текст] / Г. П. Федотов // Судьба и грехи России. – СПб., 1991. – Т. 1.
21. *Федотов, Г. П.* Социальный вопрос и свобода [Текст] / Г. П. Федотов // Русские философы: Антология. – М., 1996.

УДК 316.347(470)
ББК 60.54

Т.В. Быковская,

доцент кафедры гуманитарных дисциплин

Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова

ВЕЧНОЕ ДЕТСТВО РУССКОЙ ДУШИ

Для современной России исключительную значимость приобретают проблемы поиска ценностных и смысловых ориентиров духовного и социально-культурного развития. Анализ данных проблем связан с изучением архетипического уровня национальной психологии, ибо отсюда произрастают

ведущие духовные и социальные установки национального самосознания. «О любой расе, – писал Х. Ортега-и-Гассет, – лучше всего свидетельствуют избираемые ею архетипы» [1, с. 342].

Основополагающими русскими архетипами являются «отцеубийство» и «вечно женственное». Отцовский фактор в русском архетипе заменяется материнским, «вечно женственным». Одним из последствий безотцовщины становится «невзросление» русского человека: без отцов дети не взрослеют, а для матерей они всегда остаются детьми.

На русскую психологию как психологию ребенка обратили внимание многие авторы, в их числе – П. Чаадаев, Н. Гоголь, И. Тургенев, Н. Федоров, Ф. Достоевский, которые показали одно из самых устойчивых переживаний русского человека – чувство бездомности, безотцовщины. Русская литература дала один из самых содержательных в мировой литературе образ ребенка, чья психология – ключ к душе русского человека. Детская психика специфична в восприятии мира и адаптации к нему, но для русской души это не возрастная фаза, а целый мир, из которого чаще всего не удается выйти во взрослую жизнь.

В отце и матери, с точки зрения психоаналитика, персонифицировано главное противоречие человеческого бытия: противостояние между культурой и природой, между системой сдерживания и инстинктивным устремлением к удовольствию, между способностью создавать и потреблять. Становление психологических первопринципов является, таким образом, феноменологией чувства дома – одного из самых глубоких архетипических переживаний человека. Первый опыт, приобретаемый в детстве, становится главным: он определяет всю жизнь, которая будет «воспоминанием детства».

В традициях психоанализа отцовский фактор рассматривается как культурный. Приобретение отцовских качеств требует от личности усилий и напряжения. От отца исходит умение «сдерживать природу» и, преодолевая ее, создавать культуру. Отец – исток культурного творчества; именно умение созидать по идеальным образцам доставляет удовольствие. Материнский фактор – природный; он выражается в инстинктивной устремленности к чрезмерности, неограниченности. Мать – это «присвоение готового», которое доставляет удовольствие тем, что не требует усилий.

Русские национальные архетипы отмечены особым соотношением мужского и женского, отцовского и материнского. Н. Бердяев это соотношение «женственного и мужественного начала в русском народном характере» назвал первым таинственным противоречием России: «Та же антиномичность проходит через все русское бытие» [2, с. 277].

Многие авторы, пытаясь понять русского человека, в анализе используют слово «ребенок». Обратимся к некоторым высказываниям: «Русские скорее склонны к покорности, нежели к проявлению своей воли, их уму не хватает импульса, как их духу свободы. *Вечные дети*, они могут на миг стать победителями в сфере грубой силы, но никогда не будут победителями в области мысли» [3, с. 187]; «Славяне – это могучее народное тело, над которым едва подрагивает крошечная *детская головка*» [1, с. 343]; «...Мы живем одним настоящим, без прошлого и будущего, а если иногда волнуемся, то из *детского* легкомыслия, с каким

ребенок силится встать и протягивает руки к погремушке. <...> Мы *растем*, но не *созреваем*, движемся вперед, но по кривой линии. Мы *подобны* тем *детям*, которых не приучили мыслить самостоятельно; в период зрелости у них не оказывается *ничего своего*...

Мы подобны *незаконным детям*, без наследства, без связи с людьми, жившими на земле раньше нас, мы *не храним* в наших сердцах *ничего* из тех уроков, которые предшествовали нашему собственному существованию» [4, с. 36, 37].

М. Мамардашвили назвал Россию страной, в которой гуляет гений повторений, сказав, что как будто существуют какие-то архетипы, по путям которых проходит наш опыт, заключающийся в том, что мы его не извлекаем. «Любой год возьмите, и вы увидите все то же самое, те же самые дилеммы. <...> В российском прошлом не было исторических действий, когда люди додумывали бы до конца свои мысли, превращая ... состояние своих душ в состояние истории. А иначе смысл, который не извлечен, и дело, которое не доделано, будут повторяться и неизбежно порождать зло» [5, с. 213]. Отметим актуальную ценность суждения Мамардашвили, о том, что у каждого времени есть свой знак и «у нас тоже свой знак времени. (1987 г. – *Т.Б.*), и если мы сделаем (переход в другой мир. – *Т.Б.*), то мы будем поколением, которое не пройдет, то есть после которого начнется что-то другое, другой мир» [5, с. 211].

Отказ от постижения бытия путем осмысления исторического опыта и замена его собственным разумением являются феноменами детской психологии. Одна из особенностей детского восприятия мира заключается в том, что он предстает впервые. Всякий взгляд – заново, всякий раз – обучение. Дар ребенка – то дар первовидения: он не знает предшественников и не ждет последователей.

З. Фрейд, характеризуя детскую психологию, писал, что для нее реальность и фантазия имеют одинаковую ценность. Этот «инфантильный след» присутствует в русском сознании, для которого столь очевидно смещение реального и желаемого. В инфантильности русского сознания – «впервые и сам» – кроется, очевидно, одна из причин «смелых и радикальных реформаторств» в России. Неудачи многих русских реформ объясняются и их недостаточной продуманностью. Историки обратили внимание на одну часто встречающуюся особенность русских реформаторов, есть такие, которые или молоды и народа не знают, или такие, которым и свою голову не жаль, а чужую тем более. Часто реформы проводятся без глубокого знания реальной жизни и без волнений за последствия, с детской убежденностью в успехе. Отсутствие расчета, контроля, чувства меры – черты детской психологии, для которой нормальна замена адекватного представления о реальности инфантильным эгоизмом.

Н. Мотрошилова, называя современную ситуацию в России варварской, особо отмечает «грандиозные обманы, аферы, мошенничество в массовых масштабах на фоне удивительного легковерия населения; миллионы беспризорных детей при живых родителях» [6, с. 49]. Д.С. Лихачев в реестре русских качеств называет легковерие контрдансом национального характера.

Следствием разрушительных реформ является запустение и социально-культурное одичание, столь привычные для русского сознания и образа жизни. Это

напоминает ребенка, который все разламывает, разбрасывает и навести порядок самостоятельно не может. В ощущении единственности коренится максимализм ребенка, который чувствует «свою силу»: здесь исток детского вандализма. Ему не ведом мир и его ценности до него, он о них узнает по мере взросления, а если не взрослеет, то проходит путь всякий раз заново. Психология вечных детей исходит из того, что мир должен жить по твоим правилам, а не ты должен интегрироваться в культуру мира.

Склонность русских к разрушению, к сожалению, очевидна. С одной стороны, инфантильная страсть к разрушению является творческой, так как она связана с желанием узнать, приобрести новое для себя знание. С другой стороны, она производит из детской жестокосердности, которая является обычной чертой детской психологии с ее слабо развитым сознанием и пониманием. Но желание разрушить, «чтобы узнать», из сферы нормальной детской психологии переходит во взрослую жизнь. Эта психологическая особенность авторами названа по-разному – апокалипсичность, бунтарство, удаль, «карамазовщина», стихийность, но природа и роль ее едины. Инфантильная нигилистическая реакция устойчиво присуща национальному сознанию, как и убежденность, что все можно создать заново по своим правилам. Эта несерьезность ассоциируется с детской игрой, которая, с одной стороны, обучает жить в реальности, а с другой – к ней отношения не имеет: ведь это детская забава, в основе которой – детская фантазия. Ребенок не трудится, его деятельность – игра.

Игровое начало обнаруживается в такой черте русской жизни, как склонность к занятиям, которые не являются насущными и обязательными. Русский ум часто не связан с повседневными заботами. Еще П. Чаадаев с горечью писал, что у нас нет и в помине тех условий, которые в других странах являются естественными, и речь идет «вовсе не о моральных принципах и не о философских истинах, а просто о благоустроенной жизни, о тех привычках сознания, которые сообщают непринужденность уму и вносят правильность в душевную жизнь человека» [4, с. 34]. Почти век спустя А. Белый, как бы продолжая, утверждал, что «в мечтах русские люди забывают о *позоре настоящего* и, подражая образцам грядущего своими неумелыми манипуляциями, напоминают обитателей сумасшедшего дома» [7, с. 198].

Необходимое заменяют действия, которые являются социальным театром, «празднеством и игрой», тем, что в русской истории получило нарицательное название «потемкинских деревень». Вновь забавы, в которые играем как дети, и вновь иллюзии, в которые верим. Первостепенным и важным становится то, что таковым не является. Склонность к театральности, к празднествам отражает не только стремление к отдыху, это уход от нужных забот. Заиграться и забыть – знакомая детская формула. М. Мамардашвили с горечью писал о том, что в стране проводились сотни конференций, на которых выступали тысячи людей, обсуждая несуществующие проблемы. О. Шпенглер, характеризуя «русскость», обращает внимание на «интеллигенцию» с ее вычитанными проблемами и конфликтами.

Русский человек часто не видит норм реальной жизни, точнее сказать, не желает видеть. Он понимает «неважность» их: все можно получить без особого

труда, с помощью последнего как раз ничего не добьешься. Надо ждать «счастливого стечения обстоятельств», благодаря которому можно получить все в единый миг.

«Единый миг» – это не только вечная русская мечта. В русской истории часто все вершит именно он. Когда-то В. Розанов, с присущим ему стилистическим блеском, сказал: «Русь слиняла в два дня. Самое большее в три. Даже «Новое Время» нельзя было закрыть так быстро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей» [8, с. 541]. На наш взгляд, понятно, о чем идет речь: мы имеем опыт жизни в стране, которая «разом рассыпалась вся». Свидетельство «единого мига» – и самозванство, мгновенное политическое восхождение, и «внезапно свалившееся богатство», являющееся не результатом собственного созидательного усилия, а «даром» от другого. Упования на чудо, на внезапно сбывшееся *авось* характерны для инфантильного сознания.

Особо подчеркнем неотъемлемость от «авось» равнодушия к *любому* исходу событий, к *любому* разрешению проблемной ситуации. «Авось» есть символ перманентной неопределенности и зыбкости социальной и культурной истории России. А. Вежицкая, специалист по языковой культуре, пишет: «Русская частица *авось* подводит краткий итог теме, пронизывающей насквозь русский язык и русскую культуру – теме судьбы, неконтролируемости событий, существованию в непознаваемом и не контролируемом реальным сознанием мире» [9, с. 78–79]. С психологической точки зрения содержание слова «авось» характеризует инфантильную психику.

Б.П. Вышеславцев пишет: «Любимец русской сказки Иванушка-Дурачок, долго лежавший на печи, ни с того, ни с сего вдруг вскакивает и кричит: «Эх, вы, тетери, отпирайте двери, хочу *идти туда, сам не знаю куда* (курсив наш. – Т.Б.). Многих возмущает пошлость и безнравственность сказки ...»

Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии и ее официальной идеологии» [10, с. 114].

В сказке проникновенно изображено вечное детство русской души. Она отражает национальную архетипику отношений мужчины и женщины, главным в ней является не образ мужчины, отца, а образ умной женщины. Есть и иные герои в русской сказке, но у мужского персонажа преобладают черты детской психологии, исчерпывающе представленные в ней. Метафора сна, столь значимая в сказке, соответствует психологии ребенка, который много спит. Мужчина в русской сказке постоянно тянется ко сну, это своего рода имитация колыбели, материнского лона, столь надежно защищающего от опасностей.

Отношение женщины к мужчине напоминают отношение матери к ребенку. Она выручает его из трудных положений, ему достаточно захотеть – и желание исполнится: собственных усилий от него не требуется. Если он и поступает по-своему, то, как правило, забыв женские наставления, как ребенок забывает наставления матери: заигрался и забыл, а когда вспомнил, то уже поздно, поправить дело может только мать. На мужчину нет надежды, его душа – детская, ребяческая. Он только производит беспорядки, и пока женщина не примется за дело, их не миновать. Эта детскость поведения взрослого

героя есть реакция на сложности жизни и стремление вернуться в блаженное время детства, к матери, когда о тебе помнила и заботилась женщина – мать. Мужской персонаж сказки часто совершает поступки под влиянием порывов, потом раскаивается («я больше не буду»), у него быстрый переход от радости к тоске, от любви к ненависти. Такое поведение типично для неустойчивой в эмоциональном отношении детской психики. Эта психология часто лежит в основе поведения русского человека. Обратимся еще раз к Чаадаеву, отметившему, что равнодушие русских к житейским опасностям соответствует такое же «равнодушие к добру и злу, к истине и ко лжи» [4, с. 40]. Ощущая себя вечным ребенком, русский человек по-детски ищет отца. Поиски социальных заместителей отца стали печальной традицией: в психологии русского человека уживаются безотцовщина и патернализм.

Библиографический список

1. *Ортега-и-Гассет, Х.* Бесхребетная Испания [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет / пер. с исп. А. Б. Матвеева. – М., 2003.
2. *Бердяев, Н. А.* Судьба России [Текст] / Н. А. Бердяев. – М., 1998.
3. *Кюстин, Аст де.* Николаевская Россия [Текст] / Аст де Кюстин ; пер. с фр. – М., 1990.
4. *Чаадаев, П. Я.* Философические письма [Текст] / П. Я. Чаадаев. – М., 1991.
5. *Мамардашвили, М. К.* Эстетика мышления [Текст] / М. К. Мамардашвили. – М., 2001.
6. *Мотрошилова, Н. В.* Варварство как обратная сторона цивилизации [Текст] / Н. В. Мотрошилова // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 44–51.
7. *Белый, А.* Символизм как миропонимание [Текст] / А. Белый. – М., 1994.
8. *Розанов, В. В.* Несовместимые контрасты жития [Текст] / В. В. Розанов. – М., 1991.
9. *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М., 1997.
10. *Вышеславцев, Б. П.* Русский национальный характер [Текст] / Б. П. Вышеславцев // Вопросы философии. – 1995. – № 3. – С. 111–121.

УДК 008
ББК 71.0

Е.А. Крайнова,

*аспирант кафедры культурологии
Саратовского государственного технического университета*

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ ПРОЗЕ XIX–XX ВЕКОВ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

В литературе отражаются объективные процессы, происходящие в обществе в тот или иной временной период. Темпоральные представления могут быть разнообразными и индивидуализированными, однако фундаментальные понятия о времени, его течении и структуре являются продуктами

коллективного сознания и обусловлены прежде всего контекстом культуры. По определению П.П. Гайдено, «время есть как бы квазисубстанция культурно-исторической реальности» [1, с. 16].

Феномен художественного времени связан не только с индивидуальными качествами личности писателя, но и с определенной культурно-исторической парадигмой. Важным и плодотворным для ответа на вопросы о закономерностях изображения времени в прозе XX в. является изучение опыта русской классической прозы XIX в. Интересен анализ темпоральной организации литературных произведений русской прозы XIX и XX вв. на примере следующих художественных текстов: «Капитанская дочка» А.С. Пушкина (1836 г.), «Рудин» И.С. Тургенева (1856 г.), «Идиот» Ф.М. Достоевского (1868 г.), «Анна Каренина» Л.Н. Толстого (1873–1877 гг.), «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина (1875–1880 гг.), «Легкое дыхание» И.А. Бунина (1916 г.), «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова (1929–1940 гг.), «И дольше века длится день...» Ч.Т. Айтматова (1980 г.), «Чапаев и Пустота» В.О. Пелевина (1996 г.), «Замыслил я побег...» Ю.М. Полякова (1997 г.).

Выбор писателей и произведений обусловлен их значимостью для русской культуры. Разумеется, это лишь некоторые из вершин сложного и многогранного литературного процесса. Однако именно вершины определяют лицо культуры – данная идея сегодня звучит в виде культурологической максимы. Как замечает В.М. Петров, «динамика культурной системы в целом зависит главным образом от эволюции центрального ядра» [2, с. 112].

Темпоральной структурой можно назвать деление текста на различные временные отрезки. По определению А.В. Волошинова, «темпоральные структуры – это алгебра времени художественного текста, они определяют физическое время описываемых в тексте событий» [3, с. 354]. Графический метод представления темпоральных структур наиболее нагляден.

Доминирующий стиль XIX в. – реализм. Ведущий принцип реализма – объективное отображение существенных сторон жизни. Мировоззрение человека данной эпохи вбирает в себя основные естественнонаучные достижения времени, прежде всего учение Ч. Дарвина о природной эволюции, о ее детерминированности. Остаются актуальными две известные концепции времени – субстанциальная Ньютона и реляционная Лейбница.

Структура художественного времени повести Пушкина «Капитанская дочка» представлена на графике, где ось абсцисс – это текст (за единицу отсчета взята страница), ось ординат – это шкала времени (рис. 1).

События, описанные в тексте, охватывают чуть более двух лет: с конца осени 1772 г. по январь 1775 г. Время в произведении замедляется при изображении показательных периодов в жизни Петра Гринева, с точки зрения автора: конец ноября, декабрь 1772 г., февраль 1773 г., начало октября 1773 г., 24–26 февраля 1774 г., сентябрь 1774 г., октябрь 1774 г. Эти периоды часто связываются между собою краткими описаниями событий между ними (около страницы текста). Есть в тексте один небольшой перенос в прошлое. Он связан со сменой героев: на первый план вместо Петра Гринева выходит Маша Миронова.

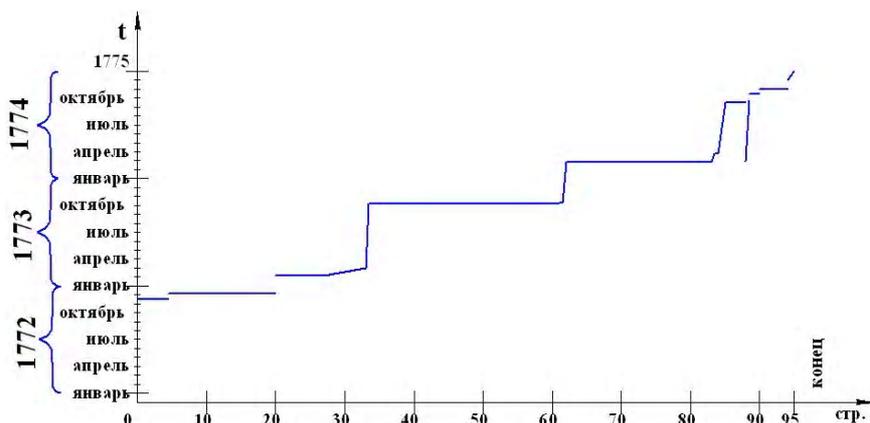

Рис. 1. Темпоральная структура повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»

График темпоральной структуры повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» наглядно демонстрирует плавное, спокойное, во многом последовательное течение времени. В остальных четырех романах – «Рудин» И.С. Тургенева, «Идиот» Ф.М. Достоевского, «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина – похожие темпоральные структуры.

В романе И.С. Тургенева «Рудин» (1856 г.) время действия – 1830–40-е годы. Однако из этого времени в романе фактически описываются только 10 дней в хронологической последовательности: два дня в июне 1830-х годов, еще пять дней через два месяца, далее один майский день через два года, один осенний день через несколько лет и, наконец, еще через несколько лет – 26 июня 1848 г.

Действие романа Ф.М. Достоевского «Идиот» (1868 г.) разворачивается в течение полутора лет, начиная с 27 ноября (около 1860 г.), причем события, произошедшие за год, кратко описываются в эпилоге романа. Время в произведении замедляется (нередко называются часы, время суток) при изображении важных моментов в жизни героев: 27 ноября (около 1860 г.), несколько дней в начале июня, далее в середине июня, в середине июля следующего года.

Время действия в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» – два с половиной года в 1870-х годах. Темпоральная структура романа достаточно плотная: разрыв при переносе в будущее не превышает четырех месяцев, причем очень часто есть связки (краткий рассказ о событиях). Переносы в недалекое прошлое в течение действия романа обусловлены сменой героя или героев изображения (линия Карениной и Вронского, линия Левина и Кити).

Действие в романе «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина включает в себя около 20 лет: с лета 1859 г. по конец марта 1878 г. Время происходящих событий в тексте прямо не называется, есть только указание на два исторических события – отмена крепостного права (1861 г.) и смерть Наполеона III (1873 г.). Время в произведении то замедляется, то ускоряется, но все 20 лет оказываются в поле зрения писателя.

Итак, при всем своеобразии темпоральные структуры проанализированных литературных произведений XIX в. имеют общие черты. В текстах изображается хронологическая последовательность причинно связанных событий. Перенос в прошлое мало, если они и есть, то в недалекое прошлое. Доминирует принцип непрерывности художественного времени. Графики темпоральных структур художественных текстов XIX в. во многом однотипны.

Чем же объясняются эти общие черты в изображении времени столь разными писателями? Православный богослов, философ XX в. Г.В. Флоровский определяет миропонимание XIX в. как «логический провиденциализм – этим непривычным термином лучше всего выражается характеристическая черта этого миропонимания», а именно «идея сплошной логичности мира, разумности истории, так сказать, рациональной прозрачности космического процесса» [4, с. 106]. Действительно, для писателей XIX в. характерна позиция некоего всеведущего наблюдателя, который каким-то образом знает о том, что происходит в разных местах.

XX век начинает новую культурную парадигму. А. Эйнштейн создает в 1905 г. теорию относительности, изменившую классические представления об «абсолютных» пространстве и времени. В 1913 г. Н. Бор в работах по квантовой механике высказывает идею дискретности возможных значений для ряда физических величин. В самом начале века появляются работы философа Э. Гуссерля, основателя феноменологии. Посредством феноменологического подхода происходит смещение исследовательского интереса от объективного времени к внутреннему сознанию-времени, время рассматривается как сложно организованная нелинейная данность. В результате открываются новые горизонты для исследования этого непростого феномена.

В 1924–1925 гг. философ П.А. Флоренский пишет книгу «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях», которая дает новое видение не времени вообще, а художественного времени [5]. Он вводит такие понятия, как элемент покоя и элемент скачка. «Раздробленная материя произведения» элементами покоя задерживает внимание, а элементами скачка разделяет два смежных элемента покоя, тем самым лишая произведение непрерывности.

Идея дискретности захватила Флоренского еще в 1900 г., когда он был студентом первого курса физико-математического факультета Московского университета. В это время Флоренский готовит первую часть работы к представлению на степень кандидата «Книга первая. Об особенностях плоских кривых как местах нарушения ее непрерывности». О замысле работы дает представление написанное в конце 1903 г. предисловие «Идея прерывности как элемент мирозерцания» [6, с. 159–177]. Мыслитель убежден, что категория формы не является значимой в послевозрожденческой культуре, в которой господствует принцип непрерывности. Свою современность, начало XX в., он осознает как кризис возрожденческих представлений и видит в ней начало новой «дискретной» эпохи.

Темпоральные структуры художественных текстов XIX и XX вв. отличаются друг от друга. Последовательность эпизодов в рассказе И.А. Бунина «Лег-

кое дыхание» (1916 г.) не соответствует хронологической последовательности событий, которая наблюдается в литературных текстах XIX в. В рассказе перемешаны различные моменты жизни сначала Оли Мещерской, потом – классной дамы.

В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1929–1940 г.) свободно соединяются два различных повествовательных пласта. Действие первого развивается в Москве в течение трех майских дней в 1930-х годах, действие второго происходит тоже в мае, в течение одних суток, но в городе Ершалаиме почти две тысячи лет тому назад. Сочетание в романе М.А. Булгакова нескольких временных пластов – явление новаторское.

Темпоральные структуры художественных текстов второй половины и особенно конца XX в. становятся еще более дискретными.

Темпоральная структура романа Ч.Т. Айтматова «И дольше века длится день» (1980 г.) сложная, «рваная». Она включает в себя три пласта. Первый – XX в., второй – XIX в. (сказание о Раймалы-аге), о точной датировке третьего судить сложно, действие из современности переносится в древность (предание о манкуртах). В свою очередь необычайно дробится первый пласт – изображение жизни Едигея и Казангапа, жителей маленького полустанка. Действие из настоящего (конец августа 1977 г.) часто переносится в наиболее памятные для Едигея моменты прошлого (с 1927 по 1977 г.).

В романе постмодерниста В.О. Пелевина «Чапаев и Пустота» (1996 г.) – трехслойная временная структура повествования. События происходят в основном в двух временных пространствах. В одном из них главный герой Петр Пустота – комиссар в дивизии Василия Чапаева в 1919 г., а в другом он – пациент психиатрической клиники в 90-е годы XX в. Наряду с реальным миром в произведении присутствует также загробный мир. Смена времен происходит поочередно, практически совпадая с границами 10 глав романа.

Темпоральная структура романа неореалиста Ю.М. Полякова «Замыслил я побег...» (1997 г.) необычайно «рваная» (рис. 2).

Практически каждая глава начинается с описания настоящего, а заканчивается переносом в характерные, памятные для героя отрезки прошлого. Структура художественного времени романа распадается на два пласта. Первый – настоящее, один день в 1997 г. Второй – прошлое, жизнь главного героя – 43-летнего Олега Башмакова до этого дня. Переносы часто построены на ассоциациях.

В произведениях XX в. целостная реальность текста дробится на различные временные отрезки. В одних текстах изображается жизнь одного человека (прошлое и настоящее меняются местами – «Легкое дыхание» Бунина, «И дольше века длится день...» Айтматова, «Замыслил я побег...» Полякова), в других – жизнь людей разных эпох («Мастер и Маргарита» Булгакова, «И дольше века длится день...» Айтматова), в третьих – раздвоение личности, например при психических расстройствах («Чапаев и Пустота» Пелевина).

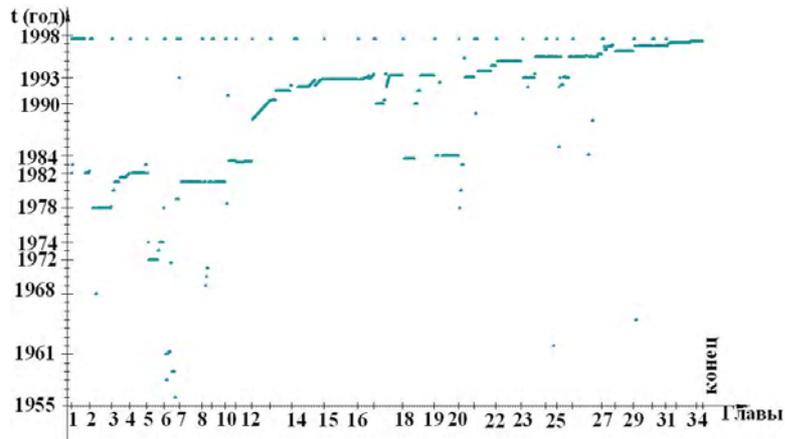

Рис. 2. Темпоральная структура романа Ю.М. Полякова «Замыслил побег...»

Итак, для культуры XIX в. характерно детерминистическое, линейное, объективно-рациональное мировидение, и темпоральные структуры литературных текстов XIX в. тяготеют к линейному, непрерывному, прогрессивно-поступательному представлению художественного времени.

В двадцатом столетии вмещаются в объем одного сознания многие, ранее несводимые смыслы бытия. В связи с интенсивностью научных, экономических, технических, информационных изменений в XX в. возникает специфическое мировоззрение, которое выражается в сложных темпоральных ощущениях. С развитием синергетики переосмысление природы детерминизма происходит коренным образом в отличие от классического этапа развития науки, где законы общества трактуются через параметры объективного рационализма. Огромное значение приобретает индивидуальный стиль писателя, что обуславливает наличие крайне дискретной картины мира, творимой в художественном процессе.

Библиографический список

1. Гайденко, П. П. Время. Длительность. Вечность: Проблема времени в европейской философии и науке [Текст] / П. П. Гайденко. – М., 2006.
2. Петров, В. М. Количественные методы в искусствоведении: Пространство и время художественного мира. Воздействие искусства на человека [Текст] / В. М. Петров. – М., 2004.
3. Волошинов, А. В. Математика и искусство [Текст] / А. В. Волошинов. – М., 2000.
4. Флоровский, Г. В. Из прошлого русской мысли : сб. статей [Текст] / Г. В. Флоровский. – М., 1998.
5. Флоренский, П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях [Текст] / П. А. Флоренский. – М., 1993.
6. Флоренский, П. А. Идея прерывности как элемент мирозерцания [Текст] / П. А. Флоренский // Историко-математические исследования : сб. статей. – М., 1986. – Вып. 30.

С.А. Шилова,

*аспирант кафедры философии и социально-экономических наук
Педагогического института Саратовского государственного
университета им. Н.Г. Чернышевского*

КОНЦЕПТ ЯЗЫКА КАК ФОРМЫ А PRIORI СИМВОЛИЧЕСКОГО В ФИЛОСОФИИ Э. КАССИРЕРА

В настоящее время язык как неотъемлемый элемент культуры становится одной из актуальнейших тем многих гуманитарных наук. Связанная с ним проблематика присутствует в различных их сферах, будь-то теория познания или теория науки, этика, теория коммуникации или искусственного интеллекта, закономерности эстетического восприятия и концепции искусства, теории действия и общения, этнология и семиотика.

В связи с этим интересна философия символических форм языка Э. Кассирера. Свой анализ языка немецкий мыслитель представляет в рамках разработанной им философии культуры.

В 1923–1929 гг. Э. Кассирер создает один из самых значимых философских трудов XX в. – трехтомное сочинение «Философия символических форм», позволяющее говорить о нем как об основателе нового направления в существующем неокантианстве. В лоне немецкого классического идеализма получают новое обоснование гуманитарные науки, философия мифа и философия культуры. Благодаря системе символического трансцендентализма качественно новое значение обретают философские проекты теории познания и языка.

Философский интерес к языку Э. Кассирер объясняет особой, критической ролью языка в процессе культуротворчества: «...критика языка и языковых форм мышления становится интегрирующей составляющей пронизательно научного и философского мышления» [1, с. 338]. Анализ языка становится предметом исследования и краеугольным камнем философской системы символических форм. Как замечает отечественный неокантианец Б. Фохт, вполне объяснимо, что «все внутренние формы культуры, такие, как наука, искусство, миф и религия, живут и возможны лишь благодаря усвоению продуктов внутренней формы языка и его функций» [2, с. 178].

Чтобы прояснить специфику трансцендентально-философского подхода к языку, необходимо иметь представление об основных принципах философии Э. Кассирера. Ряд исследователей его творчества считают его философию ярким примером развития идей И. Канта в рамках традиции марбургской школы неокантианства. Так, в очерке, посвященном «Опыту о человеке», Г. Кун подробно останавливается на описании доктрин марбургской школы, поскольку считает,

что учение Э. Кассирера возможно воспринять и правильно истолковать лишь исходя из предположения, что его философия – это продолжение и определенная кульминация развития идей неокантианства [3, с. 499–500]. Позицию Г. Куна разделяет и другой немецкий философ – Ф. Кауфман. Для него Э. Кассирер является представителем неокантианства. Характеризуя «Опыт о человеке», Ф. Кауфман называет этот труд «одним из последних, а возможно, последним документом марбургской школы неокантианства, и все его идеи должны рассматриваться исходя из основных принципов марбургской школы» [4, с. 283]. Первая монография С. Иццофа, посвященная анализу символических форм, начинается также главой о кантианстве Э. Кассирера. Система, построенная немецким философом, рассматривается С. Иццофом как теория познания (что вполне соответствует традициям неокантианства) [5, с. 1–20].

В отечественной литературе последних десятилетий наблюдается сходство позиций по вопросу определения методологических основ философской системы Э. Кассирера. Комментируя неокантианские мотивы в философии Э. Кассирера, А. Кравченко замечает, что основным моментом для И. Канта и неокантианства является разработка в истории философии проблемы спонтанного характера деятельности субъекта. По ее мнению, неокантианцы «выявляют эту проблему в чистом виде и перестраивают кантовскую систему в направлении более строгого и последовательного проведения принципа деятельности» [6, с. 86].

На четыре основные теоретические установки методологии неокантианства Э. Кассирера указывает К. Свасьян, который считает, что именно «на них покоится все наследие философа, все разнообразие его исследовательских интересов» [7, с. 53]. К. Свасьян отмечает следующие принципы, характеризующие философию Э. Кассирера: критицизм, трансцендентализм, логицизм и функционализм.

К. Свасьян и А. Кравченко, так же как и ряд зарубежных исследователей, чья точка зрения была изложена, указывают на то, что Э. Кассирер переосмысливает идеи И. Канта и использует их для построения собственной философской теории – философии символических форм.

Еще одной отличительной особенностью философии Э. Кассирера является ее культурфилософский смысл: возможность усмотрения наличия культурного априоризма, который он выражает в идее рационалистически обоснованной веры в безграничные возможности культуры разума. В этом смысле понятие разума как функции культуры, использование понятия символа – «символической функции» – для выражения *a priori* форм отношения многообразного и единого являются прямым следствием неокантианской трактовки трансцендентального метода И. Канта, признающего изначальную связанность «факта разума» и «закона разума» [8, с. 210–224].

Далеко не все исследователи творчества Э. Кассирера разделяют изложенную точку зрения. Так, А. Кравченко в одной из своих работ «Логика гуманитарных наук Э. Кассирера. Кассирер и Гете» представляет философию культуры Э. Кассирера как результат своеобразного соединения «гетеанства» и неокантианства [6, с. 86]. Она признает тот факт, что трансцендентальная философия И. Канта во многом определила вектор развития философских идей Э. Кассирера, но тем не менее, понятие «функции» было заимствовано Э. Кассирером

именно у Гете, так как отношение всеобщего и особенного, которое содержится в «функции», существует и в гетевском понимании «ряда». Именно это отношение представляется «символическим».

Некоторые отечественные (К. Свасьян, А. Иванов, М. Соболева) и зарубежные (Дж. М. Кройс, Э. Орт, Х. Мекель) исследователи указывают на определенную близость философии символических форм и феноменологии Э. Гуссерля. В своей работе «Философия символических форм Кассирера» К. Свасьян, исследуя истоки мировоззрения неокантианца, в присущей ему критической форме говорит о том, что влияние Э. Гуссерля – «это наиболее напряженный и интересный момент влияния. Сознательно или бессознательно, но Кассирер черпает у Гуссерля самые разрушительные свои интуиции и, словно бы чувствуя парадокс, борется с Гуссерлем» [9, с. 25]. Выявляя результат подобного влияния, К. Свасьян отмечает, что «феноменология выработала в нем (в Э. Кассирере. – С.Ш.) навык структурно устойчивого исследования форм в плане их автономной значимости и самодостаточности» [9, с. 27].

Так или иначе, но именно этот принцип трансцендентальной феноменологии является одним из основополагающих для всей «Философии символических форм». В статье «Философская судьба Э. Кассирера» А. Иванов выявляет сходные предпосылки двух мыслителей: «и для Гуссерля, и для Кассирера говорить об объективном мире самом по себе – значит впадать в бесплодную онтологическую метафизику, поскольку мир всегда опосредован системой символов культуры (Кассирер) или миром феноменов сознания (Гуссерль)... Истинная цель философии – вскрыть трансцендентальные основы смыслоположения (Гуссерль), символической способности (Кассирер). И тот, и другой претендуют на безусловную объективность, общезначимость и строгость исследования; оба считают себя верными последователями кантовской философии» [10, с. 46].

Принимая во внимание указанные точки зрения, автор тем не менее придерживается позиции, изложенной Л. Калининским в статье «Природа символа в гносеологии Канта и философский символизм» [11, с. 160–172]. Он справедливо считает философию символических форм одним из логических вариантов развития идей И. Канта. Л. Калининский отмечает, что трансцендентальный идеализм был востребован самой логикой общественного развития, откуда, как из плодородной почвы, начал расти философский символизм. Ведь, согласно И. Канту, если понятие нельзя изобразить непосредственно, а можно изобразить только в его последствиях (*indirecte*), то действие это можно назвать символизированием понятия, которое есть необходимое вспомогательное средство для понятий о сверхчувственном.

Л. Калининский справедливо оправдывает предлагаемое неокантианством расширенное толкование трансцендентального метода И. Канта, основанное на исследовании проблемы символа. Обоснование этой позиции можно определить самим философским значением символического в познании, которому И. Кант придавал особый смысл. Символ, его место и роль в процессе познания являются постоянным предметом размышления философа с того момента, как он увидел возможность проникновения с помощью символов в мир «вещей в себе». Интуитивное обладает символической разновидностью: «символическое

как представление по одной только аналогии. <...> Все наши познания о Боге только символическое» [12, с. 278].

Вопрос о природе символического в познании имеет для трансцендентальной философии особое значение. Он связан не только с исследованием рефлексивной способности суждения, но и с постановкой проблемы действия способностей души как целого. Проблема символа рассматривается в таких работах И. Канта, как «Критика способности суждения», «Антропология с прагматической точки зрения». В одном из разделов незаконченной работы «О вопросе, предложенном на премию Королевской Берлинской академией наук в 1791 году: какие действительные успехи создала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа?» он формулирует проблему символического как априорную идею чувственного созерцания. Символичность языка как априорной формы «внутреннего» представления (средством репродуктивного воображения) была одним из объектов размышления И. Канта, и с нею он связывал свои надежды на безграничность прогресса культуры человечества. Э. Кассирер, таким образом, вполне справедливо считает расширение кантовского критицизма вполне обоснованным и имеющим исторические причины и предпосылки.

С возникновением новых независимых наук о языке, искусстве и религии философская теория познания столкнулась в эпоху романтизма с новыми проблемами. Это объясняет и то, что последователи И. Канта пытаются провести структурный анализ «наук о культуре» в том же смысле, в каком И. Кант сделал его для естественных наук, придавая особое значение разработке проблемы символического в познании, тем самым выполняя задачу, которую философ считал одной из важнейших.

Для Э. Кассирера важным является сам факт анализа феномена языка, причем следует отметить, что язык в кантовской трактовке предстает как одна из множества форм символической рациональности. Символический универсум культуры есть сочетание различных типов реальности, своеобразных культурных сфер или же функций духа (язык, религия, миф, теоретическое познание). Многообразие символических миров и единство духа – вот основополагающий тезис «Философии символических форм». «Все они живут в самобытных образных мирах, – пишет Э. Кассирер, – где эмпирически данное не столько отражается, сколько порождается по определенному принципу. Все они создают свои особые символические формы, если и не похожие на интеллектуальные символы, то, по крайней мере, равные им по своему духовному происхождению. Каждая из этих форм не сводима к другой и не выводима из другой, ибо каждая из них есть конкретный способ духовного воззрения: в нем и благодаря ему конституируется своя особая «действительность». Это, стало быть, не разные способы, какими некое сущее в себе открывается духу, а пути, повторяемые духом в его объективации, или самооткровении» [13, с. 15].

Априорный статус языка Э. Кассирер определяет тем, что язык представляет собой особую форму познания *a priori*, функционирующую по собственным законам, и в то же время его можно считать символической формой объективации мира, в которой понятие достигает уровня конституирования чувственного представления. В ходе формирования языка, по Э. Кассиреру, хаос непосредст-

венных чувственных впечатлений упорядочивается и приобретает устойчивые очертания. Различения и обособления, фиксация определенных содержательных значений в звуковых знаках приводит к тому, что ощущения и восприятия постепенно преобразуются в созерцание. А сам язык начинает действовать как своего рода «функция» в формировании и передаче общих значений.

Согласно философии Э. Кассирера в основе речевой способности человека лежит рефлексия, понимаемая как «способность выделять из всего нерасчлененного потока чувственных феноменов некоторые устойчивые элементы, чтобы, изолировав их, сосредоточить на них внимание» [14, с. 486]. Важнейшая особенность языка состоит в том, что он не является отражением действительности, а представляет собой «диалог между Я и миром», в ходе которого границы того и другого впервые обретают определенность [14, с. 193]. Понятийно-логическое оформление действительности опосредовано аффектами, волей, оценками и тем самым оказывается пронизанным чисто субъективным мировосприятием.

Как пишет Э. Кассирер, «слово – не отражение предмета как такового, а демонстрация образа, произведенного в душе предметом» [14, с. 223]. Характеризуя присущую языку субъективность, философ утверждает, что хотя язык и исходит из «фундаментального опыта и фундаментальной формы личного действия», при этом он все же «придает миру новую форму, в которой мир противостоит чистой субъективности и чувства, и ощущения» [14, с. 227]. Язык, таким образом, характеризуется двойственностью, или же двунаправленностью. С одной стороны, он призван *a priori* выражать чувства и представления говорящего, а с другой – должен *a posteriori* передавать некое объективное положение вещей. Как видим, в языке функции выражения и представления постоянно переходят друг в друга, сливаясь в итоге в чувственно-духовное единство. Язык в символическом идеализме Э. Кассирера – это своего рода формообразование, основа построения предметного мира, так как в ходе своего развития он формирует представление о предмете.

Как отмечает В. Белов, «своей философией языка Кассирер более эксплицитно и сильно, чем кто бы то ни было другой, выразил содержательные преимущества идеализма» [2, с. 178]. Свою точку зрения исследователь обосновывает тем, что Э. Кассирера не интересуют ни социальная или эстетическая роли языка, ни структурные закономерности, которые можно найти в различных языках мира на прагматическом, семантическом и грамматическом уровнях. Он смотрит на язык с точки зрения его образования. Эмпирически установленный генезис языкового развития он воспринимает как исходный пункт того, как человеческий дух, эволюционирующий посредством развития языковых структур, открывает способность абстрактного мышления. Отмечая тот факт, что феноменализм и функционализм в философии языка помогают Э. Кассиреру обойти острые углы в проблемах соотношения многих структурирующих язык моментов и структурных элементов самого языка, В. Белов указывает и на слабые стороны такого подхода.

Одна из них связана с анализом источника внутренних сил и возможностей самого языка создать условия для освобождения от присутствия чувственности, так как появляется впечатление, что в данном процессе язык теряет свою са-

мость и подчиняется мышлению. Это ставит под угрозу выполнение одной из главных задач философии символических форм, которая заключается в том, чтобы суметь представить язык в двух его взаимосвязанных качествах: универсальности и самостоятельности. Указанием на то, что «язык – поистине самостоятельная и изначальная энергия духа», Э. Кассирер говорит, что только при таком условии язык может «войти в совокупность этих [символических] форм как целое, несовпадающее ни с одним из прочих уже существующих звеньев этого целого, и ему подобает при всех систематических связях... в этом целом его собственное место, обеспечивающее его автономию» [13, с. 101].

Рассматривая проблему взаимосвязи языка и мышления, Э. Кассирер не признает ни их тождественности, ни момента доминирования одного над другим. Как он полагает, «мысль не только пользуется знаками, предлагаемыми ей в готовом виде языком, но сама она, обретая свою новую форму, создает соразмерную ей форму для знаков» [15, с. 272]. Э. Кассирер также отмечает, что «мышление развивается хотя и вместе с языком, но и одновременно против него» [13, с. 254]. Для него язык и мышление не сливаются, они являются взаимно необходимыми, но тем не менее недостаточными условиями друг для друга. И тот факт, что язык связан с мышлением, позволяет предположить, что он должен рассматриваться как своеобразный орган оформления мира. Язык, открывая мир человеку, выполняет данную функцию наряду с другими культурными формами и тем самым демонстрирует свою универсальность. Но, как было отмечено, это является лишь одним из качеств языка, которое взаимосвязано с другой, не менее важной его особенностью – самостоятельностью. На нее Э. Кассирер указывает, подчеркивая, что необходим «особый взгляд на мир языка как такового» и что только в силу наличия этого общего взгляда на мир язык выделяется из прочих форм духа, благодаря именно ему язык отчасти соприкасается, отчасти отмежевывается от взглядов на мир, присущих научному познанию, искусству, мифу [13, с. 223]. Язык – необходимое условие для философской рефлексии культуры. В этом проявляется его самость. Культуру можно презентовать без языка, так как открытие внешнего и внутреннего мира возможно без языкового выражения. Но философская рефлексия культуры немыслима без отношения к языку.

Таким образом, согласно философии символических форм Э. Кассирера язык, являясь автономной формой культуры и выступая в роли посредника мысли, способен открыть сознанию весь мир. Тем самым он выполняет свою символическую функцию. Язык, как и остальные символические формы, имеет двойное значение, поскольку, составляя опытное содержание культуры, в то же время он – априорная форма выражения функциональных духовных энергий, реализуемых человеком в своей конкретной истории в процессе формирования мира.

Библиографический список

1. Философия культуры. Становление и развитие [Текст] / под ред. М. С. Кагана, Ю. В. Перова, В. В. Прозерского, Э. П. Юровской. – СПб., 1998.
2. Белов, В. Н. Эрнст Кассирер. Философия символических форм [Текст] / В. Н. Белов // Вопросы философии. – 2003. – № 12. – С. 177–182.

3. *Kuhn, H.* (Helmut). Review of An Essay on Man by Ernst Cassirer [Текст] / H. Kuhn // Journal of Philosophy. – 1945.
4. *Kaufmann, F.* (Fritz). Review of An Essay on Man by Ernst Cassirer [Текст] / F. Kaufmann // Philosophy and Phenomenological Research. – 1948.
5. *Itzkoff, S.* (Seymour). Ernst Cassirer: Scientific Knowledge and the Concept of Man [Текст] / S. Itzkoff. – Notre Dame : University of Notre Dame Press, 1971.
6. *Кравченко, А. А.* Логика гуманитарных наук Э. Кассирера. Кассирер и Геге [Текст] / А. А. Кравченко. – М., 1999.
7. *Свасьян, К. А.* Проблема символа в современной философии: (Критика и анализ) [Текст] / К. А. Свасьян ; отв. ред. А. В. Гулыга. – Ереван, 1980.
8. *Тетюев, Л. И.* Трансцендентальная философия: современный проект [Текст] / Л. И. Тетюев. – Саратов, 2001.
9. *Свасьян, К. А.* Философия символических форм Кассирера [Текст] / К. А. Свасьян. – Ереван, 1989.
10. *Иванов, А. В.* Философская судьба Э. Кассирера [Текст] / А. В. Иванов // Вестник Моск. ун-та. – Серия 7: Философия. – 1990. – № 5. – С. 44–58.
11. *Калинников, Л. А.* Природа символа в гносеологии Канта и философский символизм [Текст] / Л. А. Калинников ; отв. ред. В. Н. Брюшкин // Логическое кантоведение: Тр. между. сем. – 1998. – № 4. – С. 160–172.
12. *Кант, И.* Критика способности суждения [Текст] / И. Кант. – СПб., 1995.
13. *Кассирер, Э.* Философия символических форм [Текст] : в 3 т. / Э. Кассирер ; отв. ред. Д. М. Носов ; пер. с нем. С. А. Ромашко. – М. ; СПб., 2002. – Т. 1.
14. *Кассирер, Э.* Избранное. Опыт о человеке [Текст] / Э. Кассирер. – М., 1988.
15. *Кассирер, Э.* Философия символических форм [Текст] : в 3 т. / Э. Кассирер ; отв. ред. Д. М. Носов ; пер. с нем. А. М. Руткевич. – М. ; СПб., 2002. – Т. 3.

УДК 165.15
ББК 87.22

Н.Е. Кузьмина,

*аспирант кафедры философии и социально-экономических наук
Педагогического института Саратовского государственного
университета им. Н.Г. Чернышевского*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ АНТИЧНЫХ СИСТЕМ АРГУМЕНТАЦИИ

Со времен Античности эффективность аргументативной деятельности достигалась за счет ее упорядоченности, вне которой не имело смысла вести дискуссию. Исходным понятием в представлении об упорядоченности выступала категория «система», организующая объединение некоторого разнообразия в единое и четко структурированное целое. В свою очередь, философия в качестве предельно общей системы дает возможность исследователю проверить, подходит ли созданная им теория (модель) для достижения поставленной познавательной цели.

Неоднократные попытки философов создать универсальную систему, основанную на строгих универсальных же методах и решающую как философские, так и общенаучные познавательные проблемы, показали, что она не может существовать, поскольку практическая реальность (в отличие от теоретической) подвижна и многообразна. В XX в. стало аксиомой утверждение об опасности так называемого «системосозидающего мышления», когда на основании искусственно заданной системы делаются попытки конструировать и имитировать действительность, вместо того чтобы познавать ее. Тем не менее такие попытки периодически возобновляются, особенно в сфере конструирования аргументативных систем различного порядка. В связи с этим имеет смысл обратиться к истории вопроса с целью выявления социокультурных оснований столь характерной для европейской интеллектуальной традиции практики.

Под аргументацией (от лат. *argumentatio*) обычно понимается способ приведения доказательств. В современных исследованиях, проводимых на основе логической методологии, проводят различие между понятием доказательства и понятием аргументации. Наукой о доказательствах в узком смысле слова является логика в ее нынешней символической (математической) форме [1, с. 20]. Под доказательством в логике понимается процесс установления истины, обоснование истинности суждения. Доказательство в узком смысле слова в точных дедуктивных науках представляет собой цепочку умозаключений, выстроенных согласно строгим правилам и ведущих от истинных посылок к доказываемым тезисам, формулировка и содержание которых известны заранее. В зависимости от типа избранной формальной системы понятие доказательства будет иметь разные уточнения и определения.

Для выстраивания внутренних и внешних взаимосвязей разрабатываемых систем философы опирались в основном на логику. Результаты же научного и практического познания признаются истинными, если они прошли тщательную и всестороннюю проверку. На ступени абстрактного мышления результаты процесса познания проверяются главным образом сопоставлением полученных результатов с другими, ранее установленными суждениями. Такая опосредованность суждений, или аргументация, утверждает их истинность логическим способом. Выдержавшие логическую проверку суждения выполняют функцию убеждения. Это означает, что «право на жизнь» разработанная система получает исключительно после того, как исследователь даст ей подробную аргументацию, то есть аргументативный процесс в определенной степени обеспечивает получение достоверного, объективного знания.

Доказательство в широком смысле слова – это все то, что убеждает в истинности чего-либо и основано на интуитивных аргументах. Теория аргументации имеет дело с доказательством в широком смысле.

Этап осмысления аргументации начался в Античности. Интерес к рассуждению именно как к процессу и удивление перед возможностями открытия истины таким способом характерны на всей территории распространения древних цивилизаций. Правильность речи, ее связность, последовательность и доказательность впервые были определены греческим философом Демокритом как логичность.

Слово «логика» в его современном употреблении многозначно, но происходит от древнегреческого «logos» – слово, учение, знание. Все, что связано со словом, речью, языком, мыслью, разумом относится к этому понятию. Социально-культурную традицию античной аргументации формировало многое, но прежде всего – религиозный фактор, фундаментально связанный со словом и мыслью.

В архаической Греции существовала богатая и разветвленная система мифов, уходящая корнями в микенский период истории и связанная с мифами Крита. Мифы бытовали в свободной форме, их рассказывали певцы-аэды, позднее рапсоды. Такое свободное функционирование рассказов о богах повлияло на особенности религиозного сознания греков. Их представления о «божественном» были менее магичны и включали не только выполнение связанных с «договором» людей и богов обрядов без рассуждения, но размышления как о самих богах, их происхождении и иерархии, так и о мироустройстве в целом [2, с. 95].

Относительная религиозная свобода греков способствовала также тому, что непосредственно слитая с мифами легендарная история начиная с VIII в. до н.э. передается не в виде фольклора, а в форме авторского поэтического творчества, в частности гомеровского эпоса, из которого заимствуются религиозные, этические, эстетические представления. Одновременно идея божественности поэзии в целом укрепляла статус слова-«логоса».

Уже в IV в. до н.э. в Греции возникает достаточно стройное учение орфиков, связанное с культом Диониса. Орфическое учение оказало большое воздействие на формирование этических представлений в греческой философии и вообще на религиозное сознание греков. Относительная свобода в области представлений о богах породила самобытный и значимый феномен культуры – философию.

Пифагорейское учение во многом представляло собой понятийную трактовку орфических концепций, но они были переосмыслены на основе «отвлечения» понятий от мифических образов. Так, можно сравнить знаменитую пифагорейскую таблицу противоположностей, приводимую Порфирием и близкую таблице Аристотеля, представленной им в «Метафизике», с надписями на орфических пластинках, датируемых серединой V в. до н.э. «Такие пары, как свет-тьма, хорошее-дурное, мужское-женское, в таблице пифагорейских противоположностей вполне сопоставимы с парами на культовых пластинках: жизнь-смерть, истина-ложь, душа-тело, а также прямое-кривое, правое-левое, предел-беспредельное, покоящееся-движущееся, единое-множество, нечет-чет, квадрат-параллелограмм – и с ними согласуются» [2, с. 104].

Пифагорейцы переводили метафоры на язык понятий, создавая «рационалистическую» версию мифов и теологии орфиков [3, с. 14]. Эта идея послужила фундаментом для возникновения в Греции не прикладной, а «чистой» математики и геометрии. Они не столько следовали традиции, сколько создавали ее сами на основе найденных ими «идеальных» законов.

Ионийские натурфилософы также пытались определить единую основу сущего. Фалес считал, что это вода, Анаксимен – воздух. Данные «физические» элементы отличались от абстрактной, внечувственной сущности, каковой явля-

лись «апейрон» Анаксимандра или «логос» Гераклита [4, с. 26]. Так, в уже в конце VI в. до н.э. в Греции рефлексия мышления входит в тенденцию «нормы». Из конкретных явлений «извлекаются» абстрактные основания, которые воспринимаются в качестве «законов». В свою очередь, эти «законы» становятся базой мысленного конструирования разнообразных «моделей» бытия в целом, общества и человека в частности.

В середине V в. до н.э. свод правил, написанных Протагором, положил конец рассуждениям и спорам о равновесии божественных и человеческих «законов». Своеобразным девизом сочинения стала фраза «Человек есть мера всем вещам – существованию существующих и несуществованию несуществующих». Это прославление человека (а не бога) в качестве «меры» всего сущего принесло популярность софистам. В этот момент произошел поворот от религиозно-мифического сознания в пользу утверждения о могуществе человека и разума. Протагора признали мудрейшим из людей. Софисты брались обучить «мудрости» любого, могли теоретически оспорить любое утверждение и показать относительность любой ценности. Тем самым на практике высшей ценностью становилась способность убедить в своей правоте, вне зависимости от «содержания» точки зрения. Подобное умение было как нельзя кстати и в народном собрании, где, как правило, голосовали за предложение лучшего оратора, и в суде, где победу обеспечивали убедительные речи. Наибольшим спросом у афинян пользовалась такая отрасль софистической науки, как риторика – искусство построения речей.

Краеугольным камнем софистической мудрости явился субъективизм, почва для появления и распространения которого была подготовлена и предшествующей философией, и практикой демократии.

В IV столетии до н.э. в Афинах расцветают философия и риторика. Утверждается новый, негомеровский тип образования: философский и риторический. Главным теперь признается не столько гармония «мусического» и «гимнастического», сколько умение рассуждать и высказывать свои рассуждения в слове. Две образовательные установки – философская и риторическая – противопоставляют себя друг другу. Спор философов и риториков о «слове», о природе «речи» выражает противостояние двух принципиальных мыслительных установок и продолжает «агон» Сократа и софистов.

И софистика, и философия ставят «логос» очень высоко, но осмысливают его по-разному. Такое представление о слове, эмоционально преобразующем слушателей, восходит к сакральному и мифопоэтическому измерению «логоса», посредством которого он на людей воздействует. Однако представление о «божественности слова», существующее в греческой культуре в немалой степени благодаря поэзии, в софистике расставляет новые акценты. Если образ «поэта-пророка» определял отношение к логосу как к вдохновенному божеством «посланию свыше», то образ хитроумного учителя мудрости, играющего словом ради своих целей, как бы «очеловечивает» логос, расширяя и углубляя культурное измерение словесного творчества.

Отношение к слову у философов, спорящих с софистическими идеями условности всего сущего, в том числе и языка (прежде всего у Сократа и Плато-

на), отражает общее убеждение в существовании онтологических умопостигаемых законов, определяющих изменчивое эмпирическое бытие. Софисты же считают, что значения слов не имеют отношения к их звучанию, те или иные наименования предметов диктуются неким соглашением людей. Доказательством служит то, что в разных языках одно и то же называется по-разному.

Идея конвенциональности языка – отражение общесофистического релятивизма, заявленного как девиз протагоровским тезисом «человек есть мера всех вещей». Платон, напротив, пытается доказать, что в любом языке «изначальные» слова, данные «творцом имен», отражают сущность стоящих за ними «вещей»; «логос» не есть условность, как считают софисты. Значение и само звучание слова, по Платону, укоренены в непреложной области «божественного законодательства».

«Идеализм» в лице Сократа и Платона настаивает на существовании «идеальных моделей» бытия. Речь о любом предмете должна строиться с позиции воспроизведения структуры самого предмета. Исходя из этого, Платон выступает против «риторического» отношения к слову, полагая, что риторика есть непосредственное порождение и продолжение софистики. Он считает риторику поверхностным навыком составления речей, не обеспеченным философским фундаментом, а для того чтобы составлять хорошие речи, нужно прежде всего изучать философию. Иными словами, во главе философского типа образования стоит идея познания истины. Лишь после основательной философской подготовки возникает правильное отношение к «логосу» и умение его использовать.

Процесс опосредованности суждений, или аргументации, организует мышление, задает некоторую структурированность и принудительность мысли. В связи с этим одной из наиболее приемлемых и эффективных форм аргументации, начиная с Античности, считался диалог. Диалог, как система действий, опирается (условно) на основные формально-логические законы построения суждений и умозаключений. Многие авторы отмечают, что созданная «отцом логики» Аристотелем наука своим источником имела практическую потребность афинян в искусстве интеллектуального поединка. В диалогической форме были написаны все произведения Платона, кроме «Апологии Сократа». Форме диалога он отдавал предпочтение при обсуждении разнообразных философских проблем [5, с. 404–405].

В диалоге выдающихся мыслителей античной философии обсуждаются совершенно отвлеченные проблемы, не имеющие личного, бытового или политического характера. Эта форма доведена Платоном до высокой степени совершенства. Несмотря на условность формальной и символической логики эта форма (диалог) тем не менее была достаточно надежна, ибо состояла из правил: схем, форм рассуждений, присущих языково-мыслительной сфере.

Риторическая концепция образования подходит к соотношению «слова» и «истины предмета» с противоположной стороны. Здесь слово выступает своеобразной «заменой» и одновременно гарантом истины. Изучение «словесного» в рамках этой концепции само по себе приближает человека к постижению сущего. Ученик Горгия Исократ считал «логос» великой силой, полагая,

что слово – главное преимущество людей, выделяющее их из мира животных. Логос и его интерпретации оказываются основой культуры. Слово для Исократы – та предпосылка, которая дала людям возможность объединиться в общество, установить законы и осознать себя в качестве индивидуумов. Благодаря этому «речь» у него превращается в квинтэссенцию культуры, отражающую в сжатом виде этапы исторического развития. С точки зрения Исократы, изучение «логоса» и законов построения речи – «универсальный» инструмент как для изучения мира человека, так и для активного воздействия на мир. Тем самым в риторической концепции образования центральное место занимает не «предмет», изображаемый словом, а сам «логос». Изучение слов заменяет собой философию.

Две конкурирующие образовательные модели – философская и риторическая, их соперничество в значительной степени предопределили дальнейшее развитие культуры. Философия и риторика – «две силы, пребывающие в постоянном конфликте, но и контакте, в противостоянии, но и взаимной соотнесенности: воспитание мысли и воспитание слова – философия, ищущая истины, и риторика, ищущая убедительности. Философия претендовала на то, что она и есть «истинная» риторика. Риторика претендовала на то, что она, и только она, есть «истинная философия». Получается, что «лицо культуры двоица: это «пайдейя» под знаком философии и «пайдейя» под знаком риторики, а сами философия и риторика и их спор оказываются центром, сердцевинной всей культуры античного типа» [6, с. 146].

Таким образом, если с софистов начинается риторический дискурс, то с Аристотеля – логический. Благодаря идее логичности как связи суждений в доказательство Аристотель устанавливает право человека задать свой тип аргументации, свои «законы» построения мысли, возможность придумать свой инструментарий на основе специфической рефлексии социально-культурного опыта не посредством ощущений, впечатлений, художественно-эстетических переживаний, а посредством логической (разумной) аргументации.

В результате логика становится базисом способа восприятия мира, а логическая аргументация и обоснованная смена правил логического построения задают направление человеческой мысли.

Библиографический список

1. Герасимова, И. А. Искусство убеждения в традициях логической науки [Текст] / И. А. Герасимова, М. М. Новоселов // Мысль и искусство аргументации / под общ. ред. И. А. Герасимовой. – М., 2003.
2. История мировой культуры: Наследие Запада: Античность. Средневековье. Возрождение [Текст] : курс лекций / под ред. С. Д. Серебряного. – М., 1998.
3. Асмус, В. Ф. Античная философия [Текст] / В. Ф. Асмус. – М., 2001.
4. Донских, О. А. Античная философия: Мифология в зеркале рефлексии [Текст] / О. А. Донских, А. Н. Кочергин. – М., 1993.
5. Платон. Сочинения [Текст] : в 3 т. / Платон ; пер. с древнегреч. ; под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. – М., 1970. – Т. 2.
6. Аверинцев, С. С. Античный риторический идеал и культура Возрождения [Текст] / С. С. Аверинцев // Античное наследие в культуре Возрождения. – М., 1984.

Ю.С. Федукина,

*ассистент кафедры менеджмента туристического бизнеса,
аспирант кафедры культурологии
Саратовского государственного технического университета*

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И СМИ НА ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЯПОНИИ

Модель поведения современных японок комбинируется из многих факторов, в их числе: традиционные нормы и ценности, потребности общества на данный момент времени, современные ценности, веяния моды и другое. Выскажем предположение, что, несмотря на целевое расхождение политики властных структур и СМИ, для современной японки приемлемо сочетание гендерного статуса, предложенного правительством, и свободы действия, отраженной в средствах массовой информации.

Нэнси Розенбергер считает, что жизненные возможности японок во многом определяются политикой японского правительства, которое предлагает им следующие повседневные роли: работник полной занятости, экономически зависимая домохозяйка и служащий неполного рабочего дня. Хотя гендерная политика постиндустриальной Японии дает женщинам свободу выбора и создает видимость того, что японки могут легко переходить от одной роли к другой, она все же отрицательно относится к тем женщинам, кто пытается совмещать работу и домашние обязанности [1, с. 13]. Правительственная политика определяет следующий курс жизни женщины: после окончания высшей школы женщина должна работать полный рабочий день, готовясь вскоре выйти замуж и завести детей (примерно в 24–25 лет). Хотя женщины могут работать после рождения ребенка, для японских матерей на первом месте должно стоять дошкольное образование детей. «Часто школьники экзаменуются для того, чтобы можно было проконтролировать, как матери обучают своих детей» [2, с. 125–126]. После того как дети пойдут в школу, женщины должны вернуться к работе с меньшей занятостью, которая позволяет им выполнять и домашние обязанности. Японки также должны заботиться о пожилых членах семьи и о муже, когда он возвращается с работы или уходит на пенсию. «Многие мужчины ожидают от своих жен, что они будут заботиться об их пожилых родителях» [3, с. 67].

Гендерная политика правительства рекомендует женщинам оставаться замужем за одним мужчиной в течение всей жизни и довольствоваться половиной его пенсии и наследством после его смерти. Прошрое поколение женщин стремилось быть «хорошими женами и мудрыми матерями», что обязательно включало в себя преданность своей большой семье [4, с. 86]. Таким образом, жизнь женщины в

Японии очень четко расписана. Впрочем, это правомерно и в отношении ко всем японцам, в силу особенностей японского национального характера.

Социальная и трудовая политика правительства предписывает, чтобы женщины работали полный рабочий день и чтобы у них была возможность повышения квалификации. В частности, на реализацию данного постулата была направлена пенсионная реформа 1986 г., поскольку для начисления пенсии требовался сорокалетний рабочий стаж. Кроме того, правительство прекратило программы, которые компенсировали женщинам меньшее количество проработанных лет и позволяли им получать пенсию раньше, чем мужчинам [1, с. 14].

Политика японского правительства очень сильно влияет на жизнь японок, стимулируя перфекционизм в выполнении не только домашних, но и служебных обязанностей. Выделим некоторые возможные причины данного стремления правительства: экономический подъем Японии, необходимость задействовать как можно большее количество человеческих ресурсов в служении целям экономического роста. Таким образом, гендерная политика и экономика Японии очень тесно переплелись.

Новые трудовые законы устранили ограничение рабочих часов для женщин в организаторской деятельности и увеличили денежное поощрение для компаний, которые повторно нанимают их после рождения ребенка [1, с. 15]. «В настоящее время увеличилось число семей, в которых оба супруга работают. Таких семей на 1 млн больше, чем семей, в которых работает только супруг-мужчина, а женщина не занята ни на какой работе. Увеличилось число мужчин, которые считают, что даже когда дети еще маленькие, лучше чтобы жена работала, а не сидела дома. Работают женщины в основном для экономического самообеспечения и психологического самоудовлетворения» [5]. Как правило, многие женщины-служащие состоят в браке и имеют маленьких детей [6, с. 224].

Итак, гендерная политика японского правительства некоторым образом дает женщинам возможность работать полный рабочий день и продвигаться по служебной лестнице. В то же время нельзя забывать и о том, что она направлена прежде всего на пропаганду образа домохозяйки и предписывает японкам неполный рабочий день. Таким образом, правительство предоставляет женщинам определенную свободу выбора, но поощряет образ женщины-домохозяйки, зависящей от мужчины в финансовом плане.

В соответствии с новой пенсионной политикой жены японцев, которые удостоиваются большой пенсии, получают пенсионные выплаты через автоматические вычеты из зарплаты мужа. Как ни странно, с 1960 по 1986 г. японка, чей муж зарабатывал мало, обладала некоторой самостоятельностью, поскольку сама вносила ежемесячную плату в пенсионный фонд. В настоящее время все женщины являются потенциально зависимыми в пенсионной системе, без учета того, принадлежат их мужья к рабочему или управленческому классу. Они достигают определенной свободы только после развода или после достижения шестидесяти лет, даже в этом случае получая низкие пенсионные выплаты [1, с. 15–26].

Политика японского правительства влияет главным образом на экономические стороны гендерного вопроса Японии. Что касается социальных вопросов, проблем половой и социальной дискриминации, то более продуктивно рассма-

тривать процесс воздействия СМИ. Отметим, что в противоположность официальной гендерной политике японского правительства японские СМИ предлагают несколько иные образы японских женщин.

В 1970–80-х годах в Японии значительно возросло число журналов. В отличие от более ранних изданий новые журналы обращены к молодежи и направлены на создание модного стиля жизни [1, с. 20]. Отчасти это объясняется тем, что японское правительство стимулировало потребление среди более обеспеченных социально-экономических групп населения, в которых в основном и произошло увеличение потребительских расходов. Студенты высшей школы, студентки вузов, молодые незамужние девушки и молодые домохозяйки – вот группы потребителей, на которые ориентировались периодические издания. Государственные журналы направили взгляды граждан от гендерного неравенства и мужского доминирования в обществе к достижению определенного статуса в системе потребления. Однако некоторые журналы все же обращают внимание на то, что биологические различия между мужчиной и женщиной являются причиной сосредоточения женских интересов на домашнем хозяйстве и подчиненного статуса на службе [1, с. 21].

Для женщин, получивших образование, журналы предлагают идею, что молодые японки не обязаны экономить деньги для семьи, компании или нации. Они работают для того, чтобы было больше возможностей для развлечения. Рассматривая группу незамужних японок (22–25 лет), женские журналы предлагают свободу выбора досуга и развлечения городской молодежи: пиво, гольф-клубы, автомобили, методы контролирования рождаемости. Однако, кроме развлечений, в центре внимания журналов стоит также брак. Несмотря на то что в СМИ необходимость вступления в брак подвергается сомнению, официально заключенный союз предпочтительнее сожительства [7, с. 84]. Таким образом, современные японки находят в очень противоречивых жизненных условиях. Журналы в конечном счете закрепляют установки правительства, но они же пропагандируют стремление женщин к свободе.

В конце 80-х – начале 90-х годов XX в. журналы попытались охватить несколько новых сегментов рынка (возрастная группа от 25 до 35 лет). Один сегмент включает в себя самостоятельных, искушенных женщин [1, с. 23], другой представлен женщинами, сосредоточившими внимание на учебе и карьере. Например, *Nikkei Woman* показывает, что японки любят свою работу, поскольку она отвечает их ежедневным нуждам и позволяет накопить денег для обучения за рубежом. *Crea* сосредоточивает внимание женщин на некоторых проблемных вопросах (либерализация, СПИД, половая и социальная дискриминация в Японии и др.). Молодые разведенные женщины представляют отдельный рыночный сегмент. Авторы журнальных заметок изображают разведенных женщин как сексуально привлекательных и успешных в построении карьеры, уточняя, что в настоящее время даже мужчины и дети принимают нетрадиционную для Японии идею развода и повторного брака. Женщинам средних лет журналы предлагают образы индивидуальности, досуга, даже искушенности, но только в пределах домашнего хозяйства. Несмотря на то что особое внимание уделяется кулинарии, шитью, моде, в журналах иногда печат-

таются интервью с женщинами, которые успешно совмещают работу и дом, но при этом подчеркивается значение самой работы, а не получение наград и достижение высокого статуса.

Очевидно, что в журналах молодым японкам предлагаются образы сексуальной привлекательности. В послевоенные годы многие страны провели линию взаимосвязи между товарами потребления и женской привлекательностью (вне брака), и Япония была одной из них. Фотографии топ-моделей, опубликованные в японских женских журналах, также очень влияют на читательниц. Большинство японок стремится подражать этим красивым и хорошо сложенным девушкам. Вот почему многие женщины в Японии, стараясь приблизиться к желанному образу, подвержены «диетному синдрому»: 82% японок считают, что их тело далеко от совершенства, 22% – что они себе нравятся, но можно достичь лучших результатов. Влияние СМИ в данном вопросе часто приводит к увеличению количества неврозов и суицидов среди молодых японок [8, с. 183].

В Японии изображения сексуальной привлекательности сосредоточиваются на гетеросексуальных отношениях вне брака, а брак основывается скорее на чувствах, чем на обязательствах. Эта тенденция развивается вопреки традиционным самурайским методам контролирования интимных вопросов до и после брака, имевшим силу закона в 1898 г. Но несмотря на то что данный закон был аннулирован после войны, эти строгие обычаи распространились в большинстве регионов и классов Японии, преобладая над свободными взглядами к добрачным сексуальным отношениям, распространенным в деревнях и низших классах городских жителей [1, с. 25].

Несомненно, правительство старается управлять добрачными отношениями японок, для чего в государственных журналах периодически появляются статьи, критикующие тех женщин, чья сексуальность становится особенно ярко выраженной. Стремление женщины к любовным отношениям и поиску новых сексуальных партнеров угрожает традиционной установке на необходимость заключения брака, которая играет роль стабилизации социальной иерархии путем соединения двух семейных родов и налагает на женщину обязанность заботиться о членах семьи мужа. Таким образом, можно заметить нарушение японок постулатов социального порядка традиционной системы [9, с. 119–127].

Понятие отдыха в современных женских журналах несколько отличается от традиционных установок. Традиционно время для релаксации появляется лишь после того, как выполнены служебные обязанности. Однако, если судить по журналам, женщины отдыхают большую часть времени и при любых обстоятельствах. Кроме того, социальный порядок требовал, чтобы женские роли во многих ситуациях были более ограничены, чем мужские, поскольку традиционной обязанностью женщины является развлечение мужчин и забота о них [1, с. 26]. Тем самым широко распространенный созданный журналами образ женского досуга угрожает установленным гендерным различиям, соблюдаемым японцами в течение многих столетий. Таким образом, можно заключить, что главной угрозой в гендерном вопросе явилось то, что женщина получила свободу в проведении досуга, в то время как раньше она лишь заботилась об отдыхе мужчины.

Впрочем, японки не следуют предложенному правительством разделению «дом / работа» и образам свободы и индивидуальности, представленным в журнальных статьях. Ориентированная на производство правительственная политика чаще всего опровергает и отрицает идеи и образы потребления, которые поддерживают и распространяют масс-медиа; консюмеризм и гражданство в Японии описывают различные социальные порядки, основанные на разных ценностях [1, с. 37]. Японки стараются приспособиться одновременно к идеям и правительства и СМИ. Женщины отводят большое место и работе и домашним обязанностям, но стараются также оставить время для досуга, чтобы снять эмоциональное напряжение.

Заметными становятся и некоторые внутренние напряженности. Стремление женщин среднего возраста к досугу вне домашнего хозяйства приводит к снятию морального напряжения, которое возникает в результате разделения ими своего времени между домом и работой. Вместе с тем стремление молодых, незамужних женщин откладывать брак или даже избегать его – разрушительно для социального порядка, поскольку происходит уменьшение численности населения молодого возраста и соответственно возрастает доля пожилых японцев.

Современные японки могут избрать в качестве жизненного сценария любую из идей, представленных в культурной политике правительства Японии и СМИ, а также объединить их в своей жизни и переходить от одной альтернативной позиции к другой в зависимости от повседневных ситуаций. Хотя большинство женщин выполняют роли, предписанные им гендерной политикой японского правительства, они комбинируют их с образами свободы и индивидуальности, представленными на страницах популярных журналов.

Библиографический список

1. *Rosenberger, Nancy N.* Fragile Resistance, Signs of Status [Текст] / Nancy N. Rosenberger // *Imamura Anne E.* Re-imaging Japanese women. – Berkeley, 1996.
2. *Ben-Azi, Eyal.* State, standardization and «normal» children: an anthropological study of a preschool [Текст] / Eyal Ben-Azi // *Goodman R.* Family and social policy in Japan. – Cambridge, 2002.
3. *Roberts, Glenda S.* Pinning hopes on angels: reflections from an aging Japan's urban landscape [Текст] / Glenda S. Roberts // *Ibid.*
4. *Lock, Margaret.* Centering the Household [Текст] / Margaret Lock // *Imamura Anne E.* *Op. cit.*
5. *Ивао, Сумико.* Социальное влияние изменения стиля жизни, сознания и роли женщины в современном японском обществе / Сумико Ивао // www.japon.ru
6. *Roberts, Glenda S.* Careers and Commitment [Текст] / Glenda S. Roberts // *Imamura Anne E.* *Op. cit.*
7. An-an [Журнал]. – Tokyo, 1990. – № 5.
8. «Good wives and wise mothers»: The Social Expectations of Women in Japan [Текст] / Roger J. Davies, Osamu Ikeno // *The Japanese Mind: Understanding Contemporary Japanese Culture.* – Tokyo, 2002.
9. The Japanese Ie System [Текст] / Roger J. Davies, Osamu Ikeno // *Ibid.*

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

УДК 301
ББК 60.561.9

Н.В. Стребкова,

*руководитель Службы по контролю и надзору в сфере образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры,
соискатель кафедры социологии и управления общественными
отношениями Уральской академии государственной службы*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

Знание, ставшее образованием, – писал М. Шелер, – это знание, которое уже не остается в нас как бы непереваренным, знание, о котором не задумываются, как оно появилось и откуда оно... Это совершенно готовое в каждой жизненной ситуации (всегда имеющееся наготове), ставшее «второй натурой», полностью подходящее к конкретной задаче и требованию момента знание, облегчающее нас, как естественный кожный покров, а не как готовый костюм» [1, с. 87]. Данная мысль классика «социологии знания» максимально точно отражает сущность качества образования.

Многочисленные дискуссии по проблеме качества образования подтверждают сложность оценки указанного феномена. Выработка адекватных форм и методов оценки требуют анализа как методологических подходов к изучению проблемы, так и существующей практики оценки качества образовательных услуг.

Разработка методологии оценки качества образовательных услуг должна опираться на ряд важнейших положений, наработанных в рамках социологии, в частности социологии образования. Преимущество социологического подхода заключается в том, что качество образования исследуется как социальный феномен, включенный в систему социальных процессов, связей и отношений. «Социология – наука о социальных институтах – указывал Э. Дюркгейм, – поможет нам понять, чем являются, или предположить, чем должны быть педагогические институты. Чем лучше мы будем знать общество, тем лучше мы сможем понять то, что происходит в том социальном микрокосмосе, каким является школа» [2, с. 57]. В рамках социологии исследователь нацелен на то, чтобы

всегда возвращаться к изучению общества, его потребностей. Это не означает, что у него в руках будут совершенно готовые приемы, которыми нужно только воспользоваться, но это может дать корпус направляющих идей, которые были бы душой практической деятельности педагога, поддерживали бы такую и придавали ей смысл.

Таким образом, социологический подход к оценке качества образования исходит из положения о социальной обусловленности образования, необходимости учета различий требований специфической социальной среды к системе образования в конкретный исторический период. Указанный подход акцентирует внимание на том, что образование не имеет единственной и главной своей целью индивида и его интересы, оно прежде всего является тем способом, с помощью которого общество постоянно обновляет условия своего собственного существования. Даже такие качества, которые кажутся на первый взгляд столь естественно желательными, индивид стремится приобрести, лишь когда общество ориентирует его к этому, и он приобретает их тем способом, каким оно ему это предписывает. Только социология может помочь понять, что как в настоящем, так и в прошлом «наш педагогический идеал до мельчайших своих деталей есть творение общества» [2, с. 59].

Коль скоро образование как социальный институт выполняет специфический набор функций, ориентированных на определенные общественные потребности, то требования к качеству образования приобретают форму социальных заказов [3, с. 64]. Субъектами этих социальных заказов становятся различные социальные группы, так или иначе включенные в образовательный процесс: учащиеся, социально-профессиональные группы работников образовательных учреждений, работники управления образованием, работодатели. Интересы этих социальных групп задают параметры качества образования.

При определении методологических подходов к оценке качества образования следует иметь в виду и то обстоятельство, что интересы различных субъектов образовательного процесса часто не соотносятся друг с другом, а порой и просто противоречивы. Так, если для учителя в оценке качества образования определить базовым критерием показатель успеваемости учеников, возникает опасность того, что ученикам будут выставляться высокие оценки, для того чтобы иметь репутацию хорошего учителя.

Каждый участник образовательного процесса считает качественным тот результат, который удовлетворяет его интересы, но при этом необходимо помнить, что образование является общественным благом и, следовательно, правительство вправе вмешиваться в данный процесс (в обмен на ценный финансовый ресурс) и иметь свое суждение относительно его качества. Под качеством образования, с точки зрения государственных органов управления образованием, понимается соответствие образовательных услуг требованиям образовательных стандартов, соблюдение установленных нормативов процесса оказания образовательных услуг. С этих позиций руководство системой образования как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях должно создавать условия (организационные, финансовые и т.д.) и тем самым давать возможность оказывать качественные услуги.

Противоречивость интересов различных субъектов образовательного процесса в оценке качества образования заставляет предположить, что идеала, некоего эталона качества образования как явления быть не может. Качество образования – это конвенциональный феномен, результат согласования интересов всех субъектов, прямо либо косвенно включенных в образовательную сферу [4, с. 342]. Степень согласованности данных интересов представляет собой уровневую характеристику качества образования.

Противоречивость групповых интересов в оценке качества образования дополняется еще и тем, что социальная отдача от качественного образования оказывается отложенной во времени. Данное обстоятельство осложняет разработку адекватных методик оценки.

Названные методологические основания оценки качества образования должны быть учтены при анализе существующей практики оценки качества образовательных услуг. основополагающим является факт, что качество образования – конкретный исторический феномен, результат сочетания интересов и потребностей различных социальных субъектов: общества в целом, конкретных социальных групп (выступающих в роли потребителей образовательных услуг, работодателей и др.) и отдельной личности.

Данные социологических опросов, касающихся реализации национального проекта «Образование», позволяют зафиксировать заинтересованность всех участников образовательного процесса в поисках оптимальных путей повышения качества его результатов [5, с. 39]. Повышения качества не произойдет, если не будет создана многоуровневая система управления качеством образования, включающая как общегосударственный, региональный, муниципальный уровни, так и уровень деятельности отдельного образовательного учреждения, не будут найдены адекватные управленческие механизмы оценки качества образования.

В российской практике управления образованием накоплен немалый опыт апробации процедур оценки его качества, таких как аттестация и аккредитация образовательных учреждений, аттестация педагогических кадров, итоговая аттестация учащихся, мониторинговые исследования состояния и результатов обучения учащихся, студентов по отдельным предметам, сбор статистических данных, социологический анализ степени удовлетворенности качеством обучения всех участников образовательного процесса. Разработаны также многочисленные критерии оценки качества образования, в частности доля расходов на образование в консолидированном бюджете; доля учреждений образования, имеющих лицензию на право ведения образовательной деятельности сроком не менее чем пять лет; доля образовательных учреждений, аттестованных без рекламаций; уровень профессионализма педагогического состава (доля учителей, имеющих высшее профессиональное образование; категории учителей, острепенность профессорско-преподавательского состава вузов); количество учащихся на одного педагога; количество учащихся на один компьютер; средний балл, полученный выпускниками (по результатам ЕГЭ в школах); результаты среза остаточных знаний учащихся и т.д.

Однако следует заметить, что несмотря на значительную организационную работу по созданию системы качества образования в практике оценки качества

образования остается ряд серьезных проблем. Важнейшая проблема состоит в выборе показателей оценки, объективизации существующих экспертных процедур и технологий, традиционных методов оценки и контроля.

Большинство из ныне используемых показателей либо косвенно характеризуют качество образования, либо являются неточными. В частности, некорректным представляется широко используемый метод сравнения качества образования по какому-либо показателю (результаты экзамена) без учета выборки учащихся, принимавших участие в конкретном экзамене. Статистически подтверждено, что с уменьшением числа участвующих в экзамене его результаты улучшаются. Это и понятно: если не все школьники принимают участие в экзамене, то в группу его сдающих входят наиболее мотивированные учащиеся, которые и показывают более высокие результаты.

Вот пример очень спорного вывода, сделанного на основе данных 2007 г.: «В сравнении с 2006 г. результаты ЕГЭ по математике повысились: с 11,4 до 8,4% сократилась доля выпускников, получивших «2»; на 1,4 вырос средний тестовый балл. Доля выпускников, получивших «4» и «5», в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 12% выше, чем [в среднем] в России, а доля неуспевающих в 2,4 раза меньше». Однако математику в 2006 г. сдавало 57,9% выпускников, в 2007 г. – 50,42% выпускников. В этом случае истинной причиной улучшения результатов по математике может оказаться не более качественная подготовка 11-классников, а просто уменьшение объема выборки.

Еще один значимый аспект проблемы, который становится очевидным при использовании социологического подхода – необходимость *кластеризации* при сравнении показателей оценки качества образования. Традиционно, например, при анализе результатов ЕГЭ сравниваются все муниципалитеты и школы, а не группы близких по социально-экономическим условиям образовательных учреждений и муниципальных образований: присутствуют стандартные списки (диаграммы) результатов муниципалитетов, упорядоченные по алфавиту, среднему баллу или проценту участия выпускников.

Между тем сравнение школ и муниципалитетов по кластерному признаку должно вестись с учетом условий и возможностей, имеющихся у образовательных учреждений и муниципалитетов. При анализе результатов необходимо избегать несправедливых сравнений, так как многие из образовательных учреждений и муниципалитетов находятся в неравных условиях.

Качество образовательных результатов зависит от целого ряда факторов, с учетом которых следует проводить анализ. Вместо выстраивания линейных списков и рейтингов целесообразно использовать сравнения в группах (кластерах), сформированных с учетом наиболее важных характеристик, таких, как тип населенного пункта (село, город), образовательного учреждения, число учащихся в школе, квалификация педагогов, число учащихся из семей с низким доходом и т.п. Регионам желательно иметь рекомендации для проведения таких сравнений. Это поможет муниципалитетам, поскольку не все города и районы способны выполнить такие разработки самостоятельно. Кроме того, наличие рекомендаций и методик регионального уровня обеспечит проведение корректных межмуниципальных сопоставлений.

На пути решения этой проблемы может быть использован международный опыт разработки показателей оценки качества образования: образовательные достижения учащихся по отдельным предметам и межпредметного характера; динамика образовательных достижений, отношение к учебным предметам; ключевые (внепредметные) компетентности (познавательные, социальные, информационные и др.); удовлетворенность образованием; степень участия в образовательном процессе (активная работа на занятиях, участие во внеурочной работе, пропуски занятий и др.); востребованность выпускников на рынке труда, дальнейшее образование и карьера выпускника.

Сегодня в России в рамках формирования общероссийской системы оценки качества образования (ОСОКО) ведется работа по созданию федерального информационно-аналитического центра оценки качества образования, осуществляющего разработку диагностических средств, показателей качества образования. Требование согласованности интересов и потребностей различных субъектов образовательного процесса при разработке методов и процедур оценки качества образования сталкивается в российских условиях с традициями жестко централизованной системы управления образованием. Может ли унификация всех процедур оценки качества образования, к тому же проводимая лишь «сверху», учесть интересы всех участников образовательного процесса?

Введение новой системы оценки качества предполагает внедрение механизмов оценки потребителями качества образовательных услуг. На уровне образовательного учреждения целесообразно развивать практику самооценки школ с активным участием родителей и самих учащихся, в идеале организуемой управляющими советами. При этом необходимо сместить акценты с выяснения мнений родителей и учащихся о работе конкретных педагогов к выяснению общественного (потребительского) заказа, согласованию с общественностью критериев оценки качества и результатов деятельности педагогов и школы в целом. В связи с этим может быть сформулирован перечень требований к образовательным результатам (набор ключевых компетентностей), которые должен продемонстрировать выпускник школы.

В таком перечне могли бы присутствовать умение работать с информацией, выстраивать продуктивные коммуникации, готовность к принятию решений, другие виды деятельности, освоенные в рамках общего образования и позволяющие выпускнику быть успешным за рамками школы. Разработанный критериальный набор будет системным регулятором изменений в технологиях преподавания, способах организации образовательного пространства школы, перечне и качестве оснащения учебного процесса. Деятельность и педагога предметника, и классного руководителя можно будет построить так, чтобы нацелить на решение данной задачи. Это станет и стимулом для развития общественно-государственного управления, так как общезначимые и понятные в отличие от академических результаты обучения позволят участвовать общественности в оценке деятельности школы, ученика, педагога.

Сегодня в ряде регионов России разработан и апробирован подход, в котором основной акцент сделан на расширение общественного участия в управлении образованием, в том числе в согласовании критериев, показателей и поряд-

ка оценки результативности труда работников школы и обеспечении общественного контроля за самой процедурой оценки. Однако рост числа управляющих советов происходит медленнее, чем ожидалось. На практике созданные советы не освоили большинство управленческих полномочий и не играют пока значимой роли в управлении образовательными учреждениями.

Нормативное и инструктивно-методическое обеспечение участия общественности в оценке и контроле качества образования в настоящее время является недостаточно полным. В связи с этим необходимо организовать постоянный мониторинг деятельности управляющих советов, уделив особое внимание процессу освоения ими полномочий и организации взаимодействия с администрацией, развивать систему внешней оценки и самооценки эффективности деятельности советов.

Создание системы оценки качества образования, учитывающей множество интересов, должно предполагать и систему публичной отчетности, практику подготовки публичных докладов. Открытость информации о качестве образовательных услуг может быть полезна родителям и учащимся при выборе того или иного образовательного учреждения; работодателям для определения приоритетов при приеме выпускников тех или иных образовательных учреждений; педагогам для проведения эффективных коррекционных мероприятий, поскольку позволяет выявить пробелы в знаниях учащихся, определить предметные области, требующие совершенствования методики обучения. Прозрачность результатов оценки призвана наладить зависимость от результатов оценки качества обучения деятельности педагога, внести изменения в процесс обучения.

Важно обеспечить связь публичной отчетности с системой государственно-общественного управления, с одной стороны, и оценкой качества образования на всех уровнях – с другой. Перспективным является активное участие в подготовке и презентации докладов органов государственно-общественного управления, построение механизма обратной связи учреждений образования с общественностью.

На практике оценка качества образования используется в большей степени не в качестве стимула, а как средство отчетности, однако может выступать инструментом оказания поддержки образовательному учреждению в его развитии. Систему оценки качества образования необходимо интегрировать в общую стратегию развития образования, в процессы принятия решений и распределения финансирования. В таком случае для управленца информация о качестве образования становится основанием для принятия решений о выделении ресурсов в целом для системы образования; некоторым категориям образовательных учреждений в целях ликвидации неравенства (школы в сельской местности, школы в регионах с неблагоприятными социально-экономическими условиями); отдельно взятым образовательным учреждениям и педагогам (например, в качестве поощрения за высокие результаты, показанные учащимися в ходе тестирования).

Библиографический список

1. Шелер, М. Формы знания и образование [Текст] / М. Шелер ; пер. с нем. А. Н. Малинкина // Человек. – 1992. – Вып. 4. – С. 85–96.

2. Дюркгейм, Э. Социология образования [Текст] / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А. Б. Гофмана. – М., 1996.
3. Осипов, А. М. Социология образования [Текст] / А. М. Осипов // Социология : учеб. пособие для студентов вузов. – СПб., 1993.
4. Зборовский, Г. Е. Социология образования [Текст] / Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина. – М., 2005.
5. Гайда, А. В. Корпоративная социальная ответственность органов власти в ходе реализации национальных проектов: социологический анализ [Текст] / А. В. Гайда, Н. Г. Чевтаева. – Екатеринбург, 2007.

УДК 301
ББК 60.561.5

О.А. Шипиловская,

*заместитель главного врача по эпидемиологической работе
Белоярской центральной районной больницы Свердловской области,
соискатель кафедры социологии и управления общественными
отношениями Уральской академии государственной службы*

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОЙ МЕДИЦИНЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет здоровье как состояние полного физического, социального и психического благополучия. Все условия жизнедеятельности индивидуума, социальные способы удовлетворения потребностей с необходимостью проявляются в состоянии его здоровья, а условия и способы удовлетворения этих потребностей выступают в качестве реальных здравоохранительных факторов. Здоровье человека обеспечивает его социально значимое существование.

Современная система охраны здоровья базируется на двух основополагающих концепциях [1, с. 126–128]. К первой из них относится концепция факторов риска, которая предполагает, что здоровье представляет собой совокупность множества комплексных факторов, отражающих не только медицинские аспекты охраны здоровья, но и непосредственно связанные с ними социально-экономические проблемы: состояние окружающей среды; образ жизни и привычки, сопряженные с риском для здоровья; проблемы эмоционального характера и родственные им; сексуальное и репродуктивное здоровье. В дальнейшем это направление выросло в стратегию укрепления здоровья и профилактики болезней, которая во многих странах реализуется в виде рекомендованной ВОЗ программы «Здоровье для всех».

Вторая концепция была связана с необходимостью повышения эффективности служб здравоохранения, что соответствовало переходу от экстенсивного развития здравоохранения к интенсивному. Во многих странах мира стали

соизмерять результаты с затратами и стремились найти такую оптимальную модель развития здравоохранения, согласно которой при относительно небольших затратах ресурсов можно было бы получить наилучшие результаты в виде улучшения показателей здоровья и выздоровления населения.

Потребность в социологическом анализе проблем здравоохранения и медицины диктуется необходимостью изучения социальных факторов, влияющих на здоровье людей: воздействия образа жизни на распространенность заболеваний в различных социальных группах; культуры (традиций) – на представление о болезни, отношении к врачу, лечению; взаимодействия институтов, занятых лечением больных; специфических противоречий и трудностей, возникающих в процессе оказания медицинской помощи населению [2, с. 16].

Социология медицины изучает объекты, предметы и процессы обеспечения неотъемлемых прав граждан на сохранение собственного здоровья как с общетеоретических, так и с прикладных позиций [3, с. 36]. Особую актуальность в современных российских условиях в области социологического анализа медицины занимают проблемы обеспечения прав сельских жителей на сохранение собственного здоровья.

По традиции, заложенной Жан-Жаком Руссо в конце XVIII в., сельским поселениям приписывается особо благотворное влияние на здоровье – руссоистский «естественный человек» близок к природе и не подвержен порокам крупных городов. Однако современные исследования различий в состоянии здоровья между городским и сельским населением убедительно свидетельствуют о худших показателях как физического, так и психического здоровья именно у сельского населения [4, с. 619].

Обращаясь к данным по Свердловской области, следует отметить, что в районах, где проживает сельское население, традиционно выше, чем в целом по региону, рождаемость, однако выше и показатели смертности, в особенности среди мужчин трудоспособного возраста. Также выше естественная убыль сельского населения и, как результат – средняя продолжительность предстоящей жизни сельского населения на 2–3 года ниже, чем у городского. Средняя продолжительность предстоящей жизни в 2000 г. составила среди мужчин в городе – 57,5 года, на селе – 55,6; среди женщин в городе – 71,2 года, на селе – 69,2. При этом необходимо заметить, что средняя продолжительность предстоящей жизни на селе у мужчин на 13 лет меньше, чем у женщин. Особую тревогу вызывают более высокие в сравнении с идентичными показателями городского населения показатели смертности сельского населения от заболеваний системы кровообращения, травм и отравлений, онкозаболеваний, болезней органов дыхания. На селе совершается почти в два раза больше самоубийств, чем в городе.

Худшие показатели здоровья сельских жителей в современных российских условиях вполне объяснимы. Прежде всего, это более тяжелые и неблагоприятные условия труда и быта на селе по сравнению с городом. Сельский труд осуществляется в условиях минимальной защищенности от воздействия неблагоприятных природных факторов, в сельских поселениях зачастую отсутствуют водопровод, канализация, система сбора и удаления мусора. Не могут не сказыв-

ваться на здоровье сельских жителей и труднодоступность квалифицированной медицинской помощи, фактор географической удаленности многих населенных пунктов, наличие или отсутствие дорог с твердым покрытием, постоянно действующих средств связи и транспорта. Многие лекарства, привычные для горожан, для сельских жителей могут оказаться недоступными в силу их высокой стоимости.

Существуют и внутренние, психологические факторы, объясняющие низкие показатели здоровья сельских жителей. По сравнению с горожанами в отношении к своему здоровью сельчане проявляют больший консерватизм, и где-то даже пренебрежение. Как следствие существуют следующие поведенческие стереотипы сельских жителей:

откладывается обращение к врачам из-за упования на «народные средства» и недоверие к официальной медицине;

ряд патологических состояний не осознаются пациентами как болезни, а осмысливаются скорее в бытовых представлениях;

в случае наличия – имеется стремление к сокрытию психической болезни из-за боязни общественного осуждения;

происходит жесткая ориентация на групповые нормы, санкционирующие повреждение здоровья, девиантное поведение (например, алкоголизация населения).

Необходимость учета внешних и внутренних особенностей оказания медицинской помощи сельским жителям заставляет органы власти активно заниматься поиском оптимальных форм ее организации.

Сегодня более 571 тыс. человек, а это 12,5% всего населения Свердловской области, проживают в сельской местности. Жителей села обслуживают 27 центральных районных больниц, четыре районные, 10 участковых больниц, 15 сельских врачебных амбулаторий и 815 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП). В штатное расписание министерства здравоохранения области введена должность заместителя министра по вопросам координации с сельским здравоохранением. Функционирует сеть межрайонных специализированных центров по оказанию медицинской помощи иногородним больным с социально значимыми заболеваниями. Введен повышающий коэффициент к нормативным расходам на здравоохранение для тех муниципальных образований, где есть межрайонные центры. Работает служба «медицины катастроф». Из года в год увеличивается число пациентов, госпитализированных в областные больницы из сельских районов.

Фельдшерские и фельдшерско-акушерские пункты – самая распространенная и приближенная к населению форма организации медицинской помощи на селе – в последнее десятилетие испытывают ряд серьезных проблем. В частности, сохраняется низкий уровень финансирования ФАП и сокращается их численность. В последние годы практически не выделяются финансовые ресурсы на модернизацию материально-технической базы сельского здравоохранения, в том числе на оснащение ФАП средствами диагностики и лечения, повышение квалификации медицинских работников.

В настоящее время в ФАП Свердловской области трудятся около 2 тыс. фельд-

шеров, акушерок, медицинских сестер и стоматологов. В 8% ФАП работают только акушерки, а в 5% – только медицинские сестры, 3% ФАП совсем не укомплектованы медперсоналом. Учитывая зрелый возраст фельдшеров, акушерок и медсестер, а также отсутствие целевой подготовки резерва, можно прогнозировать, что число неупкомплектованных ФАП будет возрастать. Если оценивать качественный состав заведующих фельдшерскими и фельдшерско-акушерскими пунктами, то следует отметить, что с каждым годом нарастает негативная тенденция: сегодня только 84% заведующих имеют базовое медицинское образование по специальности «лечебное дело», квалификацию «фельдшер».

По наблюдениям практиков здравоохранения, традиционным формам организации медицинской помощи на селе присущ ряд организационных недостатков: отсутствие врача, постоянно ответственного за пациента; разобщенность информации о пациенте; объектом внимания врача в основном является отдельный пациент, а не его семья в целом. Часто приходится сталкиваться с хронической патологией вследствие недообследованности и недолеченности пациентов; отсутствует должный контроль качества. На селе проявляется недостаточная преемственность в работе амбулаторных учреждений между собой и с больницами, а также формализм при проведении профилактических мероприятий и экспертизе трудоспособности, зачастую отсутствует увязка оплаты с качеством труда медицинского работника.

Как показывают результаты проведенных исследований, из апробированных к настоящему времени вариантов организации медицинской помощи сельскому населению достаточно жизнеспособным является создание службы врача общей практики. В чем же особенность и преимущества этой достаточно новой для современной России формы организации медицинской помощи на селе?

Введение службы врача общей практики в России происходит на базе сложившихся систем работы участкового врача-терапевта, врача сельского врачебного участка. Служба врача общей практики включает в себя лечебную и реабилитационную помощь, а также укрепление здоровья и профилактику болезней.

Врач общей практики призван оказать медицинскую помощь при первичном контакте. Важным принципом в его работе оказывается скоординированность и постоянство в оказании медицинских услуг. Он не только оказывает помощь при первом контакте, направляет пациентов на консультацию, но также является координатором по всем советам и назначениям, которые получает пациент. Врач общей практики не ограничивается только частным случаем оказания помощи при каком-либо заболевании, а обеспечивает больным индивидуальную медицинскую помощь на долговременной основе в течение продолжительного периода их жизни. Он призван осуществлять контроль за хроническими болезнями и инвалидностью, определять специфические медицинские проблемы детей и молодежи, женщин, пожилых, отдельных групп пациентов в данной местности.

Можно сказать, что служба врача общей практики возрождает лучшие традиции земской медицины. Врач должен рассматривать проблемы здоровья пациента в контексте его жизни в местных условиях, сотрудничать с другими профессиональными работниками и службами в вопросах пропаганды здорово-

го образа жизни и улучшения окружающей среды на местном уровне. За ним закрепляется и «адвокатская функция». Врачу общей практики следует быть «адвокатом» пациента по всем вопросам, связанным с его здоровьем, а также в его отношениях с другими поставщиками медицинской помощи.

Ориентированность на семью является важной составляющей деятельности врача общей практики. Он изучает проблемы здоровья пациента в контексте его социальных контактов, его семьи. Конечно, это требует особой доверительности в отношениях. Пациенты вправе ожидать соблюдения полной конфиденциальности со стороны врача в том, что касается не только врачебной тайны, но и другой информации личного характера.

Накопленный в Свердловской области опыт по созданию службы врача общей практики позволяет подвести предварительные итоги относительно эффективности данной формы организации медицинских услуг. Изучение мнения пациентов, врачей и экспертов (руководителей системы здравоохранения) показывает, что имеются определенные преимущества в работе врачей общей практики по сравнению с другими формами оказания медицинских услуг на селе. Проведенный на территории области опрос показал, что более 40% сельского населения положительно относится к введению института специалиста широкого профиля – врача общей практики. Пациенты (93%) отмечают повышение внимания врача, высказывают большую удовлетворенность работой врачей общей практики, при том что уменьшается число направлений на консультации к другим врачам (57,0%), происходит уменьшение числа обследований (30%), однако повышается ответственность врача общей практики за лечение больного, а не болезни.

Респонденты-врачи отмечали в качестве положительных моментов рост самостоятельности в работе, возможность проводить лечение больных разного профиля, что жизненно необходимо в условиях сельской местности, а также большую экономическую заинтересованность в качестве работы.

Координирующие вопросы сельской медицины эксперты из числа руководителей системы здравоохранения также дают высокую оценку работе врачей общей практики. По их мнению, преимущества данной службы – ранние сроки начала обследования и лечения пациента, использование широкого арсенала диагностических исследований, доступных в поликлинических условиях. Эксперты отметили преобладание оправданного, своевременного и по большей части полного объема обследования и лечения, обоснованность направления на консультации к специалистам узкого профиля.

В то же время достаточно остро стоит проблема подготовки профессиональных кадров для службы врача общей практики. Сложный комплекс задач, который ставится перед врачом общей практики, требует специального уровня как профессиональной, так и психологической подготовки.

Таким образом, апробированная в ходе эксперимента организационная модель оказания медицинской помощи на селе – службы врача общей практики – требует дальнейшего развития, более глубокого рассмотрения конкретных технологий организационного, кадрового и финансового обеспечения ее деятельности.

Библиографический список

1. Кузьменко, М. М. Здоровоохранение в условиях рыночной экономики [Текст] / М. М. Кузьменко, В. В. Баранов, Ю. В. Шиленко. – М., 1994.
2. Решетников, А. В. Социология медицины [Текст] / А. В. Решетников. – М., 2006.
3. Решетников, А. В. Социология медицины (введение в научную дисциплину) [Текст] : руководство / А. В. Решетников. – М., 2002.
4. Отношение населения к здоровью [Текст] / отв. ред. И. В. Журавлева. – М., 1993.

УДК 316.334.2:796
ББК 60.56+75

И.Н. Шокина,

*преподаватель кафедры гуманитарных наук
Саратовского института (филиала) Российского государственного
торгово-экономического университета*

АДАПТИВНЫЙ СПОРТ КАК УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ ИНВАЛИДОВ

Социальная реабилитация инвалидов представляет собой систему гарантированных государством экономических, общественных, правовых и индивидуально-личностных мер, которые должны обеспечить инвалидам объективные условия для преодоления своего дефекта до степени возможности равного со здоровыми гражданами участия в общественной жизни. Но это пока что – нравственный императив, причем, на наш взгляд, не только и не столько для государства, сколько для всего общества.

20 июля 1995 г. Государственной Думой РФ был принят Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Он определяет государственную политику в области социальной защиты инвалидов, целью которой является обеспечение инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических, личных прав и свобод, предусмотренных Конституцией России, в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

Общая численность инвалидов всех групп и категорий, определяемая по международной методике подсчета, составляет в России около 15 млн человек. Ежегодно более 1 млн человек впервые признаются инвалидами, из них 50% – люди трудоспособного возраста [1, с. 27–30]. Среди заболеваний, послуживших причиной первичного выхода на инвалидность, 1-е место занимают болезни системы кровообращения (46,0%), на 2-м месте стоят онкозаболевания

(12,8%), на 3-м – последствия травм и отравлений (6,4%), на 4-м – психические расстройства (4,3%).

Из болезней органов кровообращения основную массу составляют цереброваскулярные болезни (37,7%) и ишемическая болезнь сердца (37,2%). Среди онкологических заболеваний доминируют рак легкого и желудка (15,4%) [2, с. 84]. В результате позднего выявления и низкой эффективности лечения увеличивается число инвалидов в связи с туберкулезом: первичный выход на инвалидность в 1999 г. составил 96,0 тыс., в 2007 г. – 104,7 тыс. Уровень первичной инвалидности в связи с туберкулезом растет и составляет 2,8 на 10 тыс. населения (в 1992 г. – 1,4). При этом 45% от числа лиц, первично признанных инвалидами, составляют люди трудоспособного возраста.

На протяжении достаточно длительного периода отмечается прогрессирующая динамика общего количества инвалидов в стране: в 1985 г. – 3,9 млн, 1992 г. – 4,8 млн, 1993 г. – 5,1 млн, 1994 г. – 5,5 млн, 1995 г. – 5,8 млн, 1996 г. – 6,9 млн, 1999 г. – 10,1 млн и в 2000 г. – 10,6 млн человек. Выросли также показатели распространенности инвалидности в расчете на 1000 населения: с 27,6 в 1985 г. до 46,7 в 1996 г., в 1999 г. – 68,9 и в 2000 г. – 73,2. Обращает на себя внимание резкое увеличение темпов прироста числа инвалидов в последние годы: с 1985 по 1990 г. оно увеличилось на 9,3%, в то время как с 1990 по 1995 г. – на 34,7, с 1995 по 2000 г. – на 46,0% [2, с. 85]. В общем контингенте 55,2% инвалидов – мужчин, 44,8% – женщин, в каждой возрастной группе уровень общей инвалидности среди мужчин выше, чем среди женщин. Распространенность инвалидности в целом выше среди городских жителей по сравнению с сельскими [2, с. 85]. В числе инвалидов значительную долю составляют инвалиды Великой Отечественной войны – более 15%. Среди инвалидов от 65 до 80% – лица пенсионного возраста; в основном представлена II (58,0%) и III группа (29,3%), на лиц с I группой инвалидности приходится 12,7%.

Не вдаваясь в чисто медицинские аспекты экспертизы инвалидности и реабилитации (в зависимости от степени и вида инвалидизации), можно отметить, что реабилитация включает в себя, во-первых, медицинскую реабилитацию, состоящую из восстановительной терапии, реконструктивной хирургии, протезирования и ортезирования; во-вторых, профессиональную реабилитацию, которая заключается в помощи инвалиду профессионально переориентироваться (при утрате или значительном ограничении трудовых навыков), получить профессиональное образование и трудоустроиться, адаптируясь в новой трудовой среде; в-третьих, собственно социальную реабилитацию (как полноценного гражданина общества, члена семьи, равноправного человека со своим социально-бытовым, человеческим окружением).

На этапе текущих социально-экономических изменений в России важнейшими в системе мер социальной защиты инвалидов становятся активные формы, наиболее эффективными из которых являются физическая реабилитация и социальная адаптация средствами физической культуры и спорта.

Инвалидность по причине утраты конечностей относится к наиболее распространенным и бесспорным (с точки зрения экспертной оценки) видам данной патологии. Между тем до сих пор внимание практических врачей,

исследователей и организаторов здравоохранения в основном ограничивается этапами стационарного, амбулаторного лечения данной категории лиц (методики оперативных вмешательств, активизация после иммобилизации, подготовка к протезированию, первичное и повторное протезирование). Стандартная медицинская модель неправильно осмысливает инвалидов как биологически уязвимую группу населения и на основе этого определяет уровень заботы общества о них [3, с. 209–224]. Но среди инвалидов есть люди с прямо противоположной установкой на жизнь: они умеют находить в ней радость несмотря на все тяготы и страдания. И именно этот жизнеутверждающий подход дает им силы и стойкость в преодолении многих невзгод [4, с. 3–6].

Практика подтверждает, что если для здоровых людей двигательная активность – обычная потребность, реализуемая повседневно, то для инвалида физические упражнения жизненно необходимы, так как они являются эффективнейшим средством и методом одновременно физической, психической и социальной адаптации [5, с. 8–17]. Их пролонгированное тонизирующее, нормализующее, антистрессовое воздействие на организм оказывается одним из немногих реальных путей восстановления и поддержания активной жизнедеятельности инвалидов. При этом в настоящее время отсутствуют общепринятые критерии признания эффективности реабилитационных программ, основанных на благотворном воздействии физических нагрузок спортивного характера. Содержание большинства положительных отзывов не выходит за рамки эмпирических наблюдений и восторженно-удивленных эмоциональных реакций. Остаются до конца не определенными критерии допуска к занятиям, оценки состояния здоровья, физической работоспособности, адаптации к нагрузкам лиц, сам характер увечий которых уже является серьезным фактором риска по ряду заболеваний.

В настоящее время требуется провести разработку и принятие комплексной программы социальной реабилитации инвалидов, включающей медико-психологическое, духовно-культурное, физкультурно-спортивное направления [6, с. 20–21]. Последнее, оказывая благотворное оздоровительное и лечебное воздействие на спортсмена, является к тому же и прекрасным средством поднятия уровня качества жизни в тех условиях, в которых оказался человек в связи со своей болезнью или инвалидностью [7, с. 479–481].

С развитием адаптивного спорта в мощное международное движение наметилась необходимость определить его место в комплексной системе государственных мероприятий по социальной реабилитации инвалидов. Несмотря на существующую правовую базу инвалидный спорт в России не получает должного развития. Причиной такого положения дел являются в первую очередь недостаток средств, нехватка подготовленного персонала и отсутствие в необходимом объеме учебных методик.

Если расплата общества за невнимание к инвалидам поддается экономическому расчету, то попытки оценить моральный ущерб и психосоциальные издержки инвалидности могут быть связаны с определением качества жизни человека. Концепция качества жизни является актуальной для изучения состояния инвалидности. Она основана на мониторинге эффективности мероприятий по социальной реабилитации инвалидов.

Исходя из социологической концепции здоровья Всемирной организации здравоохранения, можно выделить основные факторы интеграции медицины и социологии: потребность социологического осмысления роли и места системы охраны здоровья в жизни общества, использование социологических методов исследования в здравоохранении; изменение демографических процессов и структуры заболеваемости (хронизация заболеваний, инвалидизация); потребность в использовании социологических подходов для изучения и лечения заболеваний [8]. Неблагоприятная демографическая ситуация, сложившаяся в Российской Федерации в конце XX в., неминуемо поставит вопрос обеспечения экономики страны людскими ресурсами. Одним из реальных путей его решения является более разнообразное и эффективное использование труда лиц с физическими недостатками, сохраняющих высокий уровень трудоспособности.

Одной из форм социальной адаптации инвалидов в противовес занятиям адаптивным спортом является их политизация. Это выражается в создании инвалидами своих общественных движений и объединений. Политизация инвалидов имеет две стороны с точки зрения социологии (в контексте проблем общественной и личностной реабилитации и адаптации): позитивную, ибо это явление можно расценивать с медико-социальной позиции как способ гиперсоциализации (то есть компенсации), и негативную, то есть уводящую инвалидов от решения их насущных проблем. Таким образом, «уход» в политику инвалидов есть не что иное, как спонтанный способ реабилитации, ибо психологическая защита каждого человека с его рождения и при любых изменениях в организме (болезнях, травмах) до смерти предполагает адаптацию к окружающей среде. Реабилитация – это моральная адаптация.

Точное количество инвалидов в современной России неизвестно. Не все инвалиды проходят врачебную комиссию: у одних инвалидность вообще не определяется, у других – теряется. Не могут быть на учете и все дети-инвалиды (из 300 тыс. только половина учатся в школе). В связи с этим приходится констатировать отсутствие четко выраженной государственной политики относительно инвалидов как значительной части народа России.

Законодательные и нормативные документы, касающиеся инвалидов, отражают всевозможные аспекты их реабилитации. Но, к сожалению, это только формально: на практике в данной сфере возникают проблемы. Статья 39 Конституции РФ гарантирует каждому гражданину социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных, установленных законом случаях. Поощряются добровольное страхование, дополнительные формы социального обеспечения, в том числе и благотворительность. Но доходы из негосударственных источников к инвалидам поступают чисто символические, тогда как механизмы и процедуры реабилитации требуют огромных финансовых затрат.

Незначительный размер пенсии по инвалидности – показатель отношения государства к своим физически неполноценным гражданам – не приносит инвалиду удовлетворения. Тот факт, что наиболее социально активная часть инвалидов вынуждена идти в бизнес, спекулируя на своей инвалидности, поскольку обществам инвалидов предоставлены существенные налоговые послаб-

ления, при этом финансирование спортивных и культурных обществ для инвалидов из федерального и региональных бюджетов крайне скудное, доказывает ненадежность механизмов реабилитации в государственном масштабе.

Правительство РФ утвердило Федеральную базовую программу реабилитации инвалидов, включающую гарантированный перечень реабилитационных мероприятий, технических средств и услуг, предоставляемых бесплатно за счет средств федерального бюджета. В настоящий момент Государственной службой социально-медицинской экспертизы разрабатывается комплексная программа реабилитации инвалидов, включающая в себя разные виды, формы, объемы, сроки и порядок реализации социальных, медицинских, профессиональных и других реабилитационных мер. Индивидуальная программа обычно содержит как реабилитационные мероприятия, предоставляемые инвалиду бесплатно в соответствии с Федеральной базовой программой, так и мероприятия, в оплате которых принимает участие сам инвалид либо его спонсоры (частные лица или организации). Объем мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой, не может быть меньше установленного Федеральной базовой программой.

Индивидуальная программа реабилитации имеет для инвалида рекомендательный характер: он вправе отказаться от того или иного вида, формы или объема реабилитационных мероприятий, точно так же, как и от всей программы в целом. Однако согласно закону инвалид, отказавшийся от реабилитационной программы, не может требовать взамен от соответствующих органов материальной компенсации.

Оказание квалифицированной медицинской помощи инвалидам, включая обеспечение лекарственными препаратами, осуществляется бесплатно или на льготных условиях в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 13 Закона). Инвалиды и семьи, имеющие детей-инвалидов, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, принимаются на учет и обеспечиваются жилым помещением с учетом льгот, предусмотренных законодательством России и законодательством субъектов РФ. Инвалиды имеют право на дополнительную жилую площадь в виде отдельной комнаты в соответствии с перечнем заболеваний, утвержденным Правительством РФ.

Итак, в вопросах реабилитации инвалидов создана нормативно-законодательная основа. Тем не менее проблема эта остается, потому что нет единой координирующей инстанции на государственном уровне. Практика социальной реабилитации априори есть неперемный элемент любого социального государства, как показывает зарубежный опыт. Однако в России функции по реабилитации инвалидов закреплены за различными министерствами и ведомствами, и потому не скоординированы. Необходима одна инстанция, которая занималась бы всем, что касается жизнедеятельности инвалидов.

Нельзя забывать, что после любых мероприятий реабилитации инвалид не перестает быть инвалидом, он живет, действует, стареет и заболевает разными болезнями именно как инвалид; поэтому правильнее было бы говорить не о комплексной их реабилитации, а о перманентной. Инстанцией, которая решала бы и практические, и научно-технические вопросы реабилитации на основе

концептуального подхода к ней, может быть только социальная медицина, ни структурно, ни функционально не зависящая от органов здравоохранения и социальной защиты населения.

Библиографический список

1. *Гришина, Л. П.* Анализ инвалидности в Российской Федерации за 1970–1999 гг. и ее прогноз до 2015 г. [Текст] / Л. П. Гришина, Н. Д. Талалаева, Э. К. Амирова // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. – 2001. – № 2.
2. Экономика и управление здравоохранением [Текст]. – Ростов н/Д, 2005.
3. *Silvers, A.* (In) equality, (ab) normality, and the Americans With Disabilities Act [Текст] / A. Silvers // Journal of Medicine and Philosophy. – 1996. – Vol. 21. – № 2.
4. *Стародубов, В. И.* О состоянии здравоохранения и мерах, направленных на его улучшения [Текст] / В. И. Стародубов // Здравоохранение РФ. – 1999. – № 2.
5. *Шапкова, Л. В.* Опорные концепции методологии адаптивной физической культуры [Текст] / Л. В. Шапкова, С. П. Евсеев // Теория и практика физической культуры. – 1998. – № 1.
6. *Лобов, А. Н.* Проблемы социальной реабилитации инвалидов на современном этапе [Текст] / А. Н. Лобов, В. Е. Житловский // Журнал РАСМИРБИ. – 2002. – № 2 (7).
7. *Евсеев, С. П.* Адаптивная физическая культура и социальная интеграция инвалидов [Текст] / С. П. Евсеев // Физическая реабилитация и спорт инвалидов. – М., 2000.
8. *Решетников, А. В.* Процессное управление в социальной сфере [Текст] / А. В. Решетников. – М., 2001.

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

4

Дмитрачков И.В.	
Масс-медиа в условиях политической модернизации	4
Калямин А.К.	
Трансформация функций политической коммуникации в региональном политическом процессе	9
Зайцев М.В.	
Организация выборов в Саратовскую городскую Думу на рубеже XIX–XX веков	14
Гридасов Е.В.	
Концептуализация социального контроля и муниципальной власти в социологической науке	21
Пронюшкина Е.В.	
Государственные традиции решения национального вопроса в России	26
Бусаргин Р.В.	
Социальная проблематика дискурса о мигрантах	31
Колесников В.В.	
Социальная престижность офицерского корпуса современной России	36
Шашина Н.А.	
Изменение социально-профессионального статуса военных врачей в современном российском социуме	41
Бабаян К.Р.	
Особенности социального лидерства в молодежной среде	46
Мушко Н.В.	
Культурно-антропологические компоненты семьи и семейных отношений ...	51

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

57

Кощеев С.А.	
Законодательные инициативы в сфере недропользования: проблемы и перспективы развития	57

Выскубова Е.В.	
Динамика формирования современной мировой валютной системы	62
Таренкова О.А.	
Субъекты валютных правоотношений и субъекты валютного права: правовые особенности	67
Басов В.О.	
Нравственные основы правоотношений в концепциях анархо-синдикализма М.А. Бакунина и анархо-коммунизма П.А. Кропоткина	72

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

78

Щелоков В.Ф.	
Концептуальные основы социологического анализа кадровой безопасности крупного промышленного предприятия и понятие «кадровая сила предприятия»	78
Усанов Н.И.	
Теоретические основы формирования социальной идентичности и профессиональной компетентности в современной организации	83
Чилипёнок Ю.Ю.	
Кадровое агентство: роли и место в общем механизме принятия кадровых решений в организации	91
Земсков С.Б.	
Реклама в исследовательском поле социологии управления	96
Зыгалова А.В.	
Специфика качественных методов исследования в рекламной деятельности	101
Барябин А.В.	
Социальные функции рекламы как феномена повседневной культурной коммуникации	106
Пуяткина С.В.	
Экономический обмен как форма социального взаимодействия	111

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

116

Гасилин В.Н.	
Идентичность и идентификация человека: проблемы и перспективы исследования	116
Зарова Е.Д.	
Образы «Другого» в формировании концепции цивилизационной идентичности и приоритетов международной политики государства	123

Чудинова Н.В.	
Социологическое осмысление глобализации как нового общественного феномена	128
Аксинюшкин И.А.	
Жизненные ценности личности в условиях глобализации	134
Иванов С.С.	
О национальных путях формирования христианского социализма: Ш. Пеги и Г.П. Федотов	139
Быковская Т.В.	
Вечное детство русской души	148
Крайнова Е.А.	
Категория времени в русской прозе XIX–XX веков как феномен культуры	153
Шилова С.А.	
Концепт языка как формы <i>a priori</i> символического в философии Э. Кассирера	159
Кузьмина Н.Е.	
Социокультурные основания античных систем аргументации	165
Федукина Ю.С.	
Влияние культурной политики японского правительства и СМИ на гендерные отношения в Японии	171

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

176

Стребкова Н.В.	
Социологический аспект проблемы оценки качества образования	176
Шипиловская О.А.	
Проблемы развития сельской медицины: социологический анализ	182
Шокина И.Н.	
Адаптивный спорт как условие сохранения и укрепления здоровья инвалидов	187

CONTENTS

RUSSIAN STATE AND CIVIL SOCIETY: HISTORICAL EXPERIENCE AND CONTEMPORARY CONDITION

4

<i>Dmitrachkov I.V.</i> Mass-Media in the Conditions of Political Modernization.....	4
<i>Kalyamin A.K.</i> Transformation of Political Communication Functions in Regional Political Process	9
<i>Zaytsev M.V.</i> Organization of the Saratov City Duma Elections at the Turn of the XIX–XXth Centuries	14
<i>Gridasov E.V.</i> Conceptualization of Social Control and Municipal Authority in the Sociological Science	21
<i>Pronyushkina E.V.</i> The State Traditions of Ethnic Problem Solving in Russia	26
<i>Busargin R.V.</i> Discourse on Migrants: Social Range of Problems	31
<i>Kolesnikov V.V.</i> Officers' Social Prestige in Modern Russia	36
<i>Shashina N.A.</i> Changes in Military Doctors' Social and Professional Status in Modern Russian Society	41
<i>Babayan K.R.</i> Peculiarities of Social Leadership in Youth Environment	46
<i>Mushko N.V.</i> Cultural and Anthropological Components of Family and Family Relations	51

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

57

<i>Koscheev S.A.</i> Subsoil Usage Legislation: Challenges and Development Perspectives	57
---	----

Vyskubova E.V.	
Dynamics of Modern World Currency System Formation	62
Tarenkova O.A.	
Currency Legal Relations Subjects and Currency Law Subjects: Law Features	67
Basov V.O.	
Legal Relations Moral Bases in the Concepts of M.A. Bakunin's Anarcho-Sindikalizm and P.A. Kropotkin's Anarcho-Communism	72

SOCIAL-ECONOMIC MODERNIZATION OF RUSSIA

78

Schelokov V.F.	
Conceptual Basis of Personnel Security Sociological Analysis of Large Industrial Enterprise and Concept "Enterprise Labour Force"	78
Usanov N.I.	
Theoretical Fundamentals of Social Identity Formation and Professional Competence in Modern Organization	83
Chilipenok Yu.Yu.	
HR Agency: its Role and Place in the General Recruitment Mechanism within the Organization	91
Zemskov S.B.	
Advertising in Management Sociology Research Field	96
Zygalova A.V.	
Peculiarity of Qualitative Research Methods in Advertising Activity	101
Baryabin A.V.	
Social Functions of Advertising as Phenomenon of Daily Cultural Communication	106
Putyatina S.V.	
Economic Exchange as the Form of Social Interaction	111

PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY: APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS

116

Gasilin V.N.	
Personal Identity and Identification: Problems and Prospects of Research	116
Zarova E.D.	
The Images of "Different" in the Formation of Civilization Identity and World Policy Priorities in the State Foreign Policy	123
Chudinova N.V.	
Sociological Comprehension of Globalization as New Public Phenomenon	128

Aksinyushkin I.A.	
Vital Values in the Framework of Globalization	134
Ivanov S.S.	
On national ways of building up Christian socialism: Charles Péguy and Georgiy P. Fedotov	139
Bykovskaya T.V.	
Eternal Childhood of Russian Soul	148
Kraynova E.A.	
The Category of Time in Russian Prose of the XIX–XXth Centuries as a Cultural Phenomenon	153
Shilova S.A.	
The Concept of Language as <i>a Priori</i> Symbolic Form in E. Cassirer's Philosophy	159
Kuzmina N.E.	
Socio-Cultural Basis of Argumentation Systems	165
Fedukina Yu.S.	
Japanese Government and Mass Media Cultural Politics Influence on the Japanese Gender Relations	171

NATIONAL EDUCATION AND HEALTHCARE DEVELOPMENT

176

Strebkova N.V.	
Quality Education Assessment: Sociological Aspect	176
Shipilovskaya O.A.	
The Problems of Rural Medicine Development: Sociological Analysis	182
Shokina I.N.	
Adaptive Sport as a Tool to Maintain and Strengthen Disabled People Health	187

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ИМЕНИ П.А. СТОЛЫПИНА**

Научный журнал

№ 2 (15)

Редакторы *Т.П. Иванова, Е.В. Феклистова, О.Н. Чуманова*
Компьютерная верстка *Л.А. Михайловой*

Тем. план 2008 г., п. № 591

Подписано к печати 27.05.2008 г. Формат 70x100 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.

Усл. печ. л. 16,45. Уч.-изд. л. 17,5. Тираж 500. Заказ 53.

ФГОУ ВПО «Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина».
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

Aksinyushkin I.A.

Vital Values in the Framework of Globalization

The author analyzes the concept of “value” on the basis of classical axiology as well as the problem of personality vital values transformation in the framework of modern globalization processes. Analysing culture, society and personality values in the globalization period the author puts a special emphasis on the axiological approach efficiency.

Babayan K.R.

Peculiarities of Social Leadership in Youth Environment

The author analyzes social and cultural conditions of youth leadership development and formation in Russia. The emphasis is laid on the urgency and importance of effective leaders training. The author studied the development of social leadership forms among young people in Saratov region.

Baryabin A.V.

Social Functions of Advertising as Phenomenon of Daily Cultural Communication

The article is devoted to the advertising regulative opportunities analysis as daily communication. Positive and negative consequences of advertising influence on society are analyzed.

Basov V.O.

Legal Relations Moral Bases in the Concepts of M.A. Bakunin’s Anarcho-Sindikalizm and P.A. Kropotkin’s Anarcho-Communism

This article is based on the analysis of Russian theorists’ works of anarchism. Anarchism in M. Bakunin and P. Kropotkin’s conception is presented not only as a social-political and legal phenomenon but also as moral studies. Theorists of anarchism think that the ideas of Christianity underlie the legal relations.

Busargin R.V.

Discourse on Migrants: Social Range of Problems

The author investigates discursive practices used by mass media covering tolerant / xenophobic attitudes in the Russian society. Those social processes arising social and mass media interest in migrants and autochthonous population ethno-cultural differences are considered.

Bykovskaya T.V.

Eternal Childhood of Russian Soul

The article is devoted to the analysis of Russian psychology infantile features. They are considered by the author as the stable phenomena detecting archetypical level of national mentality which is not subjected to socio-cultural dynamics. The author addresses to the material of Russian fairy tales, which topics and characters reveal national archetypes.

Vyskubova E.V.

Dynamics of Modern World Currency System Formation

The process of world currency formation in the XXth century and modern trends in banking law are considered. The appearance of European currency – the “euro” – and its consequences for international financial system strengthening is analyzed.

Gasilin V.N.

Personal Identity and Identification: Problems and Prospects of Research

The results of personal identity and identification study are summarized and systematized for the period of 15 years. The concepts describing the problem, which were introduced by the author, are classified. A further research program of this issue is laid down in this article.

Gridasov E.V.

Conceptualization of Social Control and Municipal Authority in the Sociological Science

The theory and methodology of special sociological studies are being developed in the article. The author generalizes theoretical problems of social control and municipal authority in sociology.

Dmitrachkov I.V.

Mass-Media in the Conditions of Political Modernization

The article is devoted to the conceptual analysis of the mass-media role in the framework of political modernization. The author focuses on the issues of the political communication space

changes in the conditions of information society forming. The author describes the problems of the effective communication within the “society – mass media – public authorities” system.

Zaytsev M.V.

Organization of the Saratov City Duma Elections at the Turn of the XIX–XXth Centuries

The article is devoted to the municipal elections organization in Saratov from 1870 till 1917. On the basis of different sources the author considers the main principles of the city electoral system of this epoch. He keeps up with the electorate structure and voters' participation. The research unites historical, political and sociological problems.

Zarova E.D.

The Images of “Different” in the Formation of Civilization Identity and World Policy Priorities in the State Foreign Policy

The author analyses some processes of civilization identity construction due to the designing of images of “Different”. The West-European ideas about “Russia” as about “Different” are emphasized in the article. It is concluded that the European identity is formed due to a collective image of the Eastern “Different”. Necessary civilization and cultural features of Russian foreign policy formation are indicated.

Zemskov S.B.

Advertising in Management Sociology Research Field

The article is devoted to the consideration of advertising in research field of management sociology. The author summarizes approaches to the advertising study and he also gives his own integrative definition of the phenomenon.

Zygalova A.V.

Peculiarity of Qualitative Research Methods in Advertising Activity

The author analyzes the peculiarity of qualitative research methods application in advertising activity. In the theoretical part of the article the types of qualitative research methods are described and classification of projective techniques is given. The practical part of the article discloses the results of the advertisement sociological research in specialty “Sociology”, that prove efficiency of the qualitative methods application in advertising activity.

Ivanov S.S.

On national ways of building up Christian socialism: Charles Péguy and Georgiy P. Fedotov

Historical and comparative analysis theory and practice of Christian socialism in France and Russia is carried out at the basis of the works of Charles Péguy and Georgiy P. Fedotov. Conclusions on interlinks between personalist tendencies in social movement within the Christian civilization are made.

Kalyamin A.K.

Transformation of Political Communication Functions in Regional Political Process

This article is devoted to regional political communication functions. The author analyzes the conditions under which political communication becomes an institutional component of regional political process.

Kolesnikov V.V.

Officers' Social Prestige in Modern Russia

The article is devoted to interaction between the country, the army and the society. The author analyses the structure of the relationship on the basis of historical chronology. The attention is paid to the role of the army corps in these relations. The author examines the reasons that have brought to social injustice to Russian officers and submits several ways to raise officers' status in modern Russia.

Koscheev S.A.

Subsoil Usage Legislation: Challenges and Development Perspectives

The article reviews current problems of the legislative initiative in the area of subsoil usage. The author highlights disadvantages and the most problematic issues of the discussed field. The current legislation “The Earth Interior” is compared to the draft legislation from whence the author makes suggestions on the elimination of defects and present shortcomings.

Kraynova E.A.

The Category of Time in Russian Prose of the XIX–XXth Centuries as a Cultural Phenomenon

The diagram method to present belles-lettres temporal structures is used. The principle of continuity prevailed in Russian prose of the XIXth century while discontinuity of fictitious time dominates in it in the XXth century. It is caused by the different fictitious time concepts in Russian culture of the XIXth and the XXth centuries.

Kuzmina N.E.

Socio-Cultural Basis of Argumentation Systems

The problem of argumentation as a system in different cultural, historical and social stratum, its base and development is considered in the article. The author emphasizes that variety of the attempts to create the united system of argumentations have brought to variety of the similar systems.

Mushko N.V.

Cultural and Anthropological Components of Family and Family Relations

The article is devoted to one of the most urgent types of social and philosophical anthropology. Family components and family relations are represented in the context of society evolution. Characteristics of three forms of family relations' understanding are given: ordinary, social and artistic. These three perceptions fully reflect cultural and philosophical understanding of family components and relations.

Pronyushkina E.V.

The State Traditions of Ethnic Problem Solving in Russia

Traditions of statehood formation in the conditions of poly-national structure are considered. The author compares Eurasian and mono-national views at ways and methods of the Russian state formation.

Putyatina S.V.

Economic Exchange as the Form of Social Interaction

The author considers an economic exchange as the form of social interaction directed on the improvement of life quality of individuals, groups of people, public societies. Forms of social arbitration and antinomies of social interaction at an economic exchange are considered.

Strebkova N.V.

Quality Education Assessment: Sociological Aspect

The article describes theoretical, methodological and practical importance of the sociological approach to the problem of quality education assessment. The author assumes that the conventional meaning of the "quality education assessment" depends on the interests' interrelation of various subjects of educational process; the article analyses problem areas in the current procedures of quality education assessment and suggests some practical recommendations for their improvement.

Tarenkova O.A.

Currency Legal Relations Subjects and Currency Law Subjects: Law Features

The specifics of concepts "currency law subjects" and "currency legal relations subjects" are revealed. Analyzing the opinions of scientists on the matter, the author gives her own view point on "currency law subjects" and "currency legal relations subjects".

Usanov N.I.

Theoretical Fundamentals of Social Identity Formation and Professional Competence in Modern Organization

The article is devoted to the analysis of the professional competence phenomenon and its formation management. The author made an attempt to systematize approaches to determination of the concepts of human, intellectual, cultural capital as structure constituents of specialist's professional competence in modern organizations.

Fedukina Yu.S.

Japanese Government and Mass Media Cultural Politics Influence on the Japanese Gender Relations

The purpose of the article is to give the reader some information about official Japanese politics and reflection of the positions of women in mass media, for example women's magazines.

Moreover, the author states that both the politics and magazines make women follow their living course and the majority of Japanese women use this information as “guidance to the action”. The author comes to the conclusion that every woman can choose her living principle according to her own character, opportunities and tendencies.

Chilipenok Yu.Yu.

HR Agency: its Role and Place in the General Recruitment Mechanism within the Organization

The article presents an observation of each stage of the recruitment process, including the phase of linking up with the HR agency in the company’s staff recruitment. The provided scheme illustrates social roles performed by HR agencies during collaboration with the organization.

Chudinova N.V.

Sociological Comprehension of Globalization as New Public Phenomenon

In this article the author analyzes the phenomenon of globalization as space and time transformation process in modern people’s coexistence. The author stresses on sociological analysis of globalization process. The author analyzes the works of Russian scientists (A.S. Panarin, A.I. Utkin) in order to comprehend the phenomenon of globalization.

Shashina N.A.

Changes in Military Doctors’ Social and Professional Status in Modern Russian Society

The basic directions of changes in social-professional status of military doctors as categories of the Russian military men are considered. Comparison of legal base of military men social maintenance in the Soviet and Russian armies is drawn.

Shilova S.A.

The Concept of Language as a *Priori* Symbolic Form in E. Cassirer’s Philosophy

This article is devoted to one of the most actual issues of the XXth century – to the issue of language. Views and ideas of German philosopher Ernst Cassirer are considered here in the light of symbolic idealism. The article reflects different features of language as an a priori symbolic way of objectification and deals with theoretical basis of symbolic forms in philosophy. The author analyses modern views on this matter and shows the urgency of symbolic approach to modern philosophy of culture.

Shipilovskaya O.A.

The Problems of Rural Medicine Development: Sociological Analysis

The key factors defining the difference in health states of urban and rural population are analyzed on the basis of the traditions of Russian medicine sociology. The article considers the problems of choosing the most effective forms of medical care for rural areas and the role of a general practitioner in providing specialized medical care to rural population.

Shokina I.N.

Adaptive Sport as a Tool to Maintain and Strengthen Disabled People Health

The author considers status of disabled people in the modern Russian society and ways of their adaptation to the social and economic sphere. Adaptive sport is regarded as a possible result of disabled people social adaptation.

Schelokov V.F.

Conceptual Basis of Personnel Security Sociological Analysis of Large Industrial Enterprise and Concept “Enterprise Labour Force”

The article deals with personnel security in the context of national and economic security. Special attention is given to the comprehensive labour force sociological analysis of the enterprise as an integrated business ability to contribute to the personnel potential of the local community, to survive under crisis and extreme conditions, to influence the corporate culture and organizational behavior of the related enterprises.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале «Вестник ПАГС»**

1. Статьи должны быть написаны на актуальные темы по обозначенным в перечне ВАК направлениям (философия, культурология, социология, право, политология). В содержательном отношении желательно, чтобы имелась связь с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителе. Объем статьи должен составлять 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом).

4. Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]).

5. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора и формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ 7.1–2003. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

6. Помимо текста статьи автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация статьи с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, кодов УДК и/или ББК (только на русском языке), и/или DOI, и/или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова или словосочетания (не более пяти);

в) приставный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

7. Статьи оцениваются внешними рецензентами, членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС соответствующего профиля.

Ответственный секретарь научного журнала «Вестник ПАГС»

Сергеев Сергей Геннадьевич

(8452) 33 92 29

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)